

Джон Буньян

ПУТЕШЕСТВИЕ ПИЛИГРИМА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ВЕРТЕП И СНОВИДЕЦ.....	2
Глава 2. ТОПЬ УНЫНИЯ	4
Глава 3. МИРСКОЙ МУДРЕЦ	6
Глава 4. ТЕСНЫЕ ВРАТА	10
Глава 5. ДОМ ТОЛКОВАТЕЛЯ	11
Глава 6. КРЕСТ	15
Глава 7. ГОРА ЗАТРУДНЕНИЕ.....	17
Глава 8. ЧЕРТОГ	19
Глава 9. АПОЛЛИОН	23
Глава 10. ДОЛИНА СМЕРТНОЙ ТЕНИ.....	25
Глава 11. ХРИСТИАНИН И ВЕРНЫЙ.....	27
Глава 12. КРАСНОБАЙ	31
Глава 13. ЯРМАРКА СУЕТЫ.....	35
Глава 14. ХРИСТИАНИН И УПОВАЮЩИЙ	40
Глава 15. ЗАМОК СОМНЕНИЕ И ВЕЛИКАН ОТЧАЯНИЕ	45
Глава 16. ОТРАДНЫЕ ГОРЫ.....	49
Глава 17. ИСТОРИЯ МАЛОВЕРНОГО И ПРЕБЫВАНИЕ В ОЧАРОВАННОЙ СТРАНЕ	51
Глава 18. НЕВЕЖДА	60
Глава 19. ПОСЛЕДНЕЕ ИСПЫТАНИЕ. НЕБЕСНЫЙ ГРАД	65

Глава 1

ВЕРТЕП И СНОВИДЕЦ

Странствуя по дикой пустыне этого мира, я случайно забрел в одно место, где находился вертеп. Там я прилег отдохнуть и вскоре заснул. И вот приснился мне сон...

Вижу я человека, одетого в грязное рубище и стоящего неподвижно на дороге, спиной к своему жилищу. В руках его — книга, а на спине — тяжелая ноша. Гляжу, он открыл книгу и начал читать, но почему-то вдруг залился слезами и задрожал. Потом, как бы не в силах превозмочь тревожного чувства, он в отчаянии воскликнул: "Что мне делать?".

С тяжелым сердцем вернулся он домой и, насколько мог, старался держать себя в руках, чтобы жена и дети не заметили его скорби. Однако недолго ему удалось скрыть перед ними свое душевное страдание, так как оно постоянно усиливалось. Наконец он решился открыться жене и детям: "Моя любимая жена! Мои дорогие дети! Я вне себя от горя! Я пропал, погиб, ведь я всю свою жизнь грешил! Я узнал из верных источников, что наш город будет сожжен небесным огнем и мы все неминуемо погибнем, если не найдем тот единственный путь, которого я пока еще не знаю, но которым можно спастись от ужасной смерти".

При этих словах все его близкие удивились и сильно опечалились, но не потому, что ему поверили, а потому, что подумали, что он сошел с ума. А так как был уже поздний час, они уговорили его лечь в постель, дабы он заснул и успокоился.

Он провел бессонную ночь, и его беспокойство не уменьшилось. Напротив, оно еще более усилилось. До самого утра он плакал и вздыхал. Утром его жена и дети пришли осведомиться о его здоровье. Он ответил, что ему становится все хуже и хуже, и снова заговорил о своем переживании. Домашних это начало раздражать. Вначале они пытались заглушить его расстроенное воображение жесткими и резкими упреками, потом начали развлекать его пустыми разговорами; затем опять принялись его бранить и, наконец, стали избегать всякого с ним общения. Он, в свою очередь, начал чаще уединяться, молиться за них. Он жалел, что они ему не хотят верить, и оплакивал свою горькую судьбу. Иногда он в полном одиночестве бродил по широкому полю, читая или молясь.

Прошло несколько дней. Вот вижу я его однажды идущим по полю и, по своему обыкновению, углубившимся в чтение, и мне показалось, что он стал еще мрачнее. И вдруг он снова громко воскликнул: "Что мне делать, чтобы спастись?".

Я видел, как он нерешительно и боязливо озирался по сторонам, как бы отыскивая путь, по которому ему следует бежать. Но все же он не трогался с места, так как не знал, который из многих ему избрать. И вот вижу, подходит к нему человек по имени Евангелист и спрашивает:

— О чем ты плачешь? Он с грустью ответил:

— Книга, которую я сейчас читаю, убеждает меня, что я осужден на смерть, а после нее должен предстать перед судом Божиим. Сознаюсь, что я страшусь первого и не в силах пережить второе.

— Но почему же ты боишься смерти, когда в жизни столько зла?

— А потому что боюсь, как бы эта тяжелая ноша на спине не потянула меня глубже самой могилы, и я тогда провалюсь в геенну огненную. Тюрьма страшна, но еще более страшат меня судилище и казнь. Все эти мысли приводят меня в отчаяние.

Евангелист возразил на это:

— Почему же ты не трогаешься в путь, если в душе твоей нет покоя?

— Потому, — ответил он, — что не знаю, куда идти. Тогда Евангелист вручил ему сверток из пергамента, на котором было написано: "Беги от будущего гнева!".

Прочитав эти слова, бедный человек внимательно взглянул на Евангелиста и спросил:

— Но куда же мне бежать?

Указав пальцем вдаль, на край широкого поля, тот спросил:

— Видишь ли ты там, вдали Тесные врата?

— Нет, — ответил человек.

— А видишь ли, — продолжал Евангелист, — вдалеке слепящий свет?"

— Кажется, вижу.

— Старайся же, чтобы этот свет всегда был перед твоим взором, — напутствовал Евангелист, — и ступай по направлению к нему. Дойдя до Тесных врат, постучись, и тебе скажут, что делать далее.

И вот вижу я, как человек опрометью пустился бежать в указанном направлении. Бежать ему надо было мимо своего дома. Жена и дети, увидев его убегающим, подняли громкий вопль, умоляя вернуться. Но он заткнул уши пальцами и побежал еще скорей, восклицая: "Жизнь, жизнь, вечная жизнь!". Пересекая поле, он даже не обернулся, чтобы взглянуть на них.

Все его соседи высыпали на улицу поглазеть на него. Некоторые насмехались над ним, другие ругали его, третьи со слезами умоляли вернуться назад. Из числа последних двое решили вернуть его, во что бы то ни стало.

Одного из них звали Упрямым, а другого Сговорчивым. Убегающий был в это время уже далеко, но они все-таки пустились за ним в погоню. И вскоре настигли своего обессиленного друга.

Тогда он спросил их:

— Соседи, зачем вы догнали меня?

— Затем, — отвечали они, — чтобы убедить тебя вернуться с нами домой.

Но он возразил:

— Этого я ни за что не сделаю. Вы живете в городе Гибель, в городе, где я родился и жил до сих пор, но теперь я узнал, что это за место. И когда вы умрете, а это случится рано или поздно, вы провалитесь глубже самой могилы, где вечно пылают огонь и сера. Успокойтесь, добрые соседи, и пойдемте лучше вместе со мной.

— Как?! Оставить друзей, дом, спокойную жизнь? — возмутился Упрямый.

— Да, потому что "все, что ты здесь оставишь", не может сравниться даже с крупницей того, что ожидает тебя. И если ты согласен идти к той же цели, то также получишь свою долю, потому что там, куда я иду, много добра и хватит его на всех с избытком. Идемте, и вы увидите, что я прав, — ответил Христианин, а звали его именно так.

— Чего же искать нам там, в неизвестности, когда все оставлено дома? — не мог понять Упрямый.

— Я ищу "наследства нетленного, непорочного, которое никогда не увядает". И мне было сказано, что оно хранится на небе в надежном месте и в назначенное время будет разделено между теми, кто стремился получить его. Прочитай об этом, если хочешь, в моей книге.

— Полно! Отстань ты со своей книгой... Говори прямо, хочешь вернуться с нами или нет?

— Конечно, нет. Моя рука взялась за плуг... — решительно сказал Христианин.

— Ну, тогда пошли, Сговорчивый, прочь! Вернемся домой без него. Если подобные безумцы вобьют себе что-либо в голову, то воображают себя умнее всех здравомыслящих, — возмутился Упрямый.

Однако Сговорчивый возразил:

— Зачем так порочить людей? Если добрый Христианин говорит истину, тогда то, что он старается получить, гораздо заманчивее того, что мы имеем. И мне очень хотелось бы пойти с моим соседом.

— Как? Еще одним дураком больше?! Послушайся меня, пойдем назад. Кто знает, куда этот болван заведет тебя? Назад, идем назад, докажи, что ты благоразумен, — пытался убедить Упрямый Сговорчивого.

Но Христианин сказал Упрямому:

— Нет, сосед, лучше ты последуй примеру Сговорчивого. Мы, в самом деле, там получим то, о чем я сейчас говорил, а сверх того — великую славу. Если ты мне не веришь, прочти это в этой книге. А за истину всего там написанного отвечает Тот, Кто окропил ее Своею кровью.

Сговорчивый решил не возвращаться назад.

— Слушай, сосед Упрямый, я думаю решиться на этот путь. Пойду я с этим добрым человеком и разделю его судьбу... Но Христианин, мил человек, уверен ли ты, что знаешь путь к желанному месту?

— Я получил наставление от Евангелиста. Он указал мне путь к Тесным вратам, которые находятся вдали от нас. Там мы получим необходимые указания для нашего дальнейшего пути.

— Ну, так идем, добрый сосед, идем. И они отправились вместе. Упрямый же решил вернуться домой, не желая быть товарищем таких безумцев.

Глава 2. ТОПЬ УНЫНИЯ

И вот вижу, что Упрямый повернул домой, а Сговорчивый с Христианином вдвоем продолжили путь, разговаривая друг с другом:

— Ну, сосед, — говорил Христианин, — как я рад тебе! Ты хорошо сделал, что решил идти со мной! Если бы Упрямый, подобно мне, почувствовал всю власть и ужас того, что нам пока неизвестно, он бы не так легко решился повернуть назад.

— Послушай, сосед, — попросил Сговорчивый, — пока мы одни, объясни мне толком, что мы идем искать, что это за достояния, и куда мы с тобой направляемся?

— Это духовные богатства, их можно почувствовать, но очень трудно описать словами. Но если ты горишь желанием узнать более подробно об этих богатствах, я могу тебе прочесть некоторые главы из моей книги.

— И ты веришь, что все, что там написано, истинно?

— Без сомнения, потому что эту книгу нам дал Тот, Кто лгать не может.

— Это прекрасно! Так что же мы с тобой получим?

— Мы будем жить в Царстве, которое будет существовать во веки веков, и получим жизнь вечную.

— Чудесно! Ну, а еще что?

— Мы получим венец славы и одежды, которые будут сиять, как солнце на синем небе.

— Превосходно... Ну, а что же еще?

— Там не будет больше стенов и печали, потому что Владыка тех мест сотрет всякую слезу с наших очей.

— А кто будет там вместе с нами?

— Мы там будем с херувимами и серафимами — такими чудными созданиями, один вид которых теперь ослепил бы нас. Еще встретим мы там тысячи тысяч пришедших в это Царство задолго до нас. Никто из них не делает зла, они добры и святы и ходят пред оком Господним; это старцы в белых одеждах и золотых венцах, это гусяры, играющие на гусях своих. Мы увидим людей, которых на земле пытали, сжигали на кострах, отдавали на съедение зверям, топили в морях — и все это они претерпевали ради любви к Господу. Все там будут здоровы и невредимы и облечены в одежду бессмертия.

— Слушая тебя, — заметил Сговорчивый, — я восхищаюсь, но в самом ли деле мы сделаемся причастниками таких радостей?

— Господь — Владыка этой страны — обещал нам это в Своей книге, и если мы к этому искренне будем стремиться, Бог изольет на нас Свою благодать, и мы все это получим даром.

— Хорошо, дорогой попугчик, меня радуют твои слова. Прибавим-ка шагу.

— Не могу идти так быстро, как хотелось бы: у меня на спине тяжелая ноша. Она мне сильно мешает.

Так, незаметно, беседуя друг с другом, они подошли к грязной топи, находящейся в середине равнины, но по рассеянности не остереглись и провалились в тину. Эта топь имела несколько мрачное название. Называлась она топью Уныния. Барахтаясь в грязи, Христианин из-за тяжелой поклажи на спине стал захлебываться в тине. Мешок за плечами с огромной силой тянул его ко дну.

— Ах, сосед, — воскликнул Сговорчивый, — что с тобой?

— Право, — отвечал Христианин, — сам не знаю. Этот ответ очень удивил Сговорчивого, и он с раздражением возразил своему попугчику:

— Так вот каково твое блаженство, о котором ты только что мне с таким увлечением рассказывал! Если такое приключилось с нами в самом начале нашего путешествия, то что же нас ждет впереди? Только б мне выбраться отсюда живым! Можешь один добираться в свою сказочную страну!

С этими словами, собрав последние силы, он вылез из топи на тот берег, который был ближе к его дому, и пошел домой.

Христианин же, оставшись один, долго выбирался из топи Уныния, стремясь добраться к тому берегу, который был ближе к Тесным вратам. Из-за тяжелой ноши на спине он никак не мог выбраться из болотной пучины. Все его усилия были напрасны. Но вот вижу, подходит к нему человек по имени Помощь и спрашивает:

— Что ты здесь делаешь?

— Некто по имени Евангелист, — ответил тонущий Христианин, — указал мне путь прямо к Тесным вратам. Чтобы избежать будущего гнева Божия, я отправился туда и по пути неожиданно для себя провалился в болото.

— Но почему же ты не обратил внимание на ступени?

— Меня обуял такой страх, что я невольно кинулся в другую сторону, оступись и стал тонуть.

— Вот тебе моя рука: ухватись за нее.

И он вытащил Христианина из топи, поставил на твердую землю и повелел ему продолжить путь.

Тогда я решил подойти к тому, кто его вытащил, и спросил его:

— Будьте добры, объясните мне, почему на пути, ведущем из города Гибель к Тесным вратам, через эту топь не перекинули мост? Может, можно было бы проложить дорогу? Ведь так как другого пути нет, бедные путешественники всегда здесь подвержены опасности утонуть...

— Эту грязную топь ни осушить, ни замостить нельзя. Сюда стекаются "нечистоты" греха, поэтому все это место и называется топью Уныния. Когда грешник пробуждается от отуманившего его греха и познает истину, им, спустя некоторое время, вдруг овладевают страх, сомнения и недоверие. Именно эти тяжкие ощущения стекаются в это место. В результате они испортили почву, по которой проходит путь к Тесным вратам. Не думайте, однако, что Владыка сих мест доволен, что путникам грозит здесь опасность. Не Его воля, чтобы топь существовала вечно. Насколько мне известно, уже тысячи, миллионы людей с целым возом инструкций, чертежей и материалов пытались осушить это болото. Но, несмотря на все их усилия, эта топь Уныния существует, и будет существовать.

Правда, по приказанию Законодателя через всю топь проложены ступени, но из-за невероятно большого количества пены и грязи, которые стекаются в топь в это время года, они не всегда заметны. Впрочем, даже когда они и видны, люди, проходящие по этим ступеням, чувствуют такое сильное головокружение, что непременно оступаются, отчаянно барахтаются и выбираются из топи, покрытые толстым слоем грязи. Но по ту сторону Тесных врат дорога хорошая, ровная.

...После этого я увидел во сне, что Сговорчивый вскоре вернулся домой. Все соседи собрались вокруг него. Некоторые хвалили его за то, что образумился, называли его рассудительным. Другие, наоборот, обзывали дураком, потому что он вздумал пуститься с Христианином в дальний и опасный путь. Третьи насмеялись над ним, называли его трусом, добавляя при этом: "Уж если б мы решились двинуться в путь, то, конечно, не испугались бы первых трудностей и не повернули бы назад из страха столкнуться с еще большими".

Сговорчивый сидел среди них пристыженный. Но мало-помалу он ободрился и вместе с другими стал всячески высмеивать Христианина.

С этой минуты Сговорчивый никогда более не являлся в моем сновидении...

Глава 3. МИРСКОЙ МУДРЕЦ

Продолжая в одиночестве свой путь, Христианин заметил вдали человека, идущего ему навстречу. Вскоре они встретились. Звали этого очень "умного" господина Мирской Мудрец, Он жил в большом городе Мирская Политика, недалеко от города Гибель. Мирской Мудрец тотчас узнал в этом уставшем, согнувшимся под чрезмерно тяжелой ношей человеке Христианина. Этот господин был наслышан о Христианине, внезапное бегство которого наделало много шума в городе и его окрестностях.

— Эй, молодец, куда это ты держишь путь с такой тяжелой поклажей?

— Я и в самом деле тащу изрядную ношу. Куда? К тем Тесным вратам, что вдали от нас. Мне сказали, что там укажут, как избавиться от этого бремени...

— У тебя есть жена, дети?

— Да. Но я так утомлен моей ношей, что не могу быть с ними более спокоен и счастлив. Мне иногда даже кажется, что я одинок...

— Хочешь, я дам тебе добрый совет?

— Если совет твой хорош, буду очень рад. Мне как раз нужен добрый совет.

— Я бы посоветовал тебе как можно скорее своими собственными силами избавиться от тяжелой ноши. Ты никогда не будешь спокоен душой и не сможешь наслаждаться благодатью, изливаемой на тебя Господом Богом, пока это бремя тебя гнетет.

— Это я знаю, — ответил Христианин, — и ищу, как бы избавиться от этой ноши. Но сам этого сделать не могу, и нет ни единого человека во всей округе, кто бы мне помог. Вот почему я иду этим путем к тем Тесным вратам. Я лелею надежду, что там наконец-то избавлюсь от этой непомерной тяжести.

— Кто тебе подсказал этот путь?

— Человек, который мне показался весьма почтенным. Имя его, как мне помнится, Евангелист.

— Будь он проклят за свой совет, — возмутился Мирской Мудрец. — Нет более опасного и трудного пути на свете, чем тот, который он тебе указал, и в этом ты очень скоро убедишься, если не свернешь с этой дороги. С тобой, как вижу, уже что-то приключилось. На твоей одежде грязь топи Уныния. Но эта топь — только начало тех скорбей, которые ожидают идущих этим путем. Послушайся меня, ведь я намного старше тебя. Если пойдешь и дальше той же дорогой, ты, несомненно, столкнешься с утомлением, болезнями, голодом, опасностями, львами, драконами, тьмой — словом, со смертью. Эти слова мои верны, поверь мне, Я встречался со многими несчастными, которые проходили этот тяжелый путь. И зачем человеку погибать только потому, что он поверил безумным речам неизвестного человека?

— Все это так, — сказал Христианин, — но признаюсь, что это тяжкое бремя на моей спине намного ужаснее всего того, что ты сейчас перечислил. Более того, меня

совершенно не пугают все эти лишения и трудности, которые мне могут повстречаться на пути, лишь бы как-нибудь освободиться от своей тяжелой ноши.

— Объясни мне, пожалуйста, откуда у тебя это невероятно тяжелое бремя?

— Из этой книги, которая у меня в руках.

— Я так и думал! С тобой случилось то, что случается со многими малодушными людьми, которые берутся за решение вопросов, стоящих выше их разума. А так как они не в состоянии найти ответы на эти вопросы, они приходят в отчаяние. В состоянии такого душевного разлада они становятся способными на необдуманные действия, как правило, сами не зная, чего хотят.

— Но я-то знаю, чего ищу; я хочу избавиться от этой тяжелой ноши!

— Но зачем же ты для своей цели выбрал именно этот путь, путь, полный опасностей? Я готов показать тебе другой путь, если ты внимательно выслушаешь меня. На этом пути тебе не грозят те опасности, которые поджидают тебя на каждом шагу на этой дороге. Совет мой очень прост, помощь рядом. Более того, вместо горя и неприятностей ты обретешь покой и мир в душе и много-много друзей.

— Прошу тебя, друг, открой мне эту тайну, — попросил Христианин Мирского Мудреца.

— В селе неподалеку отсюда, с красивым названием Благодравие, живет некий господин по имени Законность, человек очень уважаемый, с большим жизненным опытом, весьма строгих правил и незапятнанной репутации. Он находит выход из самых запутанных ситуаций. Могу тебя заверить, что он помог уже многим людям, которые попадали в безвыходное положение. Кроме того, у него есть особый дар — он может исцелять людей, психика которых пострадала под тяжестью бремени, очень схожего с твоим. К нему-то я тебе советую отправиться сейчас, и он тотчас тебе поможет. Дом его находится отсюда на расстоянии полутора верст. Если ты его не застанешь дома, то познакомишься с сыном, милым молодым человеком по имени Угодливость, который может точно так же тебе помочь, как и его старик-отец. Там, смею тебя уверить, ты скоро избавишься от своей ноши. Если ты решительно не желаешь вернуться в свой родной город, чего я тебе тоже не советую, то тебе надо будет вызвать к себе жену и детей и поселиться в этом селе, купив удобный и недорогой домик. Там их теперь много пустует... И провизия здесь тоже дешевая, притом отличного качества. Твое счастье умножат хорошие честные соседи, сам же ты будешь пользоваться всеобщим почетом и уважением.

Христианин совершенно растерялся. Подумав немного, он решил: если этот господин говорит правду, то лучше, конечно, последовать совету Мирского Мудреца и избрать эту дорогу.

— Где же тот путь, который ведет к этому почтенному человеку?

— Видишь ли ты там вдали ту высокую гору?

— Да, отлично вижу.

— Так ты должен обойти эту гору, и первый дом, который ты увидишь, будет как раз тем домом, в котором живет Законность.

...Христианин свернул со своего пути и повернул в указанном ему направлении, чтобы получить там обещанную помощь. Но когда он подошел к подножию горы, она показалась ему очень высокой и крутой. Кроме того, над дорогой нависали такие отвесные скалы, что он не решался продолжить свой путь из страха, что кусок скалы может сорваться и его раздавить. Долго стоял он так. Бремя же его стало намного тяжелее, чем тогда, когда он шел прежним путем. Из горы с треском вылетали языки пламени, и Христианин стал опасаться, как бы ему здесь не сгореть. Пот каплями выступил на его челе, ужас объял его... Он пожалел, что послушался совета Мирского Мудреца.

И вдруг Христианин увидел приближающегося к нему первого своего знакомого — Евангелиста. При виде его он покраснел до корней волос, так ему было стыдно.

Евангелист подходил все ближе, а подойдя к нему вплотную, он строго посмотрел на него и начал так:

— Что ты здесь делаешь, Христианин? Но тот, потупясь, молчал.

— Ты ли тот самый человек, — продолжал Евангелист, — которого я когда-то встретил вне стен города Гибель плачущим и страдающим?

— Увы, дорогой наставник, да.

— Разве я тебе не указал прямого пути к Тесным вратам?

— Да, указали и объяснили.

— Каким же образом ты так скоро свернул с указанного мною пути? Ведь теперь ты далеко от той дороги, по которой шел.

— Когда после долгого барахтанья я наконец-то выбрался из топи Уныния, то повстречал человека, который уверял меня, что в селе здесь поблизости я найду некоего господина, который избавит меня от этой ноши.

— Как он выглядел? — спросил Евангелист Христианина.

— Он мне показался весьма просвещенным и почтенным, много говорил со мной и, наконец, убедил меня прислушаться к его совету. Таким образом, я оказался здесь. Когда же я увидел эту гору с ее обрывистыми скалами, нависающими над дорогой, я испугался, что одна из скал может упасть и раздавить меня.

— Что тебе говорил этот господин?

— Он спрашивал, куда я иду и зачем.

— А еще что?

— Спросил, семейный ли я. Я ответил утвердительно, но прибавил, что не нахожу более прежнего счастья в семье с тех самых пор, как взвалил на свои плечи эту тяжесть.

— Что же он тебе на это ответил?

— Он посоветовал мне как можно скорее самому избавиться от этого груза. Я ему ответил, что это как раз то, что я хочу сделать, и именно поэтому мой путь лежит к Тесным вратам. Там я узнаю, как же мне все-таки добраться к желанному месту, где можно будет сбросить его. Он мне охотно согласился помочь и указал более короткий и безопасный путь, который должен был привести меня к некоему человеку, якобы способному освобождать людей от подобного рода тяжестей. Я ему поверил и решил попытать счастья. Однако, увидев эти наводящие ужас скалы, я в растерянности остановился. И, право, не знал, что мне делать дальше.

— Погоди минутку и послушай слова Господни, которые я тебе сейчас зачитаю.

Со страхом и трепетом внимал Христианин словам из Священного Писания: "Смотрите, не отвратитесь и вы от говорящего. Если те, не послушав глаголавшего на земле, не избегли наказания, то тем более не избежим мы, если отвратимся от Глаголющего с небес"... Еще Он сказал: "Праведный верою жив будет; а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя".

— А ты, — продолжал Евангелист, обращаясь к Христианину, — ты человек, стремящийся к своей гибели. Ты начал с того, что отверг слова Всевышнего, ты стези свои направил с пути мира на путь лжи, гордости и чуть было не дошел до своей вечной погибели.

При этих словах Христианин, как подкошенный, повалился к ногам Евангелиста, восклицая:

— Горе мне, ибо я погиб!

Но Евангелист взял его за правую руку, помог ему встать на ноги и ободрил его, сказав, что "всякий грех и хула простятся человекуам", только "не будь неверующим, но верующим". После этих слов Христианин вздохнул свободнее и, дрожа всем телом, поднялся с земли.

— Теперь выслушай меня с еще большим вниманием, — продолжал Евангелист. — Я тебе объясню, что тебя смутило и кто этот человек, к которому ты идешь. Встретившийся тебе человек — Мирской Мудрец, и следует признать, что он по праву носит это имя.

Почему Мирской? А потому, что он проповедует только истины мира сего и неукоснительно им следует. Далее, он свои мирские учения предпочитает всем остальным по той простой причине, что последователи этих учений не боятся быть гонимыми за крест Христов. Он рассуждает по-земному, а не духовно, и поэтому старается истолковать слова Божий превратно. Что касается совета этого господина, то в нем есть три момента, которые ты должен со всей решительностью отклонить:

Во-первых, свернув с правильного пути, ты по собственной воле отверг наставления Бога ради наставлений Мирского Мудреца. Господь говорит: "Подвизайтесь войти сквозь тесные врата (которые я тебе указывал)... потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их".

Во-вторых, ты не должен забывать, что Крест Христов и поношение Христово должны быть для тебя "большим богатством, нежели Египетские сокровища". Притом Царь славы сказал тебе:

"Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником".

В-третьих, ты должен возненавидеть всякий иной путь, кроме евангельского, потому что всякий иной путь ведет к вечной гибели. Вдумайся, к какому человеку он тебя послал. Тот, кто, по словам Мирского Мудреца, должен был избавить тебя от бремени, — Законность, сын рабыни, олицетворяющей "гору Синай", грозившей задавить тебя. Если же "мать в рабстве со своими детьми", то каким образом они могут тебя спасти? Законность не может освободить тебя от твоего бремени. Еще никто не мог чрез него сделаться свободным. "Не можете вы быть оправданы делами закона". Из всего этого ты должен заключить, что Мирскому Мудрецу чуждо евангельское учение, Законность — обманщик, а сын последнего — Угодливость, несмотря на все свои изысканные манеры и приветливость, никто иной, как лицемер. Словом, единственная цель, которую преследуют эти люди, — сбить тебя с того пути, который ведет к Тесным вратам, и тем самым погубить тебя.

После этого Евангелист громко воззвал к небу, чтобы призвать его в свидетели и подтвердить сказанные им слова. Вдруг из горы, под которой стоял бедный, несчастный Христианин, вырвались огромные языки пламени, и громopodobный голос прогремел над его головой: "Все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою. Ибо написано: проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона".

Насмерть перепуганный Христианин проклинал минуту встречи с Мирским Мудрецом и горько плакал. Ему было стыдно, что этот Мудрец, проповедующий только мирские истины, обладал такой силой воли и имел такую власть над ним, что сумел уговорить его свернуть с правильного пути. Он долго не решался поднять глаза на Евангелиста. Наконец он срывающимся голосом обратился к нему:

— Скажите, есть ли для меня еще надежда? Я искренне раскаиваюсь в своем заблуждении. Дозволено ли мне снова идти к Тесным вратам? Неужели я отвержен теперь навеки?

— Грех твой велик, — ответил Евангелист. — Во-первых, ты оставил тот путь, который ведет к Тесным вратам; во-вторых, ты ступил на запрещенный путь. Однако, Отворяющий дверь примет тебя, потому что у Него к "человекам благоволение". Но остерегайся еще раз свернуть с пути, чтобы "не погибнуть в пути вашем, ибо гнев Его возгорится вскоре".

Христианину стало легче на душе, и он решил немедленно отправиться к Тесным вратам.

Евангелист улыбнулся, поцеловал его и благословил на дорогу:

— С Богом! Счастливого пути!

Глава 4.

ТЕСНЫЕ ВРАТА

Христианин шел быстрым шагом, не обращая внимания на встречных. Лишь дойдя до того места, где он свернул с дороги по совету Мирского Мудреца, пилигрим, наконец, почувствовал себя вне опасности.

Ступив снова на правильный путь, Христианин довольно быстро добрался до Тесных врат. Увидев выбитую над вратами надпись:

"Стучите, и отворят вам", он очень обрадовался.

С замирающим сердцем постучал он раз, другой, беззвучно повторяя при этом:

— Смогу ли я войти? Тот, кто сейчас откроет врата, примет ли меня, кающегося грешника? Если да, тогда я не перестану петь хвалу Всевышнему во веки веков! Наконец на стук его вышел почтенный старец по имени Доброжелатель. Он встретил Христианина очень приветливо:

— Кто ты? Откуда? Куда держишь путь?

— Я бедный, обремененный грешник, — ответил путник. — Пришел я из города Гибель. Держу путь на гору Сион, чтобы спастись от будущего гнева. Но так как дорога, ведущая на эту гору, проходит через эти Тесные врата, то я очень прошу тебя дать мне возможность пройти через них.

— Очень рад исполнить твою просьбу.

С этими словами привратник отворил дверь.

Когда Христианин переступал порог, то почувствовал, будто привратник подтолкнул его в спину. Потом Доброжелатель объяснил ему, что недалеко от врат стоит высокий и крепкий замок, который принадлежит Веельзевулу. Оттуда он и его приближенные пускают огненные стрелы в тех, кто мешкает возле двери, пытаясь поразить их прежде, чем те переступят порог.

Кровь отхлынула от лица Христианина, а на сердце было радостно, ведь он остался в живых.

Доброжелатель поинтересовался, кто его сюда послал.

— Я пришел сюда по совету Евангелиста, который заверил меня, что от вас я узнаю, как мне действовать далее.

— Дверь открыта перед тобой, и ни один человек затворить ее не может.

— Я теперь только начинаю пожинать плоды моего рискованного предприятия, — ответил Христианин.

— Неужели ты пришел совершенно один?

Тогда Христианин чистосердечно рассказал Доброжелателю о всех своих приключениях, не скрывая ни своих ошибок, ни заблуждений, обвиняя во всем самого себя и воздавая славу милосердию Божью. Он также передал ему свой разговор с Упрямым, Сговорчивым и Мирским Мудрецом и искренне сожалел, что доверился последнему и что хотел обратиться за помощью к Законности. Закончил он свой длинный рассказ словами:

— Я бы, несомненно, пропал, если бы Евангелист не спас меня от верной гибели. Вот я стою перед тобою такой, какой я есть. Весь перепачканный болотной тиной, смертельно усталый, обремененный грехами. Я заслужил скорее вечную смерть, нежели вечную жизнь. Но как велика милость Божия, что, несмотря на все это, мне дозволено было войти через эти врата.

— Гора эта была причиной гибели многих, — ответил Доброжелатель. — И, вероятно, так будет и в будущем. Твое счастье, что тебе вовремя встретился Евангелист... Мы же никому не препятствуем входить сюда. Напротив, принимаем даже самого последнего грешника. А теперь, добрый Христианин, следуй за мной, и я покажу тебе путь, по которому тебе следует идти дальше. Видишь ли ты этот узкий путь? Он проложен

патриархами, пророками, Христом, Его апостолами и идеально прям, как туго натянутая струна. Этим путем тебе и следует идти.

— И он не имеет никаких поворотов и развилок, которые могли бы сбить путника с пути?

— К этому пути примыкает большое множество дорог, но они широки и извилисты, тогда как правильный путь — узкий и прямой. По этим признакам тебе легко будет отличить истинный путь от ложного.

И вот я ясно вижу во сне, как Христианин просит Доброжелателя освободить его от своей уже порядком надоевшей ноши. Привратник посоветовал ему набраться еще немного терпения, так как время освобождения от этой обузы уже близко. Недалеко то место, где груз сам свалится со спины, и ему это не будет стоить никаких физических усилий.

Христианин поправил свою ношу и пустился в путь. На прощание Доброжелатель добавил, что в нескольких часах ходьбы живет некий человек по имени Толкователь. К нему надо непременно зайти, там он сможет увидеть удивительные вещи.

Глава 5. ДОМ ТОЛКОВАТЕЛЯ

Вскоре Христианин добрался до дома Толкователя. В дверь пришлось постучать несколько раз, прежде чем его услышали.

— Кто там?

— Дорогой господин, я путешественник, присланный сюда Доброжелателем, привратником Тесных врат, — ответил Христианин. — Я бы хотел переговорить с самим хозяином дома.

Спустя несколько минут к Христианину вышел сам Толкователь.

— Я иду из города Гибель и держу путь к горе Сион. Привратник Тесных врат посоветовал мне заглянуть к вам. Он сказал, что вы можете показать мне что-то очень важное.

— Войди. Я покажу тебе нечто, что сможет тебе пригодиться. Он приказал служителю зажечь свечу и пригласил Христианина следовать за ним. Они подошли к одной из комнат, и слуга открыл дверь. Войдя в комнату, Христианин увидел на стене картину. На ней был изображен достопочтенный мужчина. Глаза его были подняты к небу, в руках он держал Книгу книг — Библию, закон истины был написан на его устах. Он стоял спиной к миру, и золотой венец светился над его головой. — Кто это? — спросил изумленный Христианин.

— Этот человек — один из тысячи. Настоящий пастырь Церкви и служитель Христа. Распростертые к небу руки, Книга книг в руках и Закон истины на устах означают, что его долг состоит не только в том, чтобы открывать истину, но и объяснять эти истины грешникам. Поэтому он и представлен в виде человека, который просит, призывает и увещевает. Обращенная к миру спина и венец над головой символизируют полное презрение ко всем земным сокровищам и уверенность в том, что он будет однажды свидетелем великолепия Царства Божия. Я не зря показал тебе в первую очередь именно эту картину. Человек, изображенный на этой картине, будет твоим наставником на следующем отрезке твоего пути. Хорошо запомни этого человека, Не следуй и не внимай без разбору всякому учителю, и помни слова Господа: "Замечайте, что слышите".

После этого Толкователь повел Христианина в большую, очень пыльную комнату. Было такое впечатление, что эта комната никогда не видела веника и влажной тряпки. Вскоре он позвал служителя и велел ему подмести пол. Последний так энергично взялся за дело и поднял такую страшную пыль, что Христианин чуть было не задохнулся. Тогда

хозяин позвал служанку и велел ей принести воды и побрызгать всю комнату. Теперь можно было без проблем подмести, а затем помыть пол.

— Что это означает? — удивился Христианин.

— Эта комната — олицетворение человеческого сердца, еще не освященного благодатью Евангелия. Пыль — врожденное греховное состояние и внутренняя испорченность, которыми осквернен человек. Тот, кто начал мести комнату, представляет собой закон; девушка, которая оросила ее водой, — Евангелие. Ты видел, как пыльно было в комнате, когда начали ее мести. Подметать всухую не имеет никакого смысла, таким методом чистоту не наведешь. Пойми, что закон не убивает грех, не очищает от него сердце, а всего лишь поднимает со дна на поверхность те грехи, которые были, быть может, незначительны или давно забыты. Но когда сердце принимает Евангелие (Благую Весть), то Слово Божие, как вода, истребляет всякую пыль и смывает прежнее зло, как бы крепко ни засело оно в нас. Таким образом, грех покорен, побежден и уничтожен, душа чиста чрез веру в Слово Божие и годна для обители Царя славы.

Потом Толкователь взял Христианина за руку и ввел его в небольшую комнату, где на стульях сидело два ребенка. Старшего звали Нетерпение, младшего — Терпение. Нетерпение было очень беспокойным и недовольным, а Терпение сидело тихо. Христианин осведомился о причине недовольства старшего. Толкователь ответил, что их Воспитатель обещал им к началу будущего года драгоценные подарки, а Нетерпение хочет получить их немедленно, тогда как Терпение с радостью согласилось подождать... Тут кто-то вошел в комнату и вручил Нетерпению мешок с дорогими подарками. Но недолго был счастлив обладатель большого мешка. Уже через пару минут все было разбросано, разорвано и сломано. Терпение покинуло комнату с пустыми руками, но удалилось тихо, с ожиданием радости на челе.

— Растолкуйте мне, что все это значит? — попросил Христианин.

— Эти два мальчика символизируют два типа людей. Нетерпение — дитя мира, оно хочет все получить сразу же, еще в нынешнем году, то есть в этом мире: таковы люди земные. Они желают все хорошее получить поскорее, во время жизни на земле, и не могут ждать "будущего года", то есть будущей жизни. Пословица: "Лучше синица в руках, чем журавль в небе" — для них значит больше, чем все Божьи свидетельства о будущих благах. Но Нетерпение очень скоро все растранижило, и остались при нем одни лохмотья — таков будет удел всех подобных ему людей, когда настанет конец мира.

— Я вижу, что Терпение избрало лучшую долю, — заметил Христианин. — Ему будет даровано Царство Небесное, в то время как другого ожидает нищета и позор.

— Ты можешь к этому прибавить, — продолжал Толкователь, — славу и великолепие будущей жизни, которые беспредельны, в то время как земная слава мимолетна. Напрасно Нетерпение смеется над Терпением, что первым получило сокровища. Ведь, в конце концов, хорошо смеется тот, кто смеется последним, и восторжествует Терпение... Первые должны будут уступить место последним, потому что пробьет час и для последнего. Но последнему никому не нужно будет уступать, так как за ним уже никого не будет. Тот, кто получит блага первым, скорей и истратит их. Но кто их получит последним, тот сохранит их навеки, у него просто не будет времени для того, чтобы их растранижить. Потому-то и говорится в притче:

"Вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь".

— Я теперь вижу, — сказал Христианин, — что лучше не желать в здешней жизни счастья и земных благ, но терпеливо ожидать вечных.

— Верно ты говоришь. Блага видимые — временны, а невидимые — вечны. Настоящее и наши плотские желания находятся в тесной взаимосвязи, в то время как будущее и наши плотские желания взаимоисключают друг друга.

Сказав это, Толкователь взял Христианина за руку и повел его в следующую комнату к костру, разведенному у стены. Рядом стоял человек, который старался потушить огонь

водой, однако пламя, как ни странно, не уменьшалось, а наоборот — разгоралось все сильнее и ярче.

Христианин опять ничего не мог понять.

— Этот огонь символизирует действующую в сердце человека благодать. Тот, кто заливает огонь водой, — сатана. Ты же видишь, что пламя пылает все сильнее и жарче, несмотря на неимоверные усилия сатаны. Сейчас ты поймешь, почему.

И он указал на другого человека по другую сторону стены, который держал в руках сосуд. Беспорывно и чтобы его никто не заметил, подливал он в огонь масло.

Христианин захотел понять смысл увиденного.

— Это Христос, Который постоянно поддерживает действие Своей благодати в сердце человека, — пояснил Толкователь. — Поэтому, несмотря на все козни дьявольские, Он хранит спасенную Им душу. А то, что Он стоит за стеной, означает, что трудно искушаемому увидеть, как и кем поддерживается в нем действие благодати.

Опять взял Толкователь Христианина за руку и привел его к дверям великолепного дворца. Дворец был настолько прекрасен, что Христианин остановился как вкопанный, и неизвестно откуда взявшаяся радость заполнила его сердце. По широким стенам дворца прогуливались люди в золотых одеждах. У дверей стояла большая толпа желающих проникнуть внутрь. Вход во дворец охраняли вооруженные воины, которые каждого, кто пытался подойти к роскошным воротам дворца, должны были лишить жизни. Поэтому люди переминались с ноги на ногу. Несколько левее ворот сидел за столом человек. На столе лежала большая книга и стояла чернильница с ручкой. Писарь должен был вносить в книгу имена тех, кто отважится на штурм ворот. Вдруг Христианин увидел одного рослого, сильного человека, который подошел к сидящему за столом и обратился к нему: "Запиши мое имя!". А когда это было исполнено, он вынул меч, надел на голову шлем и бросился к страже у дверей, которая с яростью накинулась на него. Но храбрец, нимало не испугавшись, рубил направо и налево с самым решительным видом. Лишь после того, как он нанес другим и сам получил несколько ранений, ему удалось, наконец, ворваться во дворец между расступившимися охранниками. Там его облачили в золотые одежды, подобные тем, что были и на других обитателях дворца. Слышались чудесное пение и призывы: "Придите, придите! Славу вечную примите!".

Христианин улыбнулся и сказал:

— Мне кажется, я понял, что все это значит, Позвольте мне продолжить свой путь.

— Подожди, — возразил Толкователь, — я еще не все тебе показал. При этом он взял Христианина за руку и ввел его в темную комнату, где в большой железной клетке сидел какой-то человек. На него страшно было смотреть. Глаза его были потуплены, руки безвольно сложены, и во всем облике его была какая-то отчаянная безысходность.

— Что это значит? — спросил Христианин. Толкователь ничего не стал объяснять, лишь посоветовал Христианину самому поговорить с этим несчастным.

— Кто ты, несчастный?

— Я не такой, каким был прежде.

— Но кем же ты был прежде?

— Когда-то я казался себе ревностным исповедником Христа не только в своих глазах, но и в глазах других. Я считал себя достойным обитателя Небесного Града и чувствовал даже радость при мысли, что отправлюсь на свою Родину.

— И что же?

— Теперь я отчаянием и безысходностью зажат, как в тиски. Я не могу освободиться от них, наподобие того, как не могу выйти из этой клетки.

— Но как ты дошел до такого состояния?

— Я был так доволен собою, что перестал себя контролировать, перестал молиться и дал волю своим страстям. Я отверг благодать Господню, оскорбил Святого Духа, и Он покинул меня. Я искушал сатану, и он пришел и так ожесточил мое сердце, что не могу теперь раскаяться.

— Неужели не осталось у тебя никакой надежды, и ты навсегда заключен в эту клетку Отчаяния?

— Увы, надежды нет никакой.

— Но Сын Всевышнего милосерден!

— Да, но я вновь распял в себе Сына Божия, попрал Его заветы и не почитал за святыню Кровь, пролитую Им на кресте, которой был освящен. Я оскорбил Духа Благодати. Теперь мне не остается ничего другого, как с ужасом ждать Страшного суда. Я уже отчетливо вижу языки пламени вечного огня, готового пожрать отступника вместе с его гордыней.

— Но за что ты так жестоко наказан?

— За наслаждения, земные радости, удовольствия и мирские выгоды. Именно в этом я видел свое счастье. А теперь любое воспоминание о них точит меня, как червь, и не дает мне покоя.

— Неужели ты не можешь раскаяться и обратиться ко Христу?

— Не дарует мне Господь больше покаяния! Слово Его не утешает меня и не дарит более сил веровать в Него. Он Сам осудил меня на заточение в железную клетку Отчаяния, откуда никто во всем мире не может освободить меня. О вечность! Страшная вечность! Откуда я буду черпать силы, чтобы влачить столь жалкое существование целую вечность?

— Да будет тебе, Христианин, памятно страдание этого человека, — сказал Толкователь. — Не переставай блюсти заповеди Божий и будь всегда настороже.

— Это ужасно! Помогите, Господь, блюсти Твои заповеди! — взмолился Христианин. — Помогите мне всегда быть настороже, не забывать ежедневную молитву и дай мне силы избежать греха, дабы не стать жертвой угрызений собственной совести. Однако не пора ли мне продолжить путь свой?

— погоди немного, я тебе покажу еще один случай, а затем уж ты можешь отправиться дальше.

Он повел Христианина в комнату, где какой-то человек встал с постели и, дрожа всем телом, одевался.

— Отчего этот человек так сильно дрожит? — спросил Христианин.

Толкователь попросил человека самому объяснить причину своего страха.

Тот начал так:

— В прошлую ночь мне приснилось, что свод небесный вдруг страшно потемнел. Все небо покрылось черными свинцовыми тучами. На этом черном фоне ярко выделялись серебристые стрелы молний и страшной силы раскаты грома сотрясали воздух, наводя на меня смертельный ужас. Могучий ветер гнал облака с большой скоростью. Вдруг с неба раздался звук трубы, и я увидел Господа, сидящего на облаках в окружении целой армии ангелов. Все небо и Господь с ангелами казались охваченными ярким пламенем. И вот раздался громоподобный голос: "Восстаньте, мертвые, и явитесь на суд". В одно мгновение разверзлись могилы, и мертвые, лежащие в них, оживали и вставали из гробов. На челе одних была печать радости и блаженства; ликуя, обращали они свои взоры к небу. Другие же готовы были провалиться со стыда сквозь землю. Но вот Бог раскрыл книгу и приказал всем подойти поближе. Между Ним и восставшими из гробов пылало всепожирающее пламя, которое отделяло их друг от друга, образуя своего рода барьер, который обыкновенно разделяет судью и подсудимых. И услышал я приказание Господа, обращенное к служителям Его: "Соберите плевелы, мякину и солому и бросьте их в пылающее озеро". И вдруг почти у самого того места, где я стоял, разверзлась бездонная пропасть, и из нее поднялся густой дым и затрещали горящие уголья. Тогда сказал Он тем же служителям: "Соберите мою пшеницу в житницу". И при этих словах я увидел, как многих подняли с земли и понесли на облака, но я был оставлен. Я также искал, куда бы скрыться, но не мог, ибо Бог на облаке не спускал Свой взор с меня. Все мои грехи

выстроились перед моей душой и обвиняли меня. На этом я проснулся, весь покрытый холодным потом.

— Но что тебя особенно напугало? — спросил Христианин.

— Я думал, что настал день Страшного суда, и чувствовал, что не готов предстать перед моим Судьей. Но ужаснее всего для меня было то мгновение, когда ангелы собирали избранных, а меня оставили, и у самых моих ног отверзлась пропасть ада. Совесть терзала меня, и мне казалось, что взор Судьи направлен на меня с выражением гнева и негодования.

Тогда Толкователь обратился к Христианину со словами:

— Уяснил ли ты себе все увиденное?

— О да, и все это внушило мне страх и надежду.

— Так запомни же все, что я тебе показал, — продолжал Толкователь. — Пусть эти наставления побудят тебя идти только вперед и не дадут тебе свернуть с правильного пути. Дух Утешитель да сопутствует тебе и поможет дойти до великого Града!

Христианин вновь отправился в путь, поблагодарив Толкователя за все его добрые советы и наставления.

Глава 6. КРЕСТ

...И вот вижу я, что он опять шагает по дороге. По обеим сторонам ее тянулись высокие стены с очень обнадеживающим названием — Спасение. Христианин спешил, но тяжкое бремя на спине мешало ему идти и утомляло его.

Шел он не останавливаясь, пока не дошел до возвышенности, на которой стоял Крест. Немного пониже была могила. Как только Христианин дошел до Креста, бремя его стало как будто отделяться от спины, потом оно свалилось, покатилося к открытой могиле и упало в нее. Больше я эту ношу не видел.

Христианин возрадовался и с ликованием в сердце воскликнул:

"Его страдания даровали мне покой, а смерть Его подарила мне жизнь!".

Долго стоял он, полон недоумения и удивления — каким образом один лишь взгляд на Крест мгновенно избавил его от этого бремени? Неотрывно вглядывался он в Крест, и слезы радости и благодарности лились из глаз его.

Вдруг предстали перед ним три светящиеся фигуры, которые приветствовали его словами: "Мир тебе!". Первый из них обратился к Христианину со словами: "Прощаются тебе грехи твои!". Второй снял с него грязное рваное рубище и одел на него праздничные одежды. Третий начертал на челе христианина знак и передал ему свиток с печатью. Эта печать должна была быть ему утешением на его длинном пути и служить пропуском в Небесные врата. После этого ангелы так же внезапно исчезли, как и появились. Христианин радостно продолжал свой путь, напевая:

Крест Иисусовых страданий — избавленье для меня

От печали, от рыданий, от душевного огня.

Крест Иисуса — оборона от врагов души моей;

Не страшусь я легиона у креста Его скорбей!

Крест Христа меча грознее. Хоть я слаб, но он со мной.

И, душою пламенея, я иду без страха в бой.

Крест Христа — маяк высокий среди сумрака невзгод.

На ревущие потоки он сиянье мира льет.

Крест Христа — огонь и сила благовестья моего.

Мудрость мира так уныла. Радость сердцу — крест Его.

Христианин спустился с возвышенности, на которой стоял Крест, в долину и возле дороги заметил трех крепко спящих людей с железными оковами на ногах.

Одного из них звали Глупость, имя другого было Лень, а третьего — Самонадеянность.

Христианин подошел к ним и попытался их разбудить:

— Эй, проснитесь! Вы спите точно на перекладине мачты среди безбрежного и бездонного океана. Проснитесь скорее и уйдемте отсюда! Если хотите, я помогу вам освободиться от ваших оков, ибо вы непременно станете жертвой того, кто в поисках добычи подобен рыкающему льву.

При этих словах они взглянули на Христианина полусонными глазами и ответили каждый сообразно своим способностям.

— Я никакой опасности не вижу, — заявила Глупость. Лень возмутилась:

— Стоило из-за такого пустяка будить добрых людей! А Самонадеянность гордо произнесла:

— Всяк сверчок знай свой шесток!

И все трое снова устроились поудобнее и моментально уснули. Христианин же пошел дальше.

Он был сильно смущен тем, что люди, пребывающие в такой опасности, совсем не поняли его и не оценили его милосердие. Ведь он хотел им дать мудрый совет и помочь им сбросить с ног эти железные оковы.

Все еще находясь под впечатлением этого разговора, он вдруг с удивлением заметил двух мужчин, очень ловко перелезающих через стену. Мужчины спрыгнули и быстрым шагом пошли навстречу Христианину. Одного из них звали Формалист, второго — Лицемер.

— Кто вы, господа, и куда держите свой путь? — вежливо осведомился Христианин.

— Мы родом из страны Тщеславие и идем к горе Сион за славой.

— Почему же вы не прошли через Тесные врата, стоящие в начале пути? Разве вы не знаете, что написано: "Кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает инде, тот вор и разбойник"?

— В нашей стране принято избирать всегда наикратчайший путь и входить через врата считается признаком дурного тона.

— А разве Владыка той страны, куда мы направляемся, не сочтет это за неповиновение и явное нарушение Его воли?

— Пусть тебя это не волнует. Мы придерживаемся старого, доброго обычая нашей страны и можем на многих примерах подтвердить, что именно так люди страны Тщеславие в последнее тысячелетие и поступали.

— Правомерно ли такое сокращение пути?

— Обычай, существующий более тысячи лет, без всякого сомнения, будет любым беспристрастным судьей расцениваться как законный. Кроме того, кому какая разница, как мы оказались на этом пути. Главное — идти этим верным путем. Ты прошел через эти врата, но, тем не менее, даже несколько отстал от нас. Чем же твое положение лучше нашего?

— Я следую указаниям Господа, а вы действуете по своему собственному усмотрению. В глазах Бога вы уже сейчас обманщики. Как же можно причислить вас к честным людям, когда вы закончите свое путешествие? Вы ступили на этот путь самовольно, без Божьего благословения и закончите свой путь без Его милости.

Формалист и Лицемер посоветовали ему не вмешиваться в их дела и оставить их в покое. Долго шли они молча. Наконец один из них обратился к Христианину:

— Только не подумай, что мы менее добросовестно придерживаемся этих законов и предписаний, чем ты. Единственное, чем ты отличаешься от нас, это твое платье. Но мы подозреваем, что тебе его дал один из твоих соседей, чтобы прикрыть твою наготу.

— Законами и предписаниями вы себя спасти не можете, так как прошли сюда не через Тесные врата. Что касается моей одежды, то она мне действительно дарована самим Владыкой той страны, куда я иду, и именно для того, как вы справедливо заметили, чтобы прикрыть свою наготу. Прежде на мне были одни лохмотья, я был одет в рубище. Это платье я расцениваю как знак Его особого благоволения ко мне. Платье это является и моим утешением. Я надеюсь, что у врат того города, куда я иду, Господь непременно признает меня, так как на мне одеяние Его, в которое Он меня облачил по Своей воле в тот день, когда угодно Ему было снять с меня рубище. Кроме того, на челе моем знак, которого вы, вероятно, еще не заметили; он начертан одним из доверенных моего Царя в тот день, когда тяжелое бремя упало с моих плеч. Добавлю еще, что тогда же мне был вручен свиток с печатью, чтобы чтением его утешаться во время долгого пути. Я получил приказание отдать его у Небесных врат. Этот свиток гарантирует мне вход в Божий Град. Все это, я уверен, и вам необходимо иметь при себе, но у вас этого нет, так как пробрались вы сюда через стену, минуя Тесные врата.

Спутники Христианина ему ничего не ответили, но, переглянувшись, засмеялись. Молча продолжали они свой путь. Христианин шел немного впереди, разговаривая сам с собой, иногда со вздохом, а иногда с тихой радостью. Часто открывал он свиток, врученный ему одной из святящихся фигур, и чтение окрыляло его.

Глава 7.

ГОРА ЗАТРУДНЕНИЕ

Шли они долго. Наконец они подошли к горе, именуемой Затруднение. У самого подножья путникам невольно пришлось остановиться. Перед ними лежали три дороги — одна была узкой и шла круто в гору, две другие, широкие, уходили в долину, огибая гору с обеих сторон. Из-под земли бил источник чистой, очень вкусной и свежей воды. Христианин, ни минуты не колеблясь, избрал узкий путь. Перед подъемом он напился из источника и стал подниматься вверх, напевая при этом:

"Хотя гора и высокая, но я спешу на нее подняться. Не пугают меня затруднения; я вижу, что это единственный путь к жизни. Успокойся, сердце, не страшись, не робей! Лучше идти по истинному пути, преодолевая трудности, чем ради спокойствия избрать путь ложный, ведущий к гибели".

Два других путника, увидев, что дорога, которую выбрал Христианин, необычайно крута, не решились по ней идти. Куда удобнее было продолжить путь по спокойной равнине. Кроме того, они полагали, что эти две широкие дороги, обогнув с двух сторон гору, выйдут на ту узкую, которая круто поднималась вверх. Названия этих дорог — Опасность и Погибель — ничуть не смутили обоих путников. Одного из них дорога по имени Опасность завела в густой, непроходимый лес, а второй пошел по дороге Погибель, которая терялась в мрачном месте с темными горами и пропастями. Там он споткнулся, упал, и больше я его никогда не видел.

...Я внимательно следил взором за Христианином. Он шел сперва довольно быстро, потом все медленнее и, наконец, вынужден был буквально карабкаться, ибо гора становилась все круче и круче. Пройдя около половины пути, он вдруг увидел чудесную беседку, которую Владыка горы велел построить для отдыха утомленных путешественников. Он вошел в нее и сел отдохнуть. Затем достал из кармана свиток и стал его читать, чтоб укрепиться духовно. С удовлетворением осмотрел он свое торжественное одеяние, полученное у подножия Креста. Чистый воздух, солнце, усталость разморили его, и он заснул. Пока он спал, свиток выпал из его рук и укатился. Спал он долго. Разбудил его чей — то голос: "Погляди на работу муравья, лентяй, и сделайся мудрым".

Христианин пристыжено вскочил на ноги, пустился в путь и более не останавливался, пока не дошел до вершины горы.

Едва он вскарабкался на вершину, как увидел двух людей, бежавших ему навстречу. Одного из них звали Робкий, а другого — Недоверчивый.

— Почему, — спросил с недоумением Христианин, — вы бежите в противоположную сторону?

Робкий рассказал ему, что они вдвоем совершили трудный подъем на эту крутую гору, и чем ближе подходили они к горе Сион, тем серьезнее и страшнее становились опасности. Взвесив все "за" и "против", они решили вернуться назад.

— Да, — добавил Недоверчивый, — на дороге, по которой мы шли, лежали два льва. Было трудно определить, спали ли они или просто дремали, но ясно было одно — они нас разорвали бы на кусочки, если бы мы подошли ближе.

— Вы меня пугаете. Но куда же я побегу, чтобы спастись? Если я вернусь на родину, обреченную на сожжение огнем, то непременно погибну. Если же мне удастся добраться до Небесного Града, то я уверен, что там буду спасен, так что лучше рискнуть. Вернуться — верная смерть. Идти вперед — риск, но зато в награду я получу вечную жизнь. Пойду вперед!

Робкий и Недоверчивый быстро понеслись вниз с горы, а Христианин пошел дальше. Только что услышанное не давало ему покоя. Опасности его страшили, и он вдруг почувствовал непреодолимую потребность укрепиться духовно Словом из свитка. Он стал судорожно искать его по всем карманам, но чем дальше он искал, тем тревожнее становилось на душе. Свитка не было! Христианин был в отчаянии, ведь чтение этого свитка придавало ему силы в самые тяжелые моменты его путешествия. Он должен был служить ему и входным билетом в Небесный Град. Вдруг он вспомнил, что в беседке крепко заснул. Тогда он упал на колени, прося Бога простить ему его прегрешение. Помолвившись, он скорым шагом направился обратно к беседке. Внутреннее, душевное состояние его не поддавалось никакому описанию! Он вздыхал и плакал, бранил себя последними словами за то, что мог забыться глубоким сном там, где дозволен был только короткий отдых. Всю дорогу он внимательно смотрел по всем сторонам в надежде найти потерянное письмо. Но его не было! Он стал еще сильнее причитывать: "О, жалкий я человек! Как мог я уснуть, когда находился в такой опасности и надо было бодрствовать! Эту беседку Владыка построил не для того, чтобы усталый путник мог дать отдых своим членам, а чтобы он мог укрепиться духовно! Сколько времени я потерял, сколько сил! То же случилось и с народом израильским, который за грехи свои был уведен Господом обратно к берегам Чермного моря, чтобы оттуда вновь начать свое путешествие. Как далеко я бы мог быть теперь, если бы не этот злополучный сон! Вот уже и день клонится к вечеру, а ночь в горах наступает быстро. И самое главное: весь день пропал даром!"

Все еще горько оплакивая свою участь, он, наконец, добрался до беседки. Затаив дыхание, он заглядывал во все уголки, во все щели. Наконец он нашел свой заветный свиток под скамейкой, на которой он накануне заснул. Подняв его, он бережно спрятал свиток, как самую драгоценную реликвию. Радость его была велика! Он возблагодарил Господа и тотчас стал подниматься в гору, чтобы скорей добраться до вершины.

До вершины он добрался уже затемно. Наступившая ночь напомнила Христианину о тех опасностях, о которых рассказали ему Робкий и Недоверчивый. Он ясно представил себе львов, лежащих на дороге, отчетливо слышал голодный вой диких зверей. "Хищники, как правило, выходят на охоту ночью. Если мне придется столкнуться с одним из них, что мне надлежит сделать, чтобы спастись?" — спрашивал сам себя Христианин.

К чести путника надо сказать, что он смело продолжал свой путь, даже не помышляя свернуть с дороги. Вдруг его взору открылся необыкновенной красоты пейзаж со сказочным Чертогом под названием Великолепие.

Глава 8. ЧЕРТОГ

...Христианин ускорил свой шаг, чтобы скорей добраться до Чертога. Буквально через пару метров дорога сузилась. Вот уже и караульная сторожка показалась за поворотом. Вдруг Христианин увидел перед собой двух львов. "Вот она — опасность, о которой говорили Робкий и Недоверчивый", — подумал он. Львы были цепями прикованы к дереву, но рассмотреть цепи было невозможно. Он в полной нерешительности остановился. Но сторож по имени Бдительный, заметив испуг Христианина, закричал:

— Неужели вера твоя так слаба? Не бойся львов, они прикованы цепями и находятся здесь для испытания веры странствующих. Иди по самой середине дороги, и они тебя не тронут.

Христианин последовал совету Бдительного и, придерживаясь середины дороги, прошел между львами, хотя и не без некоторого страха. Львы зарычали, но не тронули его. Сияя от счастья, что ему удалось пройти между этими хищниками, он подошел к привратнику.

— Что это за дом? — спросил Христианин. — Можно ли мне в нем переночевать сегодня?

— Этот дом Хозяин горы построил для странников. Устав после длинной и тяжелой дороги, они могут здесь найти покой и уют. Кто ты и куда держишь свой путь?

— Я иду из города Гибель и держу свой путь к горе Сион. Но уже поздно, солнце село, поэтому я очень хотел бы здесь переночевать.

— Как зовут тебя?

— Сейчас меня зовут Христианином, но раньше мое имя было Безблагодати. Я из рода Иафета, которого Господь обещал поселить в шатрах Симовых.

— Но почему ты так опоздал? Солнце ведь уже закатилось.

— Я непременно пришел бы раньше, но, увы, я имел несчастье заснуть в беседке, что стоит на склоне горы. Во время сна я выронил свидетельство свое. Хватился я своей пропажи уже на вершине горы и вынужден был вернуться назад. А как только отыскал его, пришел сюда.

— Хорошо. Я приглашу одну из обитательниц этого дома. Если она сочтет тебя достойным, она введет тебя в нашу семью.

Бдительный позвонил в колокольчик. Дверь отворилась, и вошла скромная прелестная дева по имени Благоразумие.

Бдительный представил ей Христианина как пилигрима из города Гибель, идущего на гору Сион.

— Ночь застала этого человека в пути, и он желал бы здесь переночевать. Прошу тебя принять этого странника по правилам нашего дома.

Она внимательно расспросила его о прошлом, о его путешествии и надеждах и, по-видимому, осталась довольна его ответами. Улыбаясь, она объявила ему, что сейчас позовет еще нескольких членов семейства. Она направилась к двери и кликнула трех дев: Мудрость, Благочестие и Милосердие. Задав ему несколько вопросов, они решили ввести его в дом и познакомить с другими членами этой большой семьи. Многие вышли на крыльцо со словами: "Войди к нам, благословенный Господом! Этот дом построен для отдыха подобных тебе пилигримов".

Он поклонился и пошел за ними в дом. Там его усадили, предложили чудесный напиток, и до ужина они провели время в приятных беседах. Его собеседницами были: Мудрость, Благочестие и Милосердие...

Разговор начала Благочестие:

— Дорогой Христианин, с большой радостью мы приняли тебя в наш дом. Расскажи нам подробнее о твоём путешествии.

— С большим удовольствием! Как приятно мне ваше участие!
— Что заставило тебя пуститься в такой опасный путь?
— Я жил, как все. Но однажды я услышал о том, что все жители этого города погибнут.

— Как это получилось, что ты избрал для своего путешествия именно этот путь?

— Во всем я вижу исключительно Божие Провидение. Я не знал, куда идти, и в полной растерянности стоял на развилке трех дорог. Помог мне человек по имени Евангелист. Он посоветовал мне идти к Тесным вратам.

— Заходил ли ты к Толкователю?

— О, конечно! Три его толкования я запомню на всю жизнь: как Христос, несмотря на козни сатаны, сохраняет в сердце человека дарованную Им благодать; как человек может быть настолько грешен, что уже не рассчитывает на милосердие Божие; а также сновидение человека, считавшего, что настал день Страшного суда. Да, много полезного увидел я там и с радостью остался бы и дольше у этого доброго человека, но я знал, что мне предстоит долгий путь.

Долго рассказывал он. Когда он закончил свой рассказ, в разговор вступила вторая дева по имени Мудрость.

— Ты, вероятно, нередко вспоминаешь покинутую тобой страну?

— Да, но со стыдом и душевной болью. Ведь если бы я тосковал по ней, то давно мог бы уже вернуться домой. Но теперь я стремлюсь в страну лучшую, небесную, на свою Родину.

— Но не вынес ли ты со своей старой родины нечто такое, от чего тебе следовало бы освободиться, в чем ты находил наслаждение?

— Увы, совершенно против моей воли остались при мне некоторые плотские желания, которые и поныне доставляют радость моим соотечественникам и которые когда-то и для меня были наслаждением, но теперь они стали причиной моей скорби. И если бы это зависело от меня, я более не вспоминал бы о них. Однако часто, когда я хочу сделать что-нибудь хорошее, это плохое мешает мне.

— Не кажется ли тебе, что то, что тебя смущает, в тебе уже преодолено?

— Иногда, но очень редко. В такие минуты я самый счастливый человек на свете.

— Не можешь ли ты сказать, что именно дает тебе уверенность считать, что все прежнее дурное в тебе уже побеждено?

— Я чувствую, что окончательно преодолел грех, когда вспоминаю увиденное на Кресте; когда смотрю на мое вышитое одеяние или читаю свиток, который ношу на груди. А еще — когда мои мысли устремляются к той цели, к которой я иду. Тогда мне кажется, что все прошлое умерло во мне навсегда.

— Откуда в тебе это сильное желание идти на гору Сион?

— Там я надеюсь увидеть Того, Кто умер за меня на Кресте, и окончательно избавиться от всего, что меня мучает и смущает. Там нет смерти, и я буду жить среди безгрешных. Я очень люблю Его, потому что Он избавил меня от моего бремени, от которого я очень устал. Я жажду быть там, где смерть побеждена, в числе тех, кто постоянно взывает: "Свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель!".

Затем в разговор вступила Милосердие:

— Ты человек семейный? Есть ли у тебя жена?

— Жена и четверо детей.

— Почему же ты не привел их с собою?

— О, с какой радостью я сделал бы это! — со слезами на глазах воскликнул Христианин. — Но они все были против моего путешествия!

— Но тебе надо было их уговорить! Надо было им объяснить, что оставаться в городе опасно!

— Я так и поступил. Я рассказал им все, что Бог мне открыл. Не скрыл я и то, что город наш будет разрушен. Они не поверили мне, а решили, что я сошел с ума.

— Молился ли ты, чтобы Бог благословил твои слова?

— О да, и очень ревностно! Мои жена и дети очень дороги моему сердцу!

— Так почему же они отказались с тобою идти?

— Жена не хотела расстаться с миром, дети были беспечны, и не принимали мои слова всерьез. Короче говоря, мне пришлось пуститься в путешествие одному.

— Но, может быть, ты своей жизнью, которая шла в разрез с тем, что ты говорил, оттолкнул их?

— Я, право, не могу хвалить себя и утверждать, что я жил правильно. Часто я поступал не так, как следовало бы. Знаю я и то, что человек своими поступками, своим образом жизни может другому стать преградой в принятии того учения и тех понятий, которые с самыми лучшими намерениями пытается объяснить. С чистой совестью я могу сказать, что я очень старался избегать дурных поступков, дабы не помешать им начать со мной это путешествие. Я отказывал себе часто во многом, в чем они не видели ни малейшего зла. Единственное, что могло им не понравиться, это мой страх, как бы не согрешить против Бога и не обидеть ближнего.

— Так Каин возненавидел брата своего Авеля за то, что его собственные дела были злые, а брата — добрые. И если твоя семья восстала против тебя, то это значит, что они не понимали, что такое добро, и твоя совесть в отношении их чиста.

Так они беседовали до самого ужина. Когда все было готово, они сели за стол. Хорошее вино и нежное мясо были им угощением. За трапезой они говорили о Том, Кто является Хозяином этой горы, и Кто построил этот дом. И судя по тому, как они отзывались о Нем, я заключил, что Он — Сильный и Смелый Воин, победивший хозяина державы смерти. Победа далась Ему нелегко, ведь борьба была связана со смертельным риском.

— Я знаю и верю, — говорил Христианин, — что Он пролил кровь за нас, пролил ее из любви к нам.

Некоторые из членов большой семьи этого Чертога видели Его и разговаривали с Ним после Его смерти на кресте. И они свидетельствовали, что слышали из собственных Его уст, как нежно Он любит бедных странников. Он отказался от славы и могущества, чтобы стать таким же бедняком, как самый последний бедняк в этом мире. Очевидцы доказывали, что Он не хочет жить в одиночестве на Сионе. Многих бедных пилигримов он сделал князьями, несмотря на то, что от рождения они были нищими.

Беседа продолжалась до глубокой ночи. Помолившись и вверив себя Божьему покровительству, они отправились на покой. Христианину отвели высокую просторную комнату с окнами на восток. Комната называлась очень красиво — Мир. Спал он всю ночь спокойно, а проснувшись, душа его запела:

Где ныне я? Заботу и любовь Христа

К паломникам я ощущаю вновь:

Он властью Креста простил и освятил,

И ближе к небесам в обитель поселил.

Утром, когда все встали, хозяева дома после первых приветствий объявили ему, что они его не отпустят, не показав ему всех достопримечательностей этого Чертога. Начали они с архива, где показали ему среди прочих древних документов родословную Владыки горы, из коей видно было, что Он — Сын Предвечного и происходит из вечного начала. Здесь хранились документы с подробным изложением всех Его деяний, и имена многих тысяч, которых Он призвал служить Себе и поселил в такие обители, которые не поддаются разрушению временем.

Зачитали ему деяния и некоторых служителей Господа: как они покоряли царства, творили справедливость, получали откровения, закрывали пасти львам, гасили огонь, избегали острия мечей, из слабых превращались в сильных, были мужественными на

войне и обращали в бегство полчища врагов. Из другого документа он узнал, с какой радостью и готовностью Владыка горы принимает к Себе любого кающегося грешника. Как бы ни оскорблял он Его в прошлом, но как только грешник обращается к Господу, Милосердный принимает его. Много прочел Христианин чудесных свидетельств. Были тут древние и современные рассказы, немало пророчеств и предсказаний, страшных для грешников и врагов Христа, но радостных и утешительных для пилигримов.

На другой день девы повели пилигрима в оружейную комнату, где показали ему всякого рода оружие, приготовленное Владыкой для странников: мечи, щиты, шлемы, кольчуги и наколенники, которые не стареют и не изнашиваются. Оружия было так много, что можно было вооружить для служения Господу столько людей, сколько звезд на небе.

Показали ему и предметы, которыми служители Господа когда-то совершали удивительные деяния. Например, жезл Моисея; молоток и гвоздь, которыми Иаиль убила Сисару; сосуды, светильники и трубы, которыми Гедеон привел в бегство полчища мадианитян. Кроме того, была тут острая воловья кость, которой Самегар убил шестьсот человек филистимлян. Он увидел также ослиную челюсть, которой Самсон одержал столько побед; пращу и камень, которыми Давид убил великана Голиафа. Наконец ему показали и меч, которым Господь поразит человека— грешника. Много важного и интересного увидел Христианин.

...На другое утро Христианин стал собираться в путь, но гостеприимные хозяева уговорили его остаться еще на один день.

— И тогда, — пообещали обитатели дома, — мы, если погода будет ясная, покажем тебе Отрадные горы, вид которых вселит в тебя радость, так как они ближе к желанной пристани, чем то место, где ты сейчас находишься.

Христианин согласился. На следующее утро они забрались на крышу дома и посмотрели на юг. Там вдали виднелся ослепительной красоты горный кряж с виноградниками и фруктовыми деревьями по склонам, с фонтанами и ключами, от которых невозможно было оторвать глаз... Христианин осведомился о названии этой местности. Они ответили, что это страна Эммануила, которая так же доступна всем пилигримам, как и дом на этой горе.

— И когда ты дойдешь туда, ты увидишь врата в Небесный Град, и пастыри, живущие там, тебе укажут путь к ним.

Наконец Христианин сказал, что ему пора, и они уже более не отговаривали его. Спустившись с крыши, они еще раз зашли в оружейную комнату. Там они вооружили его с ног до головы на случай, если ему придется защищаться от врагов во время пути. Снаряженный таким образом, он направился со своими друзьями к воротам и спросил Бдительного, не проходил ли здесь еще какой пилигрим? Тот ответил утвердительно.

— Не знаете ли вы, как его зовут?

— Я спросил его имя, и он сказал, что зовут его Верный.

— О, знаю, знаю! Он из одного города со мной. Как вы думаете, далеко он уже отсюда ушел?

— Теперь он должен быть у подножия горы.

— Благодарю, добрый друг, да будет с тобой Господь и да пошлет Он тебе еще больше благ за твою доброту.

Он уже хотел попрощаться, но Мудрость, Благочестие, Благоразумие и Милосердие решили проводить его до подошвы горы. Всю дорогу они продолжали вести духовную беседу.

— Насколько труден был подъем в гору, — заметил Христианин, — настолько опасен будет спуск.

— Да, — подтвердила Благоразумие, — тяжело человеку спускаться в долину Унижения, в которую ты теперьходишь, и не оступиться, потому мы и решили проводить тебя.

Христианин очень осторожно продолжал спускаться, но все-таки несколько раз оступился.

Когда они все спустились со склона, Христианин, получив от своих спутниц хлеб, бутылку вина и кисть винограда, простился с ними и один отправился дальше.

Глава 9. АПОЛЛИОН

В долине Унижения бедному Христианину пришлось туго. Не успел он пройти и несколько метров, как вдруг увидел, что навстречу ему идет ангел бездны по имени АПОЛЛИОН.

Завидев Аполлиона, Христианина обуял сильный, почти животный страх. Он не знал, бежать ли ему прочь или ожидать врага на месте. Но он быстро сообразил, что спина его не прикрыта защитной броней, и если подставить ему спину, злодею не составит особого труда пронзить его тело огненными отравленными стрелами. Христианин решил вступить с ним в бой. Так они и продолжали идти навстречу друг другу. На страшилище страшно было смотреть. Вместо кожи тело Аполлиона было покрыто рыбьей чешуей (чем он особенно гордился), на спине росли огромные, как у дракона, крылья, ноги напоминали медвежьи. Из живота вырывался огонь и дым, а пасть была подобна львиной. Бросив на Христианина уничтожающий, полный гнева взгляд, ангел бездны обратился к нему:

— Откуда ты и куда направляешься?

— Я иду из города Гибель, места всех зол, и направляюсь к Сиону.

— Значит, ты мой подданный, так как вся эта земля принадлежит мне, и я — царь и бог этой земли. Если б я не надеялся, что ты еще можешь мне быть полезен, я бы тебя одним ударом отправил на тот свет.

— Я действительно родился в твоих владениях, но служба у тебя очень тяжела и оплата настолько мизерна, что на нее не проживет ни один человек. И потому, когда я духовно возмужал, я поступил, как многие благоразумные люди — я стал искать выхода из беды.

— Нет владыки, который бы добровольно согласился отдать своих подданных, — грозно сказал АПОЛЛИОН. — Но если ты жалуешься на свою прежнюю службу и плохую оплату, вернись со мною назад, и я обещаю отдать тебе все самое лучшее, что у меня есть.

— Нет, я уже поступил на службу к другому, а именно к Царю царей. Я честный человек и не могу вернуться к тебе.

— Но нередко бывает так, что те, которые выдают себя за слуг Царя, через некоторое время перестают Ему служить и возвращаются ко мне. И ты поступи так же, и все еще образуется.

— Я поклялся Ему в верности. Как я могу теперь изменить Ему? Ведь предательство наказуемо, и я буду казнен!

— Но ты точно так же поступил со мною, однако я готов простить тебя, если ты согласишься вернуться ко мне на службу.

— Обещаю тебе я дал еще до своего совершеннолетия. Притом я верю, что Царь, у Которого я теперь на службе, готов забыть и простить мне все, что я делал прежде в угоду тебе. И скажу тебе, ненавистный Аполлион, истинную правду, что я люблю свою новую службу и доволен правлением, обществом и страной своего Владыки. Ни за какие богатства в мире я не променяю Его царство на твое. И потому отойди от меня, я Его слуга и буду следовать лишь за Ним.

— Но взгляни на вещи трезво и подумай, что тебя ждет на твоем пути. Ты ведь знаешь, что Его служители, как правило, кончают плохо, потому что они непокорны мне. Сколько их умерло постыдной смертью! Ты считаешь, что твой Владыка лучше меня и

предпочитаешь служить Ему, а Он еще ни разу не покинул Своего города, чтобы прийти на помощь Своему слуге. А сколько раз я, весь мир об этом знает, либо властью своей, либо обманом спасал верных мне от владычества Его и стараний Его! Помогу и тебе.

— Если Он и несколько медлит со Своей помощью, то лишь затем, чтобы испытать любовь и веру Своих подданных. А то, что ты рассказываешь о страданиях их ради имени Его — то это самая великая их слава! Они и не ожидают на земле избавления от зол, они живут в ожидании славы, которую получают, когда их Князь во славе придет со Своими ангелами на землю.

— Но с тех пор, как ты поступил к Нему на службу, ты уже был неверен Ему. Неужели, несмотря на это, ты рассчитываешь получить от Него награду?

— В чем же, Аполлион, был я Ему неверен?

— В самом начале своего путешествия ты пал духом и чуть не утонул в топи Уныния. Ты свернул с правильного пути, чтобы избавиться от своей ноши, вместо того чтобы ждать, пока Он Сам снимет ее с тебя. Ты согрешил, уснув в пути, и потому потерял драгоценный свиток. Ты в душе уже решил вернуться назад, когда увидел львов. Рассказывая о своем путешествии и о том, что ты видел и слышал, ты просто ищешь личной славы во всех своих делах и словах.

— Все это сущая правда. Я в своей жизни совершил гораздо больше дурного, чем ты перечислил. Но Царь, Которому я служу, милосерден и готов мне все простить. Притом, все эти немощи и сомнения одолевали меня еще в твоих владениях, там я стонал под ними, покаяться и наконец получил прощение от самого Царя.

От этих слов Аполлион пришел в ярость и заревел, как лев:

— Я враг этого Царя. Я ненавижу Его, и законы Его, и народ Его; я пришел сюда, чтобы погубить тебя.

— Берегись, Аполлион, и отойди от меня! — мужественно ответил Христианин. — Я иду поистине царским путем к святости. Дай мне дорогу!

Но Аполлион приблизился вплотную к Христианину и грозно воскликнул:

— Мне страх не ведом! Готовься умереть, ибо я клянусь своим подземным царством, что дальше ты уже не пройдешь. Здесь оставишь ты свою душу и свою жизнь!

С этими словами он метнул огненную стрелу прямо ему в грудь. Но Христианин ловко прикрылся щитом и избежал таким образом опасности. Когда он понял, что пришла минута борьбы не на жизнь, а на смерть, он сам двинулся в наступление. Град стрел выпустил Аполлион на бедного пилигрима. Мужественно защищался Христианин, пока боль и кровоточащие раны на голове, руках и ногах не заставили его отступить.

Аполлион с новой силой стал наедать на него. Христианин начал терять силы, так как от полученных ран и потери крови сильно ослабел.

Аполлион, заметив его изнеможение, схватился с пилигримом врукопашную и повалил его на землю. В этот момент Христианин выпустил из рук свой меч. Из груди Аполлиона вырвался торжествующий крик: "Теперь ты мой!". С этими словами он стал душить его с такой силой, что Христианин начал опасаться за свою жизнь. Но Господу было угодно оставить его в живых. Изловчившись, Христианин дотянулся до рукоятки меча.

— Не радуйся, ангел бездны! Я встану! — воскликнул Христианин. С этими словами он так ударил злодея мечом, что тот пошатнулся, словно получил смертельную рану. Заметив это, Христианин добавил:

— Мы победили именем Того, Кто возлюбил нас! Совершенно опешив, Аполлион распустил крылья и улетел прочь. После этого Христианин больше с ним никогда не встречался.

Невозможно даже представить себе тот дикий рев, который испускал Аполлион во время схватки. Стоны и вздохи вылетали из груди Христианина. Но когда он понял, что своим мечом нанес серьезную рану Аполлиону, он с радостной улыбкой поднял свое просветленное лицо к небу.

— Я хочу поблагодарить Бога, Который спас меня от страшных клыков льва и дал мне силы победить это Страшилище.

Вдруг с неба протянулась невидимая рука с листьями от Древа Жизни, которые Христианин приложил к полученным ранам. Раны сразу же затянулись.

Он сел на землю передохнуть, поест хлеба и глотнуть вина. Укрепившись, он встал и пошел дальше, держа меч на всякий случай в руках.

После долины Унижения начиналась другая долина — долина Смертной Тени, которой Христианину было не миновать, так как путь к Небесному Граду пролегал только через нее. Эта долина напоминала пустыню. Пророк Иеремия так описывает ее: "Эта земля пустая и необитаемая. Земля сухая, по которой никто не ходил и где не обитал человек".

Глава 10. **ДОЛИНА СМЕРТНОЙ ТЕНИ**

...Вот вижу, как только Христианин вступил в долину Смертной Тени, он повстречал двух человек, которые несли худую молву о прекрасной стране. Они очень торопились, и Христианин спросил их:

— Куда же это вы, господа, так спешите?

— Назад, назад, и тебе советуем, если тебе еще дороги жизнь и мир души!

— Но в чем дело?

— В чем дело? Мы шли тем путем, которым идешь ты, и были уже близки к цели. Но если бы мы прошли еще немного дальше, то уже не смогли бы вернуться, чтобы предостеречь тебя.

— Но что же с вами случилось?

— Мы чуть было не вступили в долину Смертной Тени, но, к счастью, мы догадались вначале взглянуть на нее.

— И что же вы увидели там?

— Что увидели? Одно название долины чего стоит! Там так темно, хоть глаз выколи. Бесчисленное множество демонов, сатиров и драконов бездны летает по долине. Со всех сторон слышны рев и вой, будто тысячи и тысячи закованных в железные цепи стонут и плачут. По небу со страшной скоростью, хаотично, движутся мрачные свинцовые тучи. А над всем этим распростерла свои могучие крылья смерть. Словом, все это ужасно! Это страна мрака, где темно, как самая тьма.

— Ваши слова еще более укрепили мою веру в том, что я нахожусь на правильном пути, который приведет меня к желанной пристани.

— Что ж... Пусть это твой путь, но мы благодарим покорно.

Они быстро исчезли. Христианин же продолжил свой путь, крепко держа в руках обнаженный меч на случай встречи с врагом.

Я заметил, что по правую сторону во всю длину долины тянулся глубокий ров. Это был тот самый ров, к которому во все времена слепой приводил слепого, и в котором оба исчезали навсегда. А по левую сторону долины находилась опасная трясина, которая, упади туда и хороший человек, и того засосет. В эту трясину когда-то упал и царь Давид, и ему бы несдобровать, если бы Тот, для Которого все возможно, не пришел ему на помощь.

Тропинка между трясинной и ровом была очень узкой, и бедный Христианин вынужден был идти весьма осторожно. Двигаясь в кромешной тьме, он должен был на ощупь лавировать между болотом и пропастью. Но все-таки он шел, осторожно продвигаясь вперед. Колени дрожали от страха, слышны были даже время от времени его испуганные вскрики.

Примерно на середине пути перед ним разверзлась бездна ада, из которой со страшным шумом вырывались языки пламени и снопы искр. Что делать бедному пилигриму? Ведь мечом против огня не пойдешь? Христианин вложил меч в ножны и взялся за другое оружие, которое называлось Молитва.

"О Господи, прошу Тебя, избавь душу мою!" — взмолился он.

Так он и шел какое-то время, а длинные огненные языки готовы были в любую минуту проглотить его, душераздирающие стоны и крики не прекращались ни на минуту. Иногда ему казалось, что его разрывают на части или топчут ногами, точно дорожную грязь. Вдруг ему почудилось, что его преследует целый вражеский отряд. Он уже хотел повернуть назад, но тут пришла ему в голову мысль, что он уже проделал половину пути по этой жуткой долине. Он с честью выдержал все выпавшие на его долю испытания, и было неизвестно, что опаснее — повернуть назад или идти вперед. И он решил продолжить свой путь. Враги уже наступали ему на пятки... И когда они положили руки на его плечо, он громоподобным голосом воскликнул: "Стану уповать на могущество Господа Бога!" Враги тотчас отступили от него и исчезли во мраке.

Я заметил, что бедный Христианин был так поражен всем увиденным и услышанным, что уже не узнавал своего собственного голоса. Когда он проходил мимо страшного входа в ад, к нему подкрался нечестивый и стал нашептывать ему в ухо самые страшные богохульства. Христианину показалось, что они срываются с его собственных уст. Это вызвало в нем чувство глубокой горести и печали. Он упрекал себя, что может хулить Того, Которого еще недавно так любил. "И если бы я мог сдержаться, то, очевидно, не грешил бы так", — думал он. Но он не догадался заткнуть уши. Тогда бы он сразу понял, откуда исходят эти страшные богохульства.

Совершенно подавленный и не в состоянии произнести ни единого слова, услышал он вдруг среди мрака человеческий голос:

"Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной".

Он несказанно обрадовался. Во-первых, он теперь знал, что еще кто-то, такой же богобоязненный, как он, идет по этой долине. Во-вторых, он понял, что Господь Сам хранит этого человека, странствующего во мраке. "Так почему же Он не сохранит и меня? — подумал Христианин, — хотя здесь я и не вижу Его..." В-третьих, он надеялся догнать этого человека. А со спутником по любой дороге идти веселее. Он прибавил шаг и стал громко звать незнакомца, но тот не отвечал, так как был уже далеко. Стало светать, и Христианин вспомнил слова: "Он претворяет смертную тьму в ясное утро".

Когда совсем рассвело, он обернулся, чтобы наконец разглядеть все те опасности, которые ему среди полного мрака удалось благополучно избежать. Только сейчас он отчетливо увидел, насколько бездонным был ров с одной стороны и насколько ужасна эта трясина с другой. А тропинка между ними была такой узкой! У бедного Христианина волосы на голове встали дыбом! В самой глубине еще были видны все эти летающие чудища, но их пугал свет. Ибо написано: "Он открывает глубокое из среды тьмы и выводит на свет тень смертную".

В это время на горизонте показалось солнце, что придало Христианину некоторую бодрость духа. Он знал, как ни опасна первая половина долины Смертной Тени, вторая, которую ему предстояло пройти, гораздо опаснее. От места, где он находился, до конца долины — весь путь был уставлен западнями и ловушками, изрыт рвами и глубокими ямами, так что идти по нему в темноте было бы самоубийством. Но, к его счастью, взошло солнце, и он радостно воскликнул: "Светильник Его светил над головой моею, и я при свете Его ходил среди тьмы!".

Вторую половину долины он успел пройти засветло. Вдруг, к немалому ужасу пилигрима, в конце пути он увидел гору человеческих костей, а неподалеку — вертеп, в котором жили в древние времена два великана по имени Язычество и Папство. Это по их вине пилигримы, чьи останки разбросаны были повсюду, подвергались мучениям и пыткам. Христианину повезло, он сумел пройти этот участок пути живым и здоровым, и

то лишь потому, что один из великанов умер, а второй, хоть и был еще в живых, но по старости лет и от контузий, полученных в многочисленных битвах, превратился в дряхлого полупомешанного старика. Его одеревеневшие члены не позволяли ему тронуться с места, и он только сидел возле вертепа, качал головой и исторгал вслед проходившим пилигримам угрозы и проклятия, размахивая кулаками от сознания своего собственного бессилия.

Христианин спокойно шел своим путем, пока в недоумении не остановился, услышав обращенные к нему слова оставшегося в живых великана: "Вы ни за что не поумнеете, пока еще многих из ваших не сожгут". Не обращая на эти слова никакого внимания, Христианин прошел мимо, напевая при этом песню:

Из долины Смертной Тени встанем радостно, пойдем
В край небесных откровений, в край, завещанный Христом.
Нас на пути борьба за правду ждет,
Но Божий Вождь пойдет вперед.
Мы победим: Христос поможет нам!
Хоть так слабы, слабы мы.
Мы победим с Христом дружины тьмы.
И луч добра блеснет с небес.
И дружный хор небесных сил
Нам будет петь псалмы побед.

Глава 11. ХРИСТИАНИН И ВЕРНЫЙ

На пути своем Христианин поднялся на невысокий пригорок, позволявший пилигримам обозреть окрестность. С вершины он увидел старого друга по имени Верный, который шел впереди тем же путем. Христианин радостно окликнул его:

— Эй, друг, подожди немного, и пойдем вместе! Услышав зов, Верный обернулся, и Христианин вновь закричал ему:

— Стой, подожди меня! Но Верный ответил:

— Не могу! Кровавые мстители идут за мной по пятам. Эти слова подстегнули Христианина, и он, собрав последние силы, пустился бегом догонять его. Ему удалось даже обогнать его, с самодовольной улыбкой взглянув при этом на Верного. Но неожиданно он споткнулся и упал, да так, что сам подняться на ноги не смог, и Верный подбежал помочь ему.

После этого они пошли вместе, обсуждая пережитое.

— Дорогой брат, я очень рад, — сказал Христианин, — что мне удалось догнать тебя. Господь так свел наши пути, что мы можем вместе продолжить наше путешествие.

— Я рассчитывал, любезный друг, — ответил Верный, — выйти вместе с тобой из нашего города, но ты отправился раньше меня, и я весь этот опасный путь прошел в одиночестве.

— А долго ли ты еще жил в городе Гибель после того, как я покинул его?

— До тех пор, пока не почувствовал, что долее оставаться там не могу. Много разных слухов и толков было после твоего ухода, говорили даже, что город наш скоро будет сожжен небесным огнем.

— Что ты говоришь?!

— Да, одно время только и разговоров было, что об этом!

— И все-таки никто, кроме тебя, не пожелал спастись от гибели?

— Хоть гибель города и была темой номер один, серьезно в это никто так и не поверил. Я собственными ушами слышал, как в пылу разговора некоторые с насмешкой отзывались о тебе и о твоём путешествии, которое они называли пилигримством; но я лично ни на минуту не сомневался в том, что наш город будет сожжен огнем и серой, и потому ушел оттуда.

— Не слышал ли ты что-нибудь о Сговорчивом?

— Да, слышал, что он дошел было с тобой до самой топи Уныния. Утверждают, что там он провалился, и, вернувшись, не захотел в этом сознаться. Но я в этом не сомневался, потому что он был с ног до головы запачкан болотной тиной.

— А что сказали ему наши соседи?

— После своего возвращения он стал всеобщим посмешищем. Многие при этом еще и презирали его, и почти никто не хотел дать ему работу. Его положение сегодня во много раз хуже, чем до его ухода из города.

— Но почему же они так с ним обходились, если сами презирали путь, которым он намеревался идти?

— Вот что они говорили: "На виселицу его! Он отступник! Он изменил своему исповеданию!". Мне кажется, что сам Господь настроил всех против него и сделал его притчей во языцах.

— А лично ты говорил с ним об этом?

— Я однажды встретился с ним на улице, но он тотчас перешел на другую сторону, как будто пристыженный. Так и не удалось мне переговорить с ним.

— Вначале, когда мы двинулись с ним в путь, я, признаюсь, возлагал на него большие надежды. Но теперь мне сдается, что он погибнет вместе со всем городом. Не зря говорят: "Пес возвращается на свою блевотину", и "Вымытая свинья идет валяться в грязи". Оставим его. Расскажи мне лучше, друг мой, что тебе пришлось пережить в пути, в какие попасть приключения?

— Я миновал топь, в которую ты упал, и дошел до врат, не подвергаясь особым опасностям. Потом я встретил некую личность по имени Распутство, которая пыталась соблазнить меня.

— Хорошо, что ты от нее спасся. Иосиф сильно был ею искушен, и чуть было не поплатился за это своей жизнью. А какое зло причинила тебе эта личность?

— Ты даже представить себе не можешь, какие у нее приемы, чтобы завладеть людьми. Распутство льстива, прилипчива, обещает всякого рода радости и наслаждения.

— Однако Распутство ведь не могла обещать тебе радости спокойной совести?

— Зато всякие плотские и чувственные наслаждения!

— Слава Богу, что ты ей не попался! Ведь ты отверг ее услуги?

— Конечно, вспомнив слова: "Стопы ее достигают преисподней". Вот я и закрыл глаза, потому что боялся оказаться околдованным, и продолжил свой путь.

— Были ли еще какие-нибудь приключения?

— У самого подножия горы Затруднение, с которой я спустился, я встретил дряхлого старика. Ему интересно было узнать, кто я и куда иду. Я ответил, что зовусь пилигримом и направляюсь в Небесный Град. "Ты мне кажешься честным малым, не хочешь ли ты поселиться у меня и получать хорошее жалованье?" Я спросил его, кто он и где живет. Он мне представился Ветхим Адамом из города Обмана. Я поинтересовался его работой и жалованьем.

"Я держу дом терпимости. Жалованье же мое — я тебя сделаю своим наследником. В моем доме собраны самые драгоценные сокровища мира. Есть и прислуга. Это мои дочери". — "А сколько у тебя дочерей?"

— "Трое, — ответил он. — Вождение Плоти, Похоть Глаз и Гордость Житейская. Если захочешь, могу дать одну из них тебе в жены". — "Как долго я смогу жить у тебя?" — спросил я его. — "До самой смерти", — был ответ.

— Ну, и что же ты решил?

— Сначала я был склонен согласиться. Его предложение показалось мне заманчивым и приемлемым. Но потом я словно прочел у него на лбу: "Отвергни ветхого человека с его делами".

— И что же дальше?

— То, что я прочел на лбу этого старца, настолько поразило меня, что я тут же смекнул: если я с ним войду в дом, он тотчас продаст меня в рабство. Я посоветовал ему сохранить все эти красивые слова для себя. Тогда он начал мне угрожать, что пошлет мне вслед человека, который испортит мне настроение на весь дальнейший путь. Я повернулся, чтобы уйти, как вдруг почувствовал резкий удар. В глазах потемнело от боли, и мне показалось, будто из меня вырвали кусок мяса. От жгучей боли я воскликнул: "О, жалкий я человек!".

Как мне удалось высвободиться из его цепких рук, подняться на ноги и продолжить свой путь, я и сам не знаю. Не прошел я и половины пути, как, обернувшись назад, увидел, что кто-то бежит за мной со скоростью ветра. Этот кто-то догнал меня на том самом месте, где стоит беседка для отдыха.

— Я тоже там остановился было отдохнуть, — признался Христианин, — но заснул так крепко, что выронил из-за пазухи свой свиток.

— Но выслушай меня, брат, — продолжал Верный. — Как только этот незнакомец меня догнал, он ударил меня по голове с такой силой, что я повалился, точно мертвый. Придя в себя, я смог лишь прошептать: "За что?". Голос его подобен был грому: "За твое тайное стремление к Ветхому Адаму". Тут он стал снова бить меня в грудь. Я стал молить его о пощаде, но он ответил, что чувство пощады ему неведомо. Без сомнения, я бы вскоре скончался от его побоев, если бы кто-то не подошел к нему и не приказал остановиться.

— А кто же это был? — спросил Христианин.

— Я Его сначала не узнал, но потом заметил следы от ран на Его руках и в боку. Тогда я понял, что это был Сам Господь...

— Человек, избивавший тебя, был Моисей. Он не щадит никого и вообще не ведает, что это такое — щадить людей, преступивших его закон.

— Это была не первая моя встреча с ним. Он уже приходил ко мне домой и грозил сжечь кровлю дома моего, если еще долго буду медлить.

— Заметил ли ты Чертог, который стоит на самой вершине горы, где тебя догнал Моисей? — спросил Христианин.

— О да, и львов, спящих перед входом. Был полдень. У меня оставалось еще много времени; я, не останавливаясь, прошел мимо привратника и спустился с горы.

— Он мне как раз и передал, что ты прошел мимо дома. А жаль, что ты не вошел в Чертог. Ты бы увидел там много достопримечательного, что запоминается на всю жизнь. Но скажи, пожалуйста, встретил ли ты кого-нибудь в долине Унижения?

— Да, я встретил там одного по имени Недовольный, который уговаривал меня повернуть с ним назад. Главная причина его недовольства состояла в том, что человек в этой долине лишен всяких почестей. Если же я буду настолько глуп и все-таки решусь пройти долину Унижения, то я оскорблю всех своих друзей: Гордость, Надменность, Самоуверенность, Мирскую Славу.

— Что же ты на это ему ответил?

— Я сказал, что все они являются моими родственниками по плоти. Однако после того, как я стал пилигримом, они от меня отреклись. Я также порвал всякую связь с ними. Что же касается долины Унижения, то, по-моему, он совсем неверно истолковывает ее значение. "Унижение предшествует чести, а надменность влечет за собой падение". Да я лучше пройду долину Унижения, чем соглашусь с советами Недовольного.

— А больше ты никого не встретил в долине?

— Как же, встретил одного по имени Стыд. Я, право, еще не встречал в своей жизни человека, у которого бы имя настолько не соответствовало его сущности. С другими еще можно было о чем-то договориться, но от этого же нахала невозможно было избавиться!

— Что же он говорил?

— Он восстал против самой религии, утверждая, что это занятие жалкое, подлое и недостойно умного человека. Совестьливость — черта характера, позорящая мужчину. Для человека здорового смешно и стыдно всегда обдумывать каждое свое слово и каждый поступок, а расстаться с буйной, свободной жизнью, свойственной смельчакам всех времен, — великая глупость в глазах наших современников. Очень мало великих, богатых и умных мира сего решались идти честным путем, потому что боялись рисковать, делая ставку на неизвестное будущее. Живыми и яркими красками он описывал, какое презренное и униженное положение занимают пилигримы в свете. Стыд и позор, когда человек начинает плакать, мучиться угрызениями совести, слушая в церкви проповедь, а дома у себя вздыхает о духовной испорченности, просит прощения у соседей за какую-нибудь обиду, нанесенную ему много лет назад, или за слово, сказанное сгоряча, вернет взятое без спросу. Религия делает человека странным в глазах большого света, потому что каждый человек имеет маленькие слабости (так он называет пороки), от которых верующий человек старается избавиться. И потому христианин, как правило, вынужден общаться с теми, кто далек от светского общества, образуя с ними нечто вроде духовного братства. Разве это не постыдно? Говорил он со мною долго и о многом, всего и передать невозможно.

— Что же ты возразил ему на это?

— Что? Да я просто не знал, что и говорить! Он меня довел до такого состояния, что я покраснел, и этот Стыд чуть было не взял надо мною верх. К счастью, я вовремя вспомнил стих: "то, что высоко у людей, мерзость пред Богом". И тут до меня дошло, что Стыд говорит только о людях, но не объясняет, как велик Бог и Его Слово. Я подумал, что в день суда нам будет вынесен смертный приговор или, наоборот, дарована жизнь вечная не по степени нашей дерзости и гордости в мире, а по мудрости и закону Всевышнего. Нет, подумал я, то, что велит Бог — лучше, хотя бы весь мир восстал против Его Слова. А Господь повелевает нам иметь веру и чистую совесть. Поэтому те, которые решаются прослыть дураками в глазах мира ради Царства Небесного, будут самыми мудрыми в этом Царстве. Бедняк, любящий Христа, намного богаче самых знатных мирян, которые ненавидят имя Его. И во всю силу своих легких я крикнул ему прямо в лицо: "Стыд, удались от меня, ты враг моего спасения: неужели предпочту служить тебе, нежели Всемогущему Богу моему? Как я посмотрю Ему в глаза, когда Он придет? Если я буду стыдиться здесь Его и Его служителей, то какое право я имею ждать от Него благословения?". Но уверяю тебя, друг, этот Стыд — нахальный тип. На ухо он шептал мне всякую чушь, как, например, что смешны некоторые моменты веры и как долго он искал со мной встречи. Наконец я ему решительно заявил, что он напрасно меня преследует, потому что то, что он считает презренным, я расцениваю как высшую славу. Надо ли говорить, как я обрадовался, избавившись, наконец, от своего докучливого советчика...

— Я очень рад за тебя, брат, — ответил Христианин, — что ты все-таки сумел отделаться от этого нахала. В самом деле, он мало соответствует своему имени. Вместо того, чтобы прятаться, он гонится за нами повсюду, желая внушить нам стыд при исполнении нашего долга. Но будем всегда оказывать ему сопротивление, ибо сказано:

"Мудрые наследуют славу, а глупые — стыд".

— Я думаю, — заметил Верный, — что мы должны молить о помощи Того, Кто желает видеть нас мужественными борцами за истину.

— Конечно. А более никого не встретил ты в этой долине?

— Нет, более никого. Всю дорогу солнце сияло над моей головой, даже в долине Смертной Тени.

— Тебе больше повезло, друг!

И Христианин в свою очередь рассказал товарищу про все свои опасные приключения...

Глава 12. КРАСНОБАЙ

Спустя какое-то время Верный увидел человека, идущего на некотором расстоянии от них. Звали этого человека Краснобай. Он был довольно высок, статен и красив собою. К нему — то Верный и обратился с вопросом.

— Друг, куда направил свои стопы? Не в небесную ли страну?

— Именно туда.

— Прекрасно, тогда мы можем идти вместе.

— С удовольствием, будем друзьями.

— Так идем, а заодно и побеседуем о духовной пище.

— Мне всегда доставляет огромное удовольствие беседовать с умными людьми о высоких материях, — ответил Краснобай. — Я рад, что встретил единомышленников. Случай, скажу вам откровенно, довольно редкий. Чаще встречаешь путешественников, предпочитающих пустые разговоры.

— Очень грустный факт, — заметил Верный. — Для чего дан человеку язык, если не для прославления Бога и Его дел?

— Твои слова убеждения мне по сердцу. Что может быть приятнее и полезнее такой беседы? Особенно для такого человека, как я, который восхищается всякого рода чудесами. Где еще можно найти такое точное и ясное, подробное и вместе с тем лаконичное описание истории, загадочных сил природы, чудес и знамений, как это сделано в Священном Писании.

— Все это так. Но цель нашей беседы извлечь из нее максимальную пользу.

— И я так думаю. Дискутировать на эти темы весьма полезно. В беседе человек познает очень многое, о чем прежде и не догадывался, так, например, пустоту, никчемность земных и значимость небесных ценностей, ничтожность наших дел, необходимость возрождения Святым Духом и спасения через Иисуса Христа. Кроме того, человек понимает, что есть покаяние, вера, молитва, терпение. Наконец, он учится опровергать ложные учения, отстаивать истину и наставлять на праведный путь неверующих.

— Все это верно, и мне очень приятно слышать это от тебя...

— Увы! Отсутствие подобных бесед, — отвечал Краснобай, — как раз и является причиной того, что столько людей не понимает необходимость и важность веры и воздействия благодати на их человеческие души для достижения вечной жизни. Они живут в полном неведении, считая, что строгим соблюдением буквы закона могут попасть в Царство Божие.

— Да, но позволь заметить, что познание этой истины есть дар Божий. Человек не может добиться этого только лишь своим усердием или пустыми разговорами на эту тему.

— О, я прекрасно понимаю, что человек ничего не может взять себе сам, если оно не дано ему будет свыше. Все по благодати — не по делам. В доказательство я могу привести тебе множество мест из Священного Писания.

— Хорошо, так какую же тему мы теперь изберем для нашей беседы?

— О, по мне любую! Мне не составляет никакого труда рассуждать о небесном и о земном, о светском и о духовном, о прошлом и о будущем, на тему нравственности и о Евангелии. Я много интересного могу рассказать о своем отечестве и о дальних странах, о важных и о менее важных вещах. Мне любая тема по плечу.

Верный очень удивился ответу путника, подошел к Христианину, который шел несколько поодаль, и сказал ему тихо:

— Какого хорошего спутника мы получили. Настоящая ходячая энциклопедия!

Христианин улыбнулся:

— Этот господин, которым ты так восхищаешься, умеет хорошо морочить голову.

— А разве ты его знаешь?

— Может быть, лучше, чем он сам себя знает.

— Так скажи, пожалуйста, кто он?

— Его зовут Краснобай. Он из нашего города. Удивляюсь, что ты его не знаешь. Хотя вполне может быть, ведь город наш так велик...

— Чей он сын и где он живет?

— Его отца зовут Болтуном, а живет он во Вральном ряду. В городе он известен как Краснобай из Врального ряда. Он очень жалкий и несчастный человек.

— Однако какое приятное впечатление он производит.

— Да, он всем кажется приятным человеком, пока не познакомишься с ним поближе. На людях он разыгрывает святошу, а дома он ненавидный, отвратительный тип. Его можно сравнить с картиной, которая красива только издали.

— Мне сдается, что ты все-таки шутишь.

— Боже упаси, чтобы я в шутку стал чернить своего брата. Я тебе о нем еще кое-что поведаю. Этот человек чувствует себя, как рыба в воде, в любом обществе. Так же, как он с тобой сейчас разговаривал, он будет рассуждать с соседом за кружкой пива в кабаке, и чем больше хмеля ударит ему в голову, тем красноречивее поток его речи. Настоящая вера не чувствуется ни в сердце его, ни в душе, ни в его поведении. У него одно на уме: показать свое красноречие и как можно искуснее поболтать.

— Неужели я так сильно ошибся в этом человеке? — изумился Верный.

— Да, ошибся... Это о таких сказано: "Они говорят, но не исполняют", и "Царство Божие не в слове, а в силе". Он говорит о молитве, о покаянии, о вере, о духовном возрождении, но, к сожалению, это только слова. В душе у него ничего святого нет. Я бывал у него, видел его в кругу семьи и вне ее... В его доме нет веры. В его семье никто не молится, и не встретишь у него никого, в ком чувствовалось бы раскаяние. Он поистине позорное пятно на белоснежном платье христианства. Своим краснобайством он клеветает на Иисуса Христа. Вне дома он "святой", у себя — сатана. И его бедная семья сильно от этого страдает: с близкими он сварлив и зол, с прислугой несправедлив. Он очень скуп и постоянно норовит другого надуть, обмануть или провести. Для достижения своей цели он не стесняется в выборе средств. Самое страшное, он и сыновей своих воспитывает в том же духе, и если заметит в ком из них склонность к богобоязненности, сразу называет его при всех дураком и болваном. Мне кажется, он своей порочной жизнью очень многих оттолкнул от веры, и если Господь не остановит его, он еще многих погубит.

— Я, конечно, не имею права сомневаться в твоих словах, так как ты его знаешь лично и судишь о людях, как подобает христианину.

— Если бы я не знал этого человека, я, вероятно, разделил бы твое мнение. Скажу больше, если бы все это мне рассказали люди, враждебно настроенные к религии, я счел бы это за клевету (ведь на богобоязненных нередко клеветают). Но все, что я рассказал тебе, и — увы! — гораздо более того, результат моих собственных наблюдений. Люди порядочные стыдятся знакомства с ним. Одно его имя заставляет людей краснеть. Никто не решается назвать его братом или другом.

— Да, теперь я вижу, что слово и дело — два совершенно разных понятия. Впредь стану внимательнее.

— Конечно, это разные вещи. Тело и душа ведь тоже не одно и то же. Тело без души мертво, так же и слово без дела пустой звук. "Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцом состоит и в том, чтобы утешать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира". Краснобаю это не нужно: он считает, что истинным

христианином можно стать и без того, чтобы дело делать. Тем самым он обманывает свою собственную душу. Слушать — значит принять семя в сердце: но еще неизвестно, взойдет ли оно и будет ли плодоносно. В день суда не спросят: слушали ли вы и рассуждали ли, но были ли исполнителями? В зависимости от ответа и судимы будем. Конец света можно сравнить с жатвой, когда жнецы соберут плоды — плоды веры. Я это говорю лишь затем, чтобы показать тебе, как жалко будет выглядеть исповедание Краснобая в тот день.

— Это напоминает мне, — заметил в ответ Верный, — объяснение Моисея, как отличить чистое животное от нечистого: "Всякое животное, у которого раздвоены копыта и которое жуёт жвачку, чисто. Животное, у которого только копыта раздвоены, но которое не жуёт жвачку, или же которое жуёт жвачку, но не имеет раздвоенного копыта, нечисто". Краснобая можно сравнить с нечистым животным. Он жуёт жвачку, то есть пережевывает слова, но не решается расстаться с грехом...

— Ты правильно понимаешь смысл библейского текста. К этому еще добавлю: апостол Павел называл некоторых людей, а именно краснобаев, медью звенящей или кимвалом звучащим. Это люди, лишённые истинной веры и евангельской благодати. Они не могут быть приняты в небесную обитель с детьми Божьими.

— Признаюсь, общество этого человека было мне очень приятно. Но ты открыл мне глаза. Как же мы теперь избавимся от него?

— Послушайся моего совета, и ты увидишь, что и ему скоро надоест твое общество, разве только Господу будет угодно тронуть его душу и обратить ее. Подойди к нему и заведи серьезный разговор о силе воздействия Божьей благодати на человека. И просто спроси его, чувствует ли он эту силу в своем сердце, в своем доме и во всей своей жизни?

Верный снова подошел к Краснобаю:

— Эй, брат, веселее! О чем задумался?

— Я вот думаю, сколь о многом мы могли бы поговорить за это время.

— Что ж, пожалуй, начнем. Если ты мне позволишь избрать тему для беседы, я предложил бы следующую: как, каким образом проявляется спасительная благодать Божия в сердце человека?

— Я понял, о чем ты хочешь повести разговор. Вопрос, действительно, немаловажный, и я тебе с удовольствием на него отвечу. Вот вкратце мой ответ. Во-первых, если Божья благодать живет в сердце человека, она вызывает в нем бурю негодования против греха. Во-вторых...

— погоди, не спеши. Мне кажется, тебе следовало бы сказать, что Божия благодать вызывает в душе ненависть и отвращение ко греху.

— Да, но какая же разница между негодованием и ненавистью?

— О, большая! Человек приличия ради может красивыми словами высказывать свое возмущение грехом, но ненавидеть грех можно только под воздействием Божьей благодати. Я слышал многих проповедников, которые с кафедры громко возмущались грехом, клеймили его, но отлично с ним уживались в сердце, в доме и во всей своей жизни. Супруга царедворца Потифара громко рассказывала всем о своей святости, а на самом деле была прелюбодейкой. Некоторые бичуют грех очень своеобразно. Таких можно сравнить с матерью, которая журит своего ребенка за шалость, а потом сразу же обнимает и ласкает его.

— Ты, я вижу, хочешь поймать меня на слове...

— Нет, я хочу только ясности.

— Позволь мне высказать свою мысль до конца. Во-вторых, хорошее знание библейских истин.

— С этого тебе следовало бы начать. Библейские истины можно знать на пятерку с плюсом и при этом не иметь в душе Божьей благодати. Человек может приобрести самые глубокие познания и оставаться ничем, т.е. не быть чадом Божиим. Когда Христос спросил Своих учеников: "Знаете ли вы все это?" — ученики ответили:

"Знаем". — "Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете". Он называет блаженными не знающих, но исполняющих. Существует вид познания, не сопровождающийся практической деятельностью, своего рода теоретическое познание. Встречаются слуги, прекрасно знающие волю своего господина, но не исполняющие его волю. Человек может знать евангельские истины наизусть и не быть христианином. Поэтому твой вывод неверен. Теория нравится краснобаям и хвастунам, а Богу нужна практика. Конечно, практика без познания невозможна. Вообще существует два вида познаний: один вид ограничивается словесными рассуждениями, а другой базируется на благодати, вере и любви, заставляющие человека с желанием и радостью исполнять волю Бога. Человека поверхностного удовлетворяет первый вид познания, а христианин не мыслит себя без второго вида: "Вразуми меня, и буду соблюдать закон Твой и хранить его всем сердцем".

— Ты опять пытаешься поймать меня на слове, это не может послужить нам к назиданию.

— Тогда приведи другое доказательство действия благодати.

— Нет, не хочу, я вижу, что мы с тобой не договоримся.

— Тогда позволь мне это сделать.

— Что ж, пожалуйста.

— Действие благодати проявляется в душе того, кто ее получил, и для тех, кто близок с ним. Получивший этот драгоценный подарок сознает свою греховность, он понимает, что за свое неверие он непременно будет отвержен Богом, если при жизни не получит помилования Божия через веру в Иисуса Христа. Это сознание рождает в его душе скорбь и стыд за свой грех. И вот ему открывается Сам Спаситель Иисус Христос. Человек понимает необходимость заключить с Иисусом Христом на всю жизнь союз. Тогда в нем зарождается духовная жажда, которую обещано утолить. Насколько сильна будет вера в своего Спасителя, настолько велика будет его радость, стабилен его душевный покой, велико стремление к святости, огромно желание познать Его еще лучше и служить Ему на земле. А между тем сам человек далеко не всегда способен признать эти чувства за проявление действия благодати по той простой причине, что грех еще имеет какую-то власть над ним, и он еще не до конца познал святые истины. И подчас требуется немало времени, чтобы возрожденный духовно понял: то, что в нем происходит, есть результат действия в нем благодати Божьей. Родственники, близкие и знакомые также замечают проявление действия Божьей благодати в душе обращенного грешника. Вновь рожденный и не скрывает, что он верит в Иисуса Христа как своего личного Спасителя. Он полностью меняет свой образ жизни в соответствии со своим исповеданием. Его отношение к самым близким и совсем незнакомым, к единомышленникам и мирянам, его стремление очиститься от греха и не поддаваться искушениям дьявола, его желание любить ближнего, как самого себя, и принимать все из Божьих рук, верно служить Иисусу Христу не на словах, а на деле — вот что характеризует человека, в душе которого живет Божья благодать. Если это краткое описание действия Божьей благодати на человека вызвало в тебе какие-либо возражения, я их готов выслушать; если же нет, позволь мне задать еще один вопрос.

— О нет, мое дело сейчас не опровергать, а слушать, и потому с нетерпением жду следующего вопроса.

— Вот он. Соответствует ли твой образ жизни тем принципам, которые ты мне изложил? Или же вся твоя вера зиждется только на словах, а не на деле? Прошу тебя, если ты намерен ответить на мой вопрос, обещай говорить только правду, на что Господь на небе сможет сказать: "Аминь", а совесть твоя — подтвердить. "Ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь". Выдавать себя за христианина и продолжать жить по-старому, иными словами, быть волком в овечьей шкуре — великое зло.

Краснобай при этих словах даже слегка смутился и покраснел, но вскоре оправился и ответил:

— Ты далеко зашел и договорился до таких понятий, как совесть и Бог, Которого хочешь призвать в свидетели. Скажу честно, не ожидал я, что наша беседа примет такой оборот. Ты разговариваешь со мной, как с ребенком. Я вовсе не собираюсь отвечать на подобные вопросы, разве только если б признал тебя моим законоучителем или судьей... Но скажи, почему ты мне задал все эти вопросы?

— Потому что я заметил, как ты скор на разговоры. Скажу тебе откровенно, я слышал, что вся твоя религия только слова и что твои разговоры о христианстве противоречат твоему образу жизни, который ты ведешь. Говорят, что ты позоришь христиан, что твои нечестивые дела уже многих сбили с правильного пути, а для скольких еще ты представляешь серьезную опасность! Твое понятие христианства прекрасно уживается с пьянством, жадностью, безнравственностью, божбой, ложью, завистью и связями с подозрительным обществом. "Одна паршивая овца все стадо портит". Эта поговорка очень подходит к тебе: ты позоришь всех верующих!

— Если ты так легко веришь слухам и столь резко осуждаешь меня, то я могу заключить, что ты просто сварливый человек, с которым даже связываться не стоит. Всего хорошего!

— Ну, что я тебе говорил? — встретил Христианин Верного. — Я знал, что так случится. Твои слова и его мышление не имеют ничего общего. Он предпочел расстаться с тобой, нежели со своей грешной жизнью. Пусть идет, для нас не велика потеря, лишь он один в проигрыше. Все равно, рано или поздно, мы должны были бы с ним расстаться. Его общество скомпрометировало бы нас. Апостол Павел предупреждает: "От таких удаляйтесь".

— Я, впрочем, очень рад, что начал с ним этот разговор, — ответил Верный. — Быть может, он когда-нибудь вспомнит мои слова, и они пойдут ему на пользу. Во всяком случае, я честно высказал ему все и не несу более ответственности в случае его гибели.

— Ты правильно поступил, постаравшись открыть ему глаза на его заблуждения. Сегодня редко встречаются люди, умеющие открыто говорить правду. Поэтому и живет на земле так много краснобаев, у которых слово расходится с делом. Будучи принятыми в число истинных христиан, они становятся соблазном для мирян, являются позорным пятном для христианства и оскорблением для искренних душ. И если бы все относились к подобным лицемерам, как ты, то они либо изменили бы свой образ жизни к лучшему, либо совсем вышли бы из сообщества христиан.

За такой беседой пустынный путь, которым они шли, показался им менее однообразным и утомительным. С песней стало совсем легко:

Шел я в мире, заблудился, встал в раздумье перед рвом,
Но теперь я обратился и иду другим путем.
Прежде рвался я к Содому и к погибельным делам,
А теперь иду я к дому и к Сионским воротам.
Прежде я к греху стремился, к удовольствиям мирским,
А теперь с грехом простился и живу с Христом благим.
Все порочные влеченья я оставил позади.
И теперь одни виденья: рай и счастье впереди.
Но не сам я обратился — Богом к Богу привлечен.
Я от мира отворачиваюсь, Богом был я обращен.
О Господь, благодаренье и хвалу мой дух поет
За святое обращенье!.. О, веди меня вперед!

Глава 13. ЯРМАРКА СУЕТЫ

Они уже прошли почти всю пустыню, когда Верный, случайно обернувшись, заметил человека, идущего им навстречу, и тотчас его узнал.

— Брат, — воскликнул он, — посмотри, кто идет! город. Там вам придется туго, ваши враги будут преследовать вас. одному из вас это будет стоить жизни, но будьте верными своему вероисповеданию до конца, и Царь славы уготовит вам венец жизни. Тот из вас, кто погибнет, хотя смерть его и будет насильственной и страдания велики, будет счастливее оставшегося не только потому, что он ранее его вступит в Небесный Град, но и потому, что он избегнет многих скорбей, которые выпадут на долю оставшегося в живых. Когда вы войдете в этот город и все предсказанное мною сбудется, вспомните вашего друга. Будьте мужественны и вручите души ваши Богу, ибо Он — Творец Неизменный.

Вот вижу я, что пилигримы, пройдя пустыню, оказались в городе по имени Суета. Там круглый год проводится ярмарка, именуемая ярмаркой Суеты. Название произошло от города, который, если положить его на весы, легче пустоты. Мудрый Екклесиаст сказал:

"Суета сует — все суета". Эта ярмарка — дело не новое, она существует с самых древних времен. Вот вкратце история ее возникновения.

Около пяти тысяч лет тому назад тоже шли в Небесный Град пилигримы. Были это люди почтенные, всех возрастов и сословий. Когда-то шли этим путем и Веельзевул, Аполлион и Легион со своими товарищами. Когда они поняли, что дорога, ведущая в Небесный Град, проходит через город Суету, они сговорились устроить там ярмарку, где бы круглый год шла торговля всевозможными предметами суеты. Купить там можно все: дома, имения, фирмы, ремесла, должности, почести, титулы, чины, звания, страны, царства, страсти, удовольствия и всякого рода плотские наслаждения. Не брезгают и живым товаром: проститутки, развратные мужчины, богатые жены и мужья, дети, слуги обоего пола, жизнь, кровь, тела, души. Выбор серебра, золота, жемчуга, дорогих камней огромен! На этой ярмарке толпами бродят во всякое время фигляры, шулеры, картежники и бродячие артисты, безумцы, плуты и мошенники всякого рода. Круглосуточно можно созерцать всевозможные зрелища, и притом бесплатно, — воровство, убийство, прелюбодеяние, клятвопреступление. Освещена же ярмарка зловещим багровым светом.

Ярмарка обычно разбита на ряды, площади, чтобы путешественникам было легче ориентироваться. Ярмарка Суеты не является исключением. Здесь есть Британские ряды, Французские, Русские, Итальянские, Германские, Испанские и так далее. Самым большим спросом какое-то время пользовались товары из Рима. Председательствует там сегодня князь Старец, который обещаниями старается убедить мимо идущих пилигримов пасть к его ногам и поцеловать ту ногу, которую он выставит вперед. В одной руке у него огромный ключ, которым, по его словам, можно отпереть врата Небесного Града. В другой руке он держит бич, называемый "анафема", которым он беспощадно избивает всех, не внимающих его увещаниям.

Как я уже сказал, путь в Небесный Град проходит через город, где шумит и пляшет веселая ярмарка. Всякий, кто идет к горе Сион, не может миновать ее. Сам Царь царей, когда жил на нашей земле, возвращался в Свое Царство через этот город и через эту ярмарку. Князь Веельзевул, хозяин этой ярмарки, лично уговаривал Его купить что-либо. Он даже обещал сделать Его обладателем всего видимого, ежели он согласится бить ему челом. Однако товары этой ярмарки Суеты оставили Господа совершенно равнодушным, и Он покинул город, не истратив ни одного гроша.

Путь наших пилигримов, таким образом, тоже пролегал через эту ярмарку. Не успели они пройти и несколько метров, как вся ярмарка пришла в сильное волнение. Причин этому было несколько. Во-первых, пилигримы в своей одежде резко отличались от обывателей города. Иные принимали их за сумасшедших, другие — за шутов, а третьи — за иностранцев. Во-вторых, горожанам совершенно непонятен был язык этих двух чужестранцев. Немудрено, что их не понимали: пилигримы говорили на языке Ханаана, а ярмарка — на мирском языке. Таким образом, они прослыли дикарями. В-третьих,

пилигримы, что немало забавляло жителей, не обращали никакого внимания на предлагаемый товар. Они даже не останавливались, чтобы взглянуть на него, и когда торговцы громко уговаривали их купить что-нибудь, они затыкали себе уши и, подняв глаза вверх, громко восклицали: "Отврати очи мои от зрелища суеты", давая тем самым понять, что все их богатство находится на небе.

Кто-то с издевкой спросил их:

— Что вам угодно?

Они, взглянув пристально ему в лицо, ответили:

— Мы ищем истину.

Эти слова были причиной взрыва негодования. Кто стал насмехаться, кто хулить, и, наконец, вздумали их избить. Что тут началось! Через пять минут ярмарку было не узнать — разбросанные товары, разбитые лица, выбитые зубы, крик, шум... Кто-то о происходящем донес хозяину ярмарки. Он тотчас же послал своих верных приближенных с поручением схватить зачинщиков беспорядка.

Пилигримов повели на суд. Судьи стали их допрашивать: кто они, куда идут и что они делают здесь в столь необычном одеянии?

— Мы гости на этой земле и идем домой в нашу Небесную Отчизну, — ответили они. — Мы никого не оскорбили, ничего не украли, поэтому нам совершенно непонятно, почему с нами так невежливо обращаются. Единственное, что мы ищем, это истину.

Судьям этого ответа было вполне достаточно, чтобы принять их за сумасшедших и обвинить их в том, что они хотели вызвать в рядах ярмарки смуту. Вновь начали их избивать, забрасывать камнями.

Наконец посадили их в клетку и выставили на всеобщее посмешище. Толпа наслаждалась этим зрелищем, а хозяин ярмарки испытывал прямо-таки животное удовлетворение.

Пилигримы терпеливо сносили все оскорбления, не воздавая бранью за брань, а напротив — благословляя мучителей своих. Наконец некоторые из присутствующих, тронутые их незлобием и терпением и не разделяющие мнение толпы, решили заступиться за несчастных, гневно осуждая насмешников. Ярость толпы в момент обрушилась на защитников. Со всех сторон раздались крики: "Вы такие же преступники, как они! Вы их тайные союзники! Ваше место рядом с ними в клетке! На виселицу их!".

— Но посмотрите внимательно на них, — утверждали они. — Они ведь мухи не обидят. Скромные, тихие, они совсем не похожи на преступников. На нашей ярмарке можно найти очень многих, более достойных позорного столба, чем эти двое ни в чем не повинных людей.

Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения толпы. Началась потасовка, били куда попало и чем попало, не разбирая уже, где свой, где чужой.

Между тем несчастные пилигримы вновь предстали перед судьями, где их обвинили в нарушении порядка на ярмарке. Вынесенный приговор был жестоким. На них надели кандалы и водили по ярмарке для острастки всем тем, кто вдруг надумает посочувствовать или заступиться за них. Христианин и Верный с таким достоинством и с такой кротостью вынесли это новое оскорбление, что вызвали участие у еще некоторых лиц на ярмарке. Это еще более разъярило мучителей, и они решили предать обоих пилигримов смерти.

Пилигримов опять посадили в клетку до окончания нужных приготовлений к казни, приковав им ноги к полу.

Теперь они вспомнили слова своего друга Евангелиста, исполнившиеся слово в слово, что еще больше укрепило их веру. Им было совершенно ясно, что дальнейший путь сможет продолжить лишь один из них. Они уверяли друг друга, что тот, кто первым расстанется с жизнью, первым вкусит от плода блаженства, и каждый про себя желал, чтобы смертная участь выпала на его долю. Затем они предали себя совершенно воле

Того, Кто лучше нас знает наши нужды и возможности, и терпеливо стали ждать решения своей судьбы.

Был назначен день общественного суда над обоими пилигримами. Судья Богоненавистник зачитал обвинение:

"Эти люди — враги здешней торговли. Они внесли смятение и разлад в жизнь города и сумели за эти два дня завоевать среди жителей сторонников своего вероисповедания вопреки закону владетельного князя". Слово попросил Верный:

— Я выражал свое несогласие лишь тогда, когда осквернялось имя Всевышнего. Будучи человеком спокойным и мирным, я не мог вызвать смуту и посеять вражду. Те, кто внял нашим словам, убедившись в их истинности, сделались от этого в нравственном отношении только чище... А что касается вашего владетельного князя по имени Веельзевул, то он враг нашего Господа, и я презираю его.

Всем желающим предложено было выступить и сказать слово в защиту владетельного князя и в опровержение выступления подсудимого. Желание выступить изъявили три свидетеля: Зависть, Суеверие и Угодничество. Их спросили, знакомы ли они с подсудимым по имени Верный и что они могут сказать в защиту своего хозяина.

Первым выступил свидетель по имени Зависть:

— Милостивые государи! Я этого человека знаю давно и готов поклясться, что он...

— Минутку! Свидетель должен сначала присягнуть... Присягнув, Зависть продолжил:

— Милостивые государи! Этот человек, хотя и носит такое благозвучное имя, на самом деле один из самых подлых людей на свете. Он не уважает ни князей, ни народ, ни закон, ни обычаи, но использует малейшую возможность, чтобы навязать людям свои взгляды, которые он называет основными положениями веры. Однажды я своими собственными ушами слышал, как он уверял, что христианство и обычаи нашего города Суэта — совершенно несовместимы и потому никогда не смогут ужиться. Этими словами он осуждает не только наши действия, заслуживающие самой высокой похвалы, но и нас самих.

— Можешь ли ты еще что-нибудь добавить к сказанному?

— Конечно, многое еще можно сказать, но боюсь утомить почтенную публику. В случае необходимости, если показаний других свидетелей для вынесения смертного приговора окажется недостаточно, я готов дополнить свои.

Ему предложили сесть. Судья пригласил следующего свидетеля, Суеверие, и, приказав взглянуть на подсудимого, попросил его дать показания во славу владетельного князя. Присягнув по всем правилам, Суеверие приступил к делу:

— Милостивые государи! Мы с этим человеком не родственники, практически мало знакомы, и я вовсе не желаю знакомиться с ним ближе. Но я твердо убежден в том, что для нашего города его убеждения опаснее чумы. На днях мы с ним разговорились, и он не побоялся заявить, что наша религия — ничто и что такая вера нас спасти не может. Из этого можно сделать вывод, что мы поклоняемся не истинному Богу, а ложному, живем в грехе и потому будем прокляты навеки. Вот все, что я могу о нем свидетельствовать.

Вызвали третьего свидетеля — Угодничество. После присяги были заслушаны его показания.

— Уважаемые господа! Я этого человека знаю очень давно, и мне не раз приходилось слышать его крамольные речи. Он пренебрежительно отзывался о всеми нами любимом Веельзевуле и его благородных друзьях: лорде Ветхий Человек, лорде Плотские Наслаждения, лорде Расточительство, лорде Тщеславие, лорде Разврат и о почтенном сэре Скупость. Он даже имел наглость утверждать следующее: если бы жители нашего города придерживались его веры, всем этим благородным и почтенным господам пришлось бы покинуть город. Дерзость его поистине не знает границ! Этот негодяй обозвал ваше сиятельство безбожным мерзавцем, сдобрив свою речь нецензурными словами. Поток грязи вылил он на весь наш высший свет.

Когда Угодничество закончил свою речь, судья обратился к подсудимому:

— Ты, отступник, еретик, предатель! Слышал ли ты, что эти честные люди свидетельствуют против тебя?

— Разрешите мне сказать несколько слов в свою защиту! — обратился Верный к судьбе.

— Ничтожество! Ты не достоин жить! — в страшном гневе закричал судья. — Ты заслуживаешь смерти! Однако для того, чтобы вся публика могла оценить мое великодушие, я разрешаю тебе говорить.

— Во-первых, — начал Верный, — что касается обвинения Зависти. Если какое-либо правило, какой-нибудь закон, обычай или даже сам образ жизни не признает Слова Божьего, то вера этого народа не имеет ничего общего с христианством. Если я не прав, убедите меня в этом, и я готов отказаться от своих слов. Во — вторых, в ответ на обвинение Суеверия скажу, что для истинного поклонения Богу необходима вера в Него. Вера без откровения свыше существовать не может. Какие бы формы поклонение Богу не принимало, оно не может быть истинным, если оно не определяется Божьей волей. Такое поклонение негодно Богу и не введет нас в вечную жизнь... И последнее. Хочу при всех повторить мысль, которую я высказал Угодничеству. И владетельный князь этого города, и весь двор его более достойны ада, чем жизни в этом городе. Да будет ныне милость Господня на мне!

Тогда судья обратился к присяжным заседателям, присутствующим в зале.

— Господа, присяжные заседатели! — начал он. — Перед вами сидит человек, позволивший себе нарушить спокойное течение жизни нашего города. Вы слышали показания почтенных свидетелей, а также ответ самого подсудимого. В вашей власти теперь казнить его или помиловать. Я считаю своим долгом вначале ознакомить вас вкратце с историей нашего уголовного кодекса. Во времена фараона Великого, слуги нашего владетельного князя, был издан закон, гласящий, что в случае, если люди иного вероисповедания начинали сильно размножаться, всех новорожденных мальчиков следовало топить в воде. Во дни царя Навуходносора, тоже служителя нашего князя, был также издан закон: каждый, кто отказывался поклоняться золотому истукану, должен был быть брошен в раскаленную печь. То же самое было и во дни царя Дария: кто осмеливался призывать иного Бога, кроме него, считавшего себя Богом, должен был быть брошен в ров со львами. Мятежник, сидящий перед вами, преступил эти законы не только в мыслях, что уже достаточно для вынесения строгого приговора, но даже на деле. Закон, принятый фараоном, имел своей целью профилактику преступления. Если мы обратимся к двум другим законам, нам станет ясно, что мы имеем дело с человеком, оклеветавшим нашу религию, за что он заслуживает смертной казни.

Присяжные заседатели удалились на совещание. Вот имена их:

Слепой, Нестоящий, Злобный, Интриган, Беспринципный, Опрометчивый, Враждебный, Надменный, Лгун, Беспощадный, Светоненавистник и Неумолимый. Каждый из них высказал свое мнение. В итоге они решили признать его виновным.

Слепой, председательствующий на совещании, высказал свое мнение первым:

— Ясно как день, что этот человек — еретик!

— Смести его, эдакую дрянь, с лица земли! — сказал Нестоящий.

— Правильно, мне даже внешний вид его противен! — подтвердил Злобный.

— Я ненавижу таких людей, как он! — таково было мнение Интригана.

— Я полностью согласен с тобой, он вечно придирался к моим "принципам", — поддержал его Беспринципный.

— На виселицу его! На виселицу! — тщательно взвесив все за и против, решил Опрометчивый.

— Ничтожество! — в сердцах воскликнул Надменный.

— Все мое существо восстает против него! — крикнул Враждебный.

— Он бродяга! — смог наконец-то высказаться Лгун.

— Для него и виселицы мало! — сухо, даже с оттенком удовлетворения, сказал Жестокий.

— Глаза мои не видели бы его! — подпрыгивая на месте от нетерпения, высказался Светоненавистник.

— Ни за какие сокровища в мире я не смог бы примириться с взглядами этого человека. Он заслуживает смерти! — закончил горячие дебаты Неумолимый.

Единогласно было решено предать его самой ужасной смерти.

Тщательно был продуман план действий, чтобы ни на йоту не отступить от буквы уголовного кодекса своего города. Вначале его бичевали, затем жестоко били, кололи пиками и наконец забросали камнями. Тело несчастного порубили мечами и сожгли на костре. Так закончил свою жизнь на этой грешной земле Верный.

...Но я заметил, что за толпой ротозеев стояла никем не видимая огненная колесница, запряженная парой чудных коней. Лишь только пилигрим испустил дух, как невидимые руки отнесли его в колесницу, и кони увезли его под чудесные звуки ангельских труб к Небесному Граду.

Христианину Богом была уготована иная судьба. Ему снова пришлось вернуться в тюрьму, но спустя несколько дней ему удалось бежать.

Глава 14. ХРИСТИАНИН И УПОВАЮЩИЙ

Однако недолго шел Христианин в одиночестве. Его догнал один из жителей города Суеты, который до глубины души был тронут страданиями и кротостью пилигримов. Речь Верного на суде оказала на него такое сильное влияние, что он решил покинуть свой дом и присоединиться к Христианину. Звали его Уповающий. Таким образом, пока один пилигрим умирал, свидетельствуя за истину, из пепла его восстали новые последователи Иисуса Христа. Уповающий заключил с Христианином союз и заверил его, что очень скоро еще многие жители покинут город Суету и присоединятся к ним.

Вскоре они нагнали человека по имени Извыгод.

— Не земляк ли ты наш? Далеко ли держишь путь? Незнакомец ответил им, что он уроженец города Красноречие и направляется в Небесный Град, однако себя не назвал.

— Из города Красноречие? А разве можно там встретить людей праведной жизни? — искренне удивился Христианин.

— А почему бы и нет?

— Извини, милостивый государь, позволь узнать твое имя.

— Мы совсем не знаем друг друга. Если ты намерен продолжать этот путь, буду рад такому обществу, а если нет — пойду один.

— Город Красноречие, насколько я слышал, очень богат.

— О, в этом можешь не сомневаться, у меня там немало богатых родственников.

— Смею спросить, кто они?

— Чуть ли не весь город, но ближайšie: лорд Непостоянный, лорд Приспособленец и лорд Красноречивый, предки которого дали имя этому городу. Моими родственниками также являются мистер Вкрадчивый, мистер Лицеприятный, мистер Всечтоугодно и пастырь нашего прихода мистер Двуличный, родной брат моей матери. Короче говоря, я стал знатным и состоятельным человеком, хотя дед мой был простым боцманом, который говорил одно, а делал другое. Впрочем, я приобрел все свое состояние таким же путем.

— Ты женат? — спросил Христианин.

— Да, и у меня очень добродетельная жена — дочь добродетельной матери леди Притворство. Она очень знатного рода. Получив изысканное воспитание, она знает, как держать себя в обществе лордов и как разговаривать с простым мужиком. Наше христианство не придерживается особо строгих правил, мы можем позволить себе кое-

какие вольности. Так, к примеру, мы никогда не плывем против течения, ревностны только тогда, когда казна наша полна золота и серебра, и очень любим, чтобы народ нами восхищался и нам рукоплескал.

Тут Христианин, отойдя в сторону, прошептал Уповающему:

— Мне сдается, что этого жителя города Красноречие зовут Извыгод. Если это так, то мы в обществе такого плута, какого не скоро найдешь во всей стране.

— Спроси, как его зовут, — попросил Уповающий. — Мне непонятно, почему человек стыдится своего имени.

— Милостивый государь, — обратился Христианин к незнакомцу, — ты говоришь так, словно считаешь себя самым умным человеком на всем белом свете. Если я не ошибаюсь, то зовут тебя Извыгод?

— Это не имя, а прозвище, которое дали мне те, кто меня не жалуется. И я вынужден безропотно сносить разного рода оскорбления, как и все великие люди.

— Но не подал ли ты сам повода к тому, чтобы получить подобное прозвище?

— Нет, никогда! В зависимости от духа времени я менял свои мнения и взгляды и никогда не оказывался в проигрыше. И если моя жизнь сложилась столь удачно, то я вижу в этом Божье благословение. Зачем же злые люди обливают меня за это грязью?

— Я так и думал, — ответил Христианин, — что ты тот самый, о котором я много слышал. Если хочешь знать мое мнение, скажу честно, что это прозвище подходит тебе больше, чем ты думаешь. — Если тебе хочется так думать, пожалуйста! Ссориться я с тобой из-за этого не стану. Но если мы пойдем вместе, ты найдешь во мне приятного собеседника.

— Если ты желаешь идти с нами, — сказал в свою очередь Христианин, — ты должен будешь бороться с ветром, холодом и зноем, что, как я понял, не в твоих правилах. Ты должен остаться верным христианству, будь оно в отрепьях или позолоченном платье, и иметь мужество не отступить от него, будь оно даже заковано в цепи.

— Прошу не навязывать мне свои взгляды, свою веру. Предоставь мне свободу мысли и действий, и я готов пойти с вами.

— Только при условии, если ты последуешь нашей вере.

— Я ни за что не изменю своим принципам, своим взглядам, которые для окружающих не представляют никакой опасности, а меня устраивают. Если же вы считаете меня недостойным идти с вами, то я пойду один. В конце концов я встречу человека, способного оценить мое общество.

Христианин и Уповающий пошли одни. Но вскоре один из них оглянулся и увидел трех мужчин, догоняющих Извыгод. Как только они поравнялись, он им отвесил низкий поклон, и они в свою очередь вежливо ответили тем же. Одного из них звали Мировладелец, второго — Сребролюбец и третьего — Экономный. Они были старыми приятелями со школьной скамьи, когда учились в школе господина Хватало. Школа находилась в торговом городе Барыш, в губернии Алчность.

Хватало старался научить их искусству добывать деньги силой, обманом, лестью или же под предлогом совершения добрых дел. Все четверо довели свое искусство до такого совершенства, что любой из них смог бы сам открыть подобную школу и успешно руководить ею.

После первых приветствий Сребролюбец спросил у Извыгод:

— Кто эти двое, которые идут впереди нас?

— Это два странных провинциала, которые по-своему понимают путешествие в Небесный град.

— Но почему они не остановятся и не подождут нас, раз мы все идем в один и тот же город?

— Представления этих люди очень ограничены. Придерживаются они только своих собственных убеждений, а взгляды других считают неверными. Каким бы хорошим

человек ни был, но если его взгляды хоть в чем-то не сходятся с их учением, они его тотчас отвергают и лишают своего общества.

— Это плохо, — заметил Экономный. — Мы знаем, что есть категория людей, которые чересчур праведны и поэтому осуждают всех, кроме самих себя. Но скажи, пожалуйста, о чем вы не смогли договориться?

— Они считают, — начал Извыгод, — что должны продолжать свой путь в любую погоду, а я предпочитаю ненастную погоду переждать. Они находят, что для Бога надо жертвовать всем, а я считаю, что в первую очередь надо заботиться о собственной жизни и о своем состоянии. Они крепко держатся за свои религиозные убеждения, хотя бы и все люди их не понимали, а я нахожу, что их даже нужно менять в зависимости от эпохи. Они остаются верными своему вероисповеданию даже тогда, когда всеми презираемые живут в большой нищете. Я же исповедую веру лишь в случае, если христианство живет в роскоши, всеми признается и все, ликуя, рукоплещут ему.

— Так и держись этих правил, добрый приятель, — поощрил его Мировладелец. — Человек, который имеет возможность сохранить и умножить свое состояние, а между тем так легко отказывается от него ради какой-то идеи, безумец. Будем мудры, как змеи! Посмотрите, как пчела мирно спит всю зиму и только тогда, когда расцветают цветы, просыпается от зимней спячки. Бог посылает на землю дождливые и солнечные дни. Если есть сумасшедшие, которым и дождь не помеха, пусть они продолжают свое путешествие, мы же будем ждать солнечной погоды. Я предпочитаю такую религию, которая разрешает нам сохранить Божьи дары. Даже глупому понятно, что Бог так щедро наградил нас земными благами для того, чтобы мы наслаждались ими. Авраам и Соломон сумели накопить богатство, придерживаясь учения своей религии. У Иова сказано, что праведный человек будет откладывать золото, как собирают кучами сор. Они не были похожи на тех пилигримов, которые идут впереди нас.

— Мне кажется, что мы все одного мнения на этот счет, — добавил Экономный. — Поэтому оставим эту тему.

— Да, конечно, не стоит об этом больше говорить, — вступил в разговор Сребролюбец. — Тот, кто не верит Писанию и не руководствуется разумом, тот не понимает своих свобод и не ищет своей выгоды.

— Братья, — обратился ко всем Извыгод, — чтобы скоротать время и уберечь нас от зла, позвольте мне задать один вопрос. Некто, будь он пастырем церкви или торговцем, получает выгодное предложение на приобретение земных благ. Иначе, чем стать ревностным приверженцем, пусть только внешне, определенных принципов религии, которые он ранее просто игнорировал, получить эти блага он не может. Может ли человек пойти на это и, тем не менее, остаться честным и порядочным?

— Я понял суть твоего вопроса, — ответил Сребролюбец, — и с позволения моих товарищей постараюсь дать тебе ясный ответ. Во-первых, положим, что этот человек — пастырь церкви. Представим себе этого пастыря человеком достойным, но при весьма скромных средствах к существованию. И вдруг события развиваются таким образом, что перед ним открывается блестящая перспектива. Он может занять более высокий пост только при условии, если сделается ревностнее, чаще и с большим энтузиазмом начнет проповедовать и несколько поступится своими принципами, дабы завоевать любовь своих прихожан. Отчего бы этому человеку так не поступить при условии, что он уже имеет хорошую репутацию? Скажу больше: он может и многое другое позволить себе и остаться честным человеком. Почему бы и нет?

Во-первых, его желание приобрести больше земных благ законно, так как случай послан ему самим провидением. Поэтому он со спокойной совестью может добиваться своей цели.

Во-вторых, его желание лучше жить заставляет его быть более старательным и ревностным проповедником, а значит, и еще более порядочным человеком, который с честью выполняет свой долг, что полностью соответствует воле Бога.

В-третьих, если он в угоду своим прихожанам поступает своим мировоззрением, значит, в нем сильно развито чувство самопожертвования, он кроток и исполнителен и потому способен быть особенно хорошим пастырем, как бы ни взыскательна была паства.

И, наконец, в-четвертых, пастырь, предпочитающий малому многое, не должен за это прослыть алчным человеком, так как благодаря этому он может увеличить свой приход, что полностью соответствует его призванию, и, кроме того, он получает дополнительную возможность делать добро.

Перейдем теперь ко второй части вопроса, т.е. представим себе, что этот человек — торговец. Положим, что он имеет очень маленький торговый оборот. Если бы он стал религиозным или хотя бы старался казаться таковым, он смог бы увеличить свои доходы, смог бы жениться на богатой девушке и получить зажиточных клиентов. Не вижу в действиях этого человека ничего предосудительного. И вот почему:

во-первых, так или иначе, религиозность — всегда добродетель, независимо от того, чем она вызвана;

во-вторых, отнюдь не противозаконно жениться на богатой девушке или стараться заполучить знатных клиентов;

в-третьих, человек, который все это получил только благодаря тому, что стал религиозным, отвечая на добро добром, и сам становится хорошим человеком. Так вот: у него милая жена, выгодные клиенты, хорошая прибыль, и все потому, что он стал набожным человеком. Я это расцениваю как дело хорошее, выгодное и угодное Богу.

Ответ Сребролюбца был выслушан с большим вниманием и принят с восторгом. Все согласилось, что так поступать весьма здраво и выгодно. И так как никто не в силах был опровергнуть это мнение, они решились подойти к Христианину и Уповающему, которые шли на весьма близком от них расстоянии, чтобы задать им тот же самый вопрос, тем более, что Извыгод был в некоторой степени оскорблен ответом Христианина.

Они громко окликнули двух товарищей, и пилигримы остановились. После первого приветствия старший из них, Мировладелец, задал свой вопрос Христианину и его товарищу и попросил выразить свое мнение.

— Даже ребенок может ответить на тысячи подобных вопросов, — сказал Христианин. — Если следовать Христу только ради получения хлебов незаконно, то сколь же презреннее использовать Его для приобретения мирских благ. Только язычники, лицемеры, сатана и колдуны могут так думать!

1. Язычники, какими были Еммор и Сихем, сын его, вздумали получить дочерей и скот Иакова. Но получить их они могли только в том случае, если исполнят обряд обрезания. Тогда они сказали своим: "Если каждый из нас, мужского пола, согласится принять обряд иудеев, не весь ли их скот и все состояние перейдет в наши руки?" Они хотели получить дочерей и скот, а религия им нужна была только как предлог для приобретения желаемых благ.

2. Лицемерные фарисеи придерживались той же политики. Они подолгу молились, но религия была для них лишь средством обирать вдов и вдовцов, и проклятие Божие было им возмездием.

3. Иуда Искариот, в которого вошел сатана, также использовал религию для этой цели. Он был религиозен лишь ради мешка с деньгами. Но как ужасно он погиб!

4. Симон-волхв избрал тот же путь. Он желал получить Духа Святого для того, чтобы приобрести земные богатства, и поэтому услышал жестокий приговор апостола Петра.

5. Я уверен, что человек, который использует религию в корыстных целях, при первом же удобном случае откажется от нее ради того же мирского. Иуда соблазнился и ради денег продал Учителя своего. Только язычник и лицемер может согласиться с вашим мнением. Бог каждому воздаст по делам его.

Они несколько озадаченно посмотрели друг на друга и в первый момент ничего не могли возразить. Уповающий поддержал мнение своего товарища. Молчание царило

довольно долго. Извыгод и его спутники замедлили шаг, чтобы отстать и избавиться от этого неприятного общества.

— Если эти люди не в силах выслушать человеческий приговор, как вынесут они приговор Божий? Что станет с ними, если они будут ввержены в огонь неугасающий? — поделился своими мыслями Христианин.

Христианин и Уповающий прибавили шагу, и пришли на чудесную равнину по имени Покой, где им вдруг стало светло и радостно на душе. Равнина эта была небольшая, и потому они скоро ее прошли. На противоположном конце ее возвышался невысокий холм Выгода, а в нем серебряный рудник. Очень часто пилигримы сворачивали с пути, чтобы взглянуть на эту руду, содержащую много серебра. Многие, стоя на краю глубокой ямы, на дне которой лежала руда, чувствовали, что почва под ними зыбкая, и, нагнувшись, чтобы разглядеть руду, навсегда проваливались в нее. Часть же любопытных пилигримов родилась под счастливой звездой — они возвращались домой с поломанными руками и ногами, но живыми.

Неподалеку от дороги спиной к серебряному руднику стоял Димас, человек весьма благородной внешности, и уговаривал всех проходящих остановиться и подойти взглянуть на руду. Увидев Христианина и его товарища, он обратился к ним со словами:

-Эй, стойте! Идите сюда! Я вам покажу одну замечательную вещь.

— Что может быть столь важным, чтобы мы свернули с пути?

— Здесь богатые залежи серебряной руды. Не прилагая больших усилий, вы сможете стать очень богатыми.

— Пойдем-ка, посмотрим, — предложил Уповающий.

— Нет, я не пойду, — твердо ответил Христианин. — Я слышал, будто много людей здесь погибло. Притом богатство — ловушка для человека, оно создает различного рода препятствия на пути пилигрима.

И Христианин обратился к Димасу:

— Ведь это место опасно, не так ли? Разве не помешало оно многим продолжить путь?

— Нет, не слишком, — стал увивать от прямого ответа Димас, — разве только для неосторожных (однако при этих словах покраснел).

— Не следует останавливаться нам здесь ни на минуту, идем дальше, — сказал не колеблясь Христианин.

— Я уверен, — заметил Уповающий, — что Извыгод при первом же приглашении отправится посмотреть на руду.

— Без сомнения, — согласился Христианин, — его принципы не возбраняют любить деньги, и я за него очень боюсь.

— Неужто вы даже не взглянете на эту красоту? — продолжал настаивать Димас.

— Димас, ты враг истинного пути Господа нашего, — твердо ответил Христианин, — и уже был осужден однажды за то, что сам совратился. Так зачем же стараешься и нас ввести в искушение? Если мы свернем с пути, как же мы предстанем перед нашим Царем? Мы не сможем радоваться, напротив, нам будет очень стыдно.

Димас заверил их, что и он принадлежит к их братству, и если они согласны повременить немного, он пойдет с ними.

— Как тебя зовут? Я тебя правильно назвал? — спросил Христианин.

— Да, меня зовут Димасом, я сын Авраама.

— Я знаю тебя. Гиезий был твоим прадедом, а Иуда твоим отцом, и ты идешь по их стопам. Твои слова не более, чем дьявольские уловки. Твой отец, известный предатель, кончил свою жизнь на виселице, и ты не заслуживаешь лучшей участи.

В это время Извыгод и его товарищи при первом же приглашении Димаса отправились с ним к серебряным рудникам. Провалились ли они в яму, разглядывая руду, или начали там копать, чтобы набрать себе серебра, и задохнулись от ядовитых газов, не знаю. Знаю только, что их больше никто никогда не видел.

...И вот вижу я, что наши пилигримы, пройдя долину Покой, остановились перед древним монументом. При виде его они очень изумились, настолько странным он им показался: нечто вроде изображения женщины, превратившейся в столп, предстало перед их глазами. Они остановились и стали рассматривать монумент со всех сторон. Долго не могли они догадаться, что бы это могло означать. Наконец Уповающий заметил наверху какую-то надпись. Он указал Христианину на странные буквы и спросил, не может ли он разобрать слова. С немалым трудом Христианину удалось прочесть следующее: "Вспоминайте жену Лотову". Тут оба поняли, что это тот соляной столп, в который превратилась жена Лота, когда, уходя ради спасения из Содома, она обернулась и бросила взгляд сожаления на погибающий город.

— Ну, брат, — с волнением произнес Христианин, — это ли не Божье провидение! Если бы мы дали Димасу уговорить нас, кто знает, может быть, и мы превратились бы в такой памятник, символ предостережения для других пилигримов...

— Мне стыдно, что я хоть на минуту мог соблазниться его предложением, и удивляюсь, что еще не превратился в столп, как жена Лота. Ибо какая разница между ее грехом и моим? Она только обернулась, а я пожелал идти посмотреть на серебро. Да послужит она мне укором, что подобная мысль могла мне прийти в голову.

— Извлечем же урок из увиденного, — продолжил Христианин. — Эта женщина избежала гибели в Содоме, а между тем все равно погибла, правда, другой смертью — превратившись в соляной столп.

— Пусть, — добавил Уповающий, — ее пример послужит для нас предостережением: мы должны избегать греха, и мы видим, что осуждение Божье постигнет непременно тех, которые не внимают Его предупреждениям. Так и Корей, и Дафан, и Авирон, и еще двести пятьдесят человек погибли во грехе и стали знаменем для других. Но вот о чем я думаю: как могут Димас и его друзья столь спокойно оставаться там и искать сокровища, из-за которого эта женщина лишь только потому, что обернулась (ибо не сказано, что она сделала хоть шаг назад), была превращена в соляной столп. Стоит им только поднять глаза, даже с того места, где они ныне находятся, и они увидят этот столп...

— Я могу их сравнить с ворами, которые крадут на глазах у судьи и даже уже с петлей на шее. Сказано о содомских жителях, что они были великими грешниками пред лицом Господа. Содомская страна была садом Господним — богата и живописна. Потому Бог и прогневался особенно сильно и послал на них огонь и серу. Можно верно заключить из всего этого, что те, которые намерены жить во грехе, не взирая на знамения и предостережения Господа, непременно станут жертвами Его строгого осуждения.

— Какое счастье, что мы с тобой не стали такими образцами греха. Будем помнить жену Лотову и еще раз воздадим хвалу нашему Господу Иисусу Христу!

Глава 15.

ЗАМОК СОМНЕНИЕ И ВЕЛИКАН ОТЧАЯНИЕ

...Вот вижу, что путь, по которому шли пилигримы, привел их к чудесной реке, которую царь Давид называл рекой Божьей, а Иоанн Богослов рекой живой воды. Дорога проходила вдоль берега реки. Этот отрезок пути был настоящим наслаждением для обоих товарищей. Каждый глоток этой живой воды укреплял их усталый дух. По берегам реки росли самые разные фруктовые деревья, на которых висели созревшие плоды. Листья этих деревьев утоляли жажду разгоряченных от долгой ходьбы путешественников.

По обеим сторонам реки лежали луга с полевыми лилиями, цветущими и не увядающими круглый год. Они прилегли отдохнуть на цветущей поляне и уснули, здесь они могли чувствовать себя в полной безопасности. В этом отрадном месте пилигримы пробыли несколько суток и перед тем, как снова пуститься в путь, запели:

"Взгляните на блестящие струи реки, на цветущие берега, где могут отдыхать пилигримы, на зеленые поляны с душистыми цветами... Тот, кто хоть раз вкусил чудных плодов и листьев с этих деревьев, конечно, отдаст все, что имеет, для того, чтобы немного побыть здесь".

Потом они отправились дальше, ведь путешествие их еще не закончилось.

Едва прошли они поляну, как заметили, что дорога все дальше уходит в сторону от реки. Жаль им было, что они не видят больше серебряного речного русла, но свернуть с намеченного пути они не посмели. Дорога стала каменистой и неровной, а ноги их были полны ссадин и ран. Сердце пилигримов заныло при виде таких трудностей, но все-таки они шли вперед, утешая себя надеждой, что когда-то эти камни кончатся. Вскоре они заметили по левую руку другую поляну, отделенную забором и носившую название Окольной поляны. К этой поляне вела узкая тропинка.

— Если эта поляна тянется вдоль всего нашего пути, то лучше идти по ней, — обратился Христианин к своему верному спутнику.

Он подошел к забору и, заглянув через него, заметил еще одну тропинку, бегущую параллельно дороге по ту сторону изгороди.

— Это как раз то, что нам нужно, — обрадовался Христианин, — здесь легче и мягче идти. Давай, брат, пойдем по ней.

— А вдруг эта тропинка уведет нас не туда, куда следует? — возразил резонно его товарищ.

— Этого быть не может! Смотри, она идет в том же направлении. Уповающий, поддавшись уговорам своего друга, перелез с ним через забор. Когда они пошли по тропинке, то сразу почувствовали, насколько эта дорога была мягче и приятнее их утомленным ногам. Вскоре они увидели перед собой человека, идущего в том же направлении. Звали его Самоуверенный. Они осведомились у него, куда ведет эта дорога.

— К Небесному Граду, — услышали они в ответ.

— Видишь, — сказал Христианин, — я не ошибся. Теперь ты убедился, что мы на истинном пути?

Они пошли за незнакомцем. Но вот стало темнеть. Ночь была безлунной и беззвездной и рассмотреть что-либо перед собой было совершенно невозможно. Самоуверенный, продвигаясь вперед на ощупь, упал в глубокую яму и разбился насмерть. Эта ловушка нарочно была устроена владельцем этих мест для самонадеянных и самоуверенных безумцев.

Пилигримы услышали шум его падения. Они громко окликнули его, чтобы узнать, что случилось, но ответа не было. До них долетал только глухой стон умирающего.

— Куда мы попали? — испуганно воскликнул Уповающий. Товарищ его ничего не ответил, он догадался, что они уже в который раз свернули с правильного пути. Между тем разразилась страшная гроза. Полил сильный дождь, яркие молнии засверкали над ними, послышались раскаты грома. Вода все выше и выше покрывала землю.

Тогда Уповающий с горечью обратился к товарищу:

— О, если б я не свернул с пути!

— Кто же мог подумать, что эта тропинка уведет нас от нашей дороги! — старался успокоить его Христианин.

— Я с самого начала этого опасался, но не хотел противоречить тебе, так как ты старше меня.

— Добрый брат, не сердись на меня. Я глубоко сожалею, что стал причиной нашего несчастья, уговорил тебя свернуть с пути и подверг тебя этой опасности. Прости меня, у меня не было дурных намерений...

— Не отчаивайся, друг мой, я не сержусь. Может быть, случившееся пойдет нам на пользу.

— Я очень рад, что у тебя столь доброе сердце. Но мы не должны здесь оставаться, попробуем пойти назад.

— Я пойду впереди, — вызвался Уповающий.

— Нет, я пойду первым, и если наткнушь на опасность, то первым и погибну, потому что по моей вине мы попали сюда.

— Нет, я не разрешу тебе идти впереди, — настаивал Уповающий. — Ты очень расстроился и можешь надумать еще больше глупостей.

Тут к их радости послышался громкий голос: "Обрати сердце твое к истинному пути, пути, по которому ты ходил прежде. Вернись к нему".

К этому времени вода поднялась уже так высоко, что возвращаться стало опасно. Я подумал тогда: "Как легко покинуть истинный путь и как трудно вернуться назад". Мужественно пустились они в обратный путь, но было настолько темно, и вода стояла столь высоко, что несколько раз жизнь их висела на волоске. Найти тропинку этой ночью им так и не удалось. Наконец они нашли сухое место и решили дожидаться рассвета. Вконец измученные, они моментально заснули.

Неподалеку от этого места, где они устроились на ночлег, стоял замок, называемый замком Сомнения, и владельцем его был великан по имени Отчаяние. Ничего не подозревая, они заснули в его владениях. Рано утром, выйдя из замка, великан пошел прогуляться по своим угодьям и заметил Христианина и Уповающего, крепко спящих на его земле. Сердитым голосом он их разбудил и спросил, откуда они и как оказались в его владениях. Проснувшись и со сна еще не поняв, кто перед ними стоит, они дрожащим голосом ответили:

— Мы пилигримы и этой страшной ночью заблудились.

— Так как вы, — прогремел великан, — виновны в том, что топтали мою землю и валялись на ней, идите теперь за мной!

Чувствуя себя в какой-то степени виноватыми, они не нашли в себе силы оказать великану даже малейшее сопротивление. Великан бросил их в темницу своего замка, где была нечистота и стоял нестерпимый смрад. Там пробыли они четыре дня, не получив ни капли воды и ни куска хлеба. За все это время никто не пришел осведомиться о них, ни разу не увидели они солнце и голубое небо. Положение было катастрофическое: без друзей и знакомых, без малейшей надежды на освобождение. Христианин более печалился, чем его товарищ: он сознавал, что горе это случилось по его вине, и горько упрекал себя за это.

У великана Отчаяние была жена по имени Недоверие. Вечером, когда они легли спать, он рассказал ей про двух пилигримов, дерзнувших устроиться на ночлег в его владениях и брошенных за это в темницу. Он спросил ее совета, что с ними делать далее. Жена дала ему "мудрый совет" — рано утром отправиться к ним и избить их.

Поутру она принесла ему вырезанную из дикой яблони дубину, с которой он и явился к узникам. В великом гневе кинулся он на них и со страшной силой стал избивать их тяжелой дубиной. После первых же ударов пилигримы потеряли сознание и остались лежать на полу. Удовлетворив свои садистские чувства, он запер за собой дверь. Весь остаток дня провели они в стенаниях и причитаниях.

Следующей ночью великан Отчаяние и его жена Недоверие вновь заговорили о пилигримах. Жена была очень удивлена, что они еще живы, и посоветовала ему внушить пилигримам мысль о самоубийстве.

Наутро он снова отправился к несчастным и, найдя их ослабевшими от ран и страданий, стал советовать им самим покончить с собой, уверив их в том, что живыми они отсюда никогда уже не выйдут. Средство они вольны избрать любое — нож, петлю или яд. Пилигримы, набравшись смелости, стали просить великана отпустить их. Это еще больше разозлило Отчаяние, и он, рыча, как лев, с новой силой накиннулся на страдальцев. Сил и гнева в нем было много, и он непременно убил бы их, если б не случился с ним припадок (какие бывали с ним в очень ясные солнечные дни) — руки свело судорогой.

Он вышел, оставив их одних со своими мыслями. Бедные пленные стали советоваться, как им быть дальше. Может быть, им и в самом деле послушаться совета великана и покончить с собой?

— Брат, что же нам делать? — спросил Христианин. — Мы в таких условиях долго не выдержим. Не лучше ли умереть, чем так жить? Даже могила кажется мне теплее этой темницы! Так не послушаться ли нам совета великана?

— Наше положение, конечно, ужасное, — ответил его спутник, — и для меня смерть гораздо привлекательнее подобной жизни. Но давай обсудим... Владыка страны, в которую мы направляемся, заповедал: Не убивай! Мы не имеем никакого права лишать других жизни, тем более не вправе следовать совету великана. Тот, кто убивает другого, убивает только тело, но кто себя убивает, тот губит и душу свою. Ты, брат, толкуешь о покое, который тебя ждет в гробу, но разве ты забыл ад, в который попадут убийцы? "Никакой человекоубийца не имеет жизни вечной", — сказано нам. Кроме того, не вся власть дана великану Отчаяние. Насколько я понял, многим, которые, как и мы, попали к нему в темницу, удалось бежать. Кто знает, быть может, Бог, сотворивший вселенную, пошлет на злодея погибель, или он однажды забудет запереть нас, или с ним еще раз случится припадок и он потеряет всякую силу. И если это на самом деле еще раз случится, я соберусь с духом и вырвусь отсюда. Странно, что это мне не пришло в голову в прошлый раз! Давай, брат, потерпим еще немного и не будем больше помышлять о самоубийстве. Верю, придет время, и мы получим свободу.

Таковыми словами Уповающий утешал своего товарища, и еще один день провели они в темноте, голоде и страданиях.

К вечеру великан снова пришел к ним в темницу, чтоб узнать, последовали ли пленные его совету. Он нашел их едва живыми. От голода, жажды и полученных ран, которые гноились и страшно болели, они передвигались с большим трудом. То, что пленники еще живы, так разъярило его, что он, весь изменившись в лице, закричал:

— Теперь пеняйте на себя! Лучше бы вам не родиться на белый свет!

С ужасом в глазах внимали пилигримы словам Отчаяния, Христианин даже потерял сознание. Придя в себя, он снова стал думать о том, что не следует ли им все-таки послушаться совета великана. Уповающий вновь принялся успокаивать товарища:

— Брат мой милый, каким ты был прежде отважным! Сам Аполлион не смог победить тебя, ты не устрасился того, что видел и слышал в долине Смертной Тени. Через какие только страдания и ужасы ты не прошел, и вот теперь... Неужто не осталось в тебе ничего, кроме страха? Ведь и я вместе с тобой заключен в темницу, а я гораздо слабее духом, чем ты. И меня жестоко избил великан, я также страдаю от голода и жажды и, как ты, солнечного света не вижу. Потерпим еще немного! Вспомни, каким бесстрашным ты был на ярмарке Суеты — не испугали тебя ни оковы, ни клетка, ни даже кровавая смерть друга твоего. Поэтому будем с достоинством нести наши страдания, чтобы не узнать срама, который не подобает христианину.

Наступил еще один вечер, и когда великан с женой ушли на покой, она вновь осведомилась о пилигримах. Он ответил:

— Они упрямые мошенники! Они согласны вынести любые мучения, но руки на себя не наложат.

— Завтра утром выведи их во двор замка и покажи им останки тех, кого ты уже отправил на тот свет. Заверь их, что не пройдет и недели, как с ними будет то же самое, и они будут растерзаны на куски.

Когда настало утро, великан вывел их во двор, чтобы по совету жены дать им взглянуть на останки убитых.

— Смотрите, — сказал он, — эти люди были такими же пилигримами, как и вы, они тоже вступили в мои владения. Я нашел нужным растерзать их и с вами, если вы не одумаетесь, поступлю так же.

Весь день они пролежали в темнице. Вечером великан со своей женой снова заговорили о пленных. Муж признался, что очень удивлен тем, что все еще не довел их до самоубийства.

— Мне сдается, что они живут надеждой, — сказала жена, — что кто-нибудь придет спасти их, или же у них есть отмычка, которой они отпрут дверь темницы и сбегут.

— Ничего, завтра я разберусь с ними! — решил великан. Но в это же самое время, около полуночи, оба товарища стали на молитву и, не переставая, молились до самого рассвета.

Вдруг, когда еще не совсем рассвело. Христианин радостно воскликнул:

— Что я за безумец! Я лежу в вонючей темнице, хотя мог гулять на свободе! Ведь у меня за пазухой ключ по имени Обетование, который непременно отпрут все ворота замка Сомнения.

— Вот счастье! — ответил Уповающий. — Вынь его, брат, скорей!

Христианин вынул ключ из-за пазухи и тотчас попытался отпереть дверь темницы, которая сразу же отворилась. Оба вышли, дошли до двери, ведущей во двор замка, и тем же ключом отперли и ее. Наконец дошли они до железных ворот, где потребовалось приложить побольше усилий, однако ключ и их отпер! Они слишком резко отворили ворота, которые при этом сильно заскрипели, и шум этот разбудил великана. Он быстро вскочил с постели, чтобы пуститься за ними в погоню, но вдруг у него начались сильные судороги, и он не смог тронуться с места.

Так они счастливо выбрались из своего заточения и только тогда почувствовали себя в безопасности, когда покинули владения великана Отчаяние.

Дойдя до тропки, они вместе стали обсуждать, как им предостеречь других пилигримов от опасности попасть в плен к великану. Они решили поставить на этом месте камень и сделать на нем следующую надпись: "Эта тропинка ведет к замку Сомнение, где живет великан Отчаяние — враг Царя Небесного Града, стремящийся погубить всех Его святых пилигримов".

Многие, проходя мимо этого камня, читали надпись и таким образом избегали опасности.

От радости пилигримы запели: "Мы свернули с правильного пути и узнали, что значит ступить на чужую землю. Да будут осторожнее те, кто пройдет здесь после нас, чтоб им за непослушание не попасть в плен к тому, кто владеет замком Сомнение и называется Отчаянием".

Глава 16. ОТРАДНЫЕ ГОРЫ

Пилигримы дошли, не останавливаясь, до Отрадных гор, тоже принадлежавших Владыке той горы, о которой мы говорили выше. Они поднялись на перевал и с восторгом смотрели на окрестные сады и виноградники. Из чистого родника попили они воды и умылись ею, потом поели сладкого спелого винограда. По склонам гор пастухи пасли стада овец. Пилигримы подошли к ним и, опираясь на посохи, спросили, кому принадлежат Отрадные горы и чьи стада на них пасутся.

— Эти горы лежат на земле Эммануила неподалеку от Его города, — ответили пастухи. — Стада тоже Его, и Он положил жизнь Свою за них.

— Эта ли дорога ведет к Небесному Граду?

— Вы стоите на верном пути к нему.

— А далеко ли еще идти?

— Кому далеко, а кому и нет; для тех, кто действительно отдал свою жизнь Богу, — близко.

— А путь безопасен?

— Безопасен для праведников, а беззаконные падут на нем.

— Не найдется ли здесь места для пилигримов, желающих передохнуть и набраться сил?

— Владыка гор поручил нам "не забывать оказывать гостеприимство странникам", поэтому все, что мы имеем, к вашим услугам, — ответили пастухи.

Пастухи, поняв, что пилигримы явились издалека, в свою очередь задали путешественникам несколько вопросов: откуда? куда держат путь? как они вообще добрались до этих гор, ибо немногие доходят до них? Ответы пилигримов вызвали у добрых пастухов радость, выразившуюся в восклицании: "Приветствуем вас на Отрадных горах!"

Познание, Опытный, Бдительный и Искренний, так звали пастухов, повели пилигримов в свои шатры, где приготовили им сытный обед. Пастухи попросили странников остаться на несколько дней у них, чтобы поближе познакомиться с ними, отдохнуть и насладиться благами этих гор. Пилигримы с радостью приняли это предложение и остались ночевать, так как время было позднее.

Утром их разбудили пастухи и предложили им побродить по горам. Пилигримы с благодарностью приняли это приглашение и отправились вместе с пастухами на прогулку. Вид на фоне восходящего солнца был сказочным. Они поднялись на самую вершину горы, называемой Заблуждение, которая с противоположной стороны оказалась совершенно отвесной. Пилигримы посмотрели вниз и с ужасом увидели груды разбитых человеческих тел.

— Что это значит? — спросил Христианин.

— Разве вы никогда не слышали о тех, кто был введен в заблуждение, внимая речам Именея и Филита о воскресении мертвых?

— Слышали, — ответили пилигримы.

— Так эти несчастные, нашедшие свой конец у подошвы горы, те самые, которых ввели в заблуждение. По сегодняшний день они не преданы земле и служат предостережением для тех, кто, подобно им, хочет вскарабкаться слишком высоко или подойти чересчур близко к краю бездны.

Затем пастухи повели их на вершину другой горы, называемой Предостережение, и попросили их посмотреть вдаль. Взору их предстала мрачная картина. Они увидели людей, бродящих между могилами. Все эти люди были слепы, потому постоянно спотыкались о надгробные камни и никак не могли оттуда выбраться. Христианин попросил объяснить им смысл увиденного.

Пастухи ответили так:

— Не заметили ли вы, когда шли сюда, тропинку, бегущую по левую сторону от дороги?

— О да, — ответили пилигримы.

— Эта тропинка ведет прямо к замку Сомнение, где живет великан Отчаяние. А эти люди, — пастухи указали на слепцов, — были такими же пилигримами, как и вы, пока не дошли до забора. И потому, что путь их был каменистым, они сочли за лучшее перелезть через забор и пойти по мягкой траве. На поляне они были схвачены великаном Отчаяние, который запер их в темницу замка Сомнения. После того, как они провели некоторое время в холодной и мрачной темнице, он их ослепил и пустил скитаться между могилами. Так сбылось пророчество великого мудреца: "Человек, сбившийся с пути разума, водворится в собрании мертвецов".

Христианин и Уповающий взглянули друг на друга, и глаза их наполнились слезами, но они ни словом не обмолвились о пережитом.

После этого пастухи повели пилигримов вниз, в глубокую долину, где виднелась дверь, ведущая в глубь горы. Они отворили ее, и в нос тотчас ударил запах серы. Среди мрака и густого дыма они слышали треск пылающих поленьев и страдальческие стоны.

— А это что должно означать? — спросил в недоумении Христианин.

— Это преддверие ада, — ответили пастухи. — Туда попадают лицемеры и те, кто, как Исав, продает свое первородство или, как Иуда, предает своего Господа; те, кто, как Александр, порочит Евангелие или, как Анания с Сапфирой, лгут.

Тогда Уповающий спросил пастухов:

— Вероятно, эти люди тоже были когда-то пилигримами, как и мы?

— Да, и даже довольно долго.

— На каком же отрезке пути они погибали?

— На разных. Иные добирались дальше этих гор, другие — не доходя до них.

Пилигримы переглянулись:

— Нам надо постоянно взывать к Всемогущему о даровании нам силы, — сказали они.

— Да, сила необходима будет вам и далее. Возможно, что ее придется даже применить.

В это время пилигримы пожелали продолжить свой путь, и пастухи решили их проводить и с миром отпустить. Поднявшись на вершину горы Ясная, пастухи, посоветовавшись, решили показать им ворота Небесного Града, которые отсюда можно было разглядеть в бинокль. У бедных пилигримов от всего увиденного и услышанного дрожали руки, они с трудом держали в руках бинокль и потому толком ничего не смогли разглядеть. Однако им все-таки показалось, что они увидели нечто вроде ворот, за которыми было что-то необычайно прекрасное.

И они отправились далее, напевая:

"От пастухов узнали мы тайны, которые сокрыты от прочих людей! Идите же к пастухам, если кто из вас желает узнать то сокровенное, что до времени остается тайной".

На прощание каждый из пастухов дал пилигримам в дорогу напутствие. Познание подарил описание дальнейшего маршрута, Опытный предостерег: "Берегитесь Соблазнителя", Бдительный посоветовал не засыпать на Очарованной земле, и, наконец, Искренний напутствовал их: "Бог с Вами!".

На этом я проснулся.

Глава 17.

ИСТОРИЯ МАЛОВЕРНОГО И ПРЕБЫВАНИЕ В ОЧАРОВАННОЙ СТРАНЕ

Когда я снова заснул, мне приснилось продолжение этой истории. Вижу, пилигримы спустились с гор и пошли к дороге, ведущей к Небесному Граду. Чуть ниже слева видна была местность по имени Самомнение, куда вела тропка, ответвляющаяся от этой дороги.

По ней шел юноша, который весь светился от радости. Имя его было Невежда. Христианин спросил его, откуда он и куда идет.

— Я родом из той местности, что лежит внизу, и иду в Небесный Град.

— Но как ты намерен войти в ворота Небесного Града? Боюсь, что ты встретишься с большими трудностями, — сказал Христианин.

— Войду, как все другие добрые люди.

— А пропуск у тебя есть?

— Нет, но я знаю волю моего Господа, и прожил достойную жизнь. Всякому человеку я воздавал должное, молился, соблюдал посты, выполнял свой долг перед Богом и перед людьми, отдавал десятину, подавал милостыню и покинул свою родину ради страны, куда теперь направляюсь.

— Но послушай, друг, ты ведь не прошел через Тесные врата в начале этой дороги. Ты пришел сюда окольными путями. Поэтому, мне сдается, что сколь бы хорошо ты о себе ни думал, в день суда тебя скорее обвинят в воровстве и убийстве, чем впустят в город.

— Господа, — ответил Невежда, — вы мне совершенно чужие люди. Я вас не знаю. Вы следуете религии вашей страны, а мне позвольте следовать своей. Я надеюсь, что все будет хорошо. Что же касается Тесных врат, о которых вы говорите, то все во всем мире знают, что они ужасно далеки отсюда. Я даже не уверен, что кто-нибудь из наших может указать туда дорогу, да и никому это и не нужно, так как от нас ведет сюда красивая зеленая тропка.

Когда Христианин понял, с каким невежественным человеком имеет дело, он шепотом сказал Уповающему:

— "Видал ли ты человека, мудрого в глазах его? На глупого больше надежды, нежели на него". По какой бы дороге ни шел глупец, у него всегда недостает ума, и всякому видно, что он глупец. Не знаю, продолжить ли разговор с ним или оставить его одного и дать ему возможность обдумать то, что он от нас услышал. Время от времени мы можем оглядываться назад и, может быть, сможем ему помочь.

— Да, оставим его пока одного, пусть поразмыслит об услышанном... По-моему, не следует ему все сразу объяснять, он легче поймет, если мы будем ему рассказывать все постепенно.

...Они прошли вперед. Невежда молча шел позади. Неожиданно они оказались в очень темном месте, где они увидели человека, которого семь злых духов связали семью толстыми веревками и тащили к той двери, на которую им указали пастухи и откуда слышались стоны и треск огня. Христианин и его товарищ пришли в ужас, и пока злые духи тащили незнакомца, Христианин пытался разглядеть его. Ему показалось, что это был его знакомый по имени Отпавший из города Отступничество. Но он не мог сказать это с полной уверенностью, потому что несчастный опустил голову, как вор, пойманный на месте преступления, и черты лица невозможно было рассмотреть. Когда они ушли вперед, Уповающий обернулся и заметил на его спине бумажку с надписью: "Распутник и заслуживающий осуждения отступник".

Христианин обратился к своему товарищу:

— Я только что вспомнил, что случилось с одним человеком из этой местности. Звали его Маловерным; человек он был честный и порядочный и жил в городе Искренность. Вот что с ним однажды произошло.

К этому месту, где мы сейчас находимся, примыкает дорога, идущая от Широких врат. Дорога эта носит название стези Мертвецов, потому что на ней совершается много убийств. Маловерный, такой же пилигрим, как и мы с тобой, присел отдохнуть на обочине стези и уснул. В это время шли по ней от Широких врат три дюжих молодца по имени Необузданный, Назойливый и Виновность — три брата. Заметив Маловерного, который только что проснулся и собирался идти дальше, они поспешно подбежали к нему. Увидев неожиданно перед собой трех крепких мужчин, Маловерный побледнел от страха. О сопротивлении он и думать не посмел. Необузданный потребовал у него кошелек с деньгами. Назойливый, видя, что он не торопится отдавать его, ловко засунул руку в его карман и вытащил оттуда мешочек с серебром. Бедняга громко завопил:

"Воры! Караул! Грабят!". Но тут Виновность огромной дубиной так сильно ударил его по голове, что Маловерный, как подкошенный, повалился на землю, и, казалось, смерть была неминуема. Злодеи еще некоторое время постояли около него. Вдруг послышались чьи-то шаги на дороге, и, боясь, что это идет воин по имени Великая Милость, живущий в городе Полное Упование, они опрометью пустились бежать, бросив беднягу на произвол судьбы. Спустя некоторое время Маловерный пришел в себя и кое-как, ползком, продолжил свой путь.

— Неужели они забрали у него все, что он имел? — спросил Уповающий.

— Нет, у него еще были свидетельство и драгоценные камни. Но мне рассказывали, что бедняга сильно горевал, потому что воры отняли у него почти все, что он имел. У него осталось всего несколько монет, но этого было явно недостаточно, чтобы продолжить путешествие. Говорят, что, в конце концов, он был вынужден просить милостыню, чтобы

не умереть с голоду, так как дорогие камни свои продавать не имел права. Милостыню подавали немногие, поэтому большую часть своего пути ему пришлось голодать.

— Но не странно ли, что злодеи не забрали у него свидетельство, дающее право на вход в Небесный Град? — продолжил Уповающий.

— Правда, это странно. Надо сказать, что они не потому оставили ему свидетельство, что он хорошо его спрятал, ведь от страха он совсем растерялся и уже просто ничего не мог спрятать. Только благодаря Божьему провидению эта драгоценность осталась при нем.

— Однако самым большим утешением ему было то, что он сберег свое свидетельство.

— Увы, он не понимал, что это свидетельство бесценно. Долгое время он не мог прийти в себя от пережитого страха. Мысли его заняты были лишь тем, как ему продолжить путешествие, не имея за душой ни гроша. Лишь изредка вспоминал он о своем свидетельстве, и эти моменты можно было сравнить с маленькой светящейся звездочкой на черном небосклоне. Но звездочка эта сияла недолго, мрачные мысли о деньгах вытесняли все то хорошее, что вспыхивало в его душе.

— Бедняга! Он был, вероятно, и жизни не рад!

— Да, велика была его скорбь! Представим себя на его месте:

быть ограбленным, униженным, израненным в чужой стране! Каково нам было бы! Чудо, что он не разочаровался в жизни! Мне рассказывали, что весь оставшийся путь он стонал и вздыхал, подробно рассказывая каждому встречному, как и где его ограбили, кто были эти злодеи и как они его чуть не убили.

— Я никак не могу понять, что в такой нужде он не продал и не заложил один из своих драгоценных камней, чтобы не унижаться и не просить милостыню.

— Ты совершенно не думаешь, что говоришь! Где он мог заложить или кому продать свои драгоценности? В той стране, где его ограбили, драгоценные камни не котировались, а укрепление духа, в котором он так нуждался, он здесь получить не мог. Кроме того, он знал, что лишится всякого наследства в Небесном Граде, если не предьявит у ворот в город своих драгоценностей. А это для него было страшнее нападения тысячи злодеев.

— Но разве Исав не продал свое первородство, которое было для него самым драгоценным камнем, за блюдо чечевицы? Если он так поступил, почему бы и Маловерному не сделать того же? — спросил Уповающий.

— Конечно, Исав продал свое первородство. Многие поступают так и сегодня, лишая себя Божьего благословения. Ты должен, однако, учесть, что ситуации, в которых находились Исав и Маловерный, различны. Старшинство Исаво было символическим, тогда как драгоценные камни Маловерного были истинными. Исав пошел на все, только бы насытить свое чрево, его желание определялось плотскими вожделениями, не то было с Маловерным. Исав мечтал наесться. "Ибо я на краю смерти, — говорил он, — какая же мне польза от моего первородства?" Вера Маловерного, хотя ему в удел и досталась лишь малая доля, охраняла его от подобного сумасбродства, и потому он, зная исключительную ценность своих драгоценных камней, ни за что бы не продал их. Нигде в Писании не сказано, что Исав верил. Поэтому неудивительно, что тому, кто думает лишь об улавлении плоти, что характерно для всякого человека, не имеющего в сердце веры, ничего не стоит продать сатане и первородство свое, и душу свою. И если человек вобьет себе в голову удовлетворить какое-либо желание, он добивается этого любой ценой. Но Маловерный был не из таких. Он стремился к духовной пище. Продать драгоценности ему не позволяли его убеждения. Разве может человек заставить голубя питаться падалью, как это делают вороны? Неверующий человек ради удовлетворения своих плотских желаний способен заложить, продать, завещать и обещать все, что угодно. Верующий же, даже если вера его очень слаба, но искренна, на это не способен.

— Я признаю свою ошибку, — согласился Уповающий. — Но должен сказать честно, что твои резкие слова чуть было не стали причиной ссоры между нами.

— Неужели?! Но обдумай спокойно все сказанное мною, и ты согласишься, что все это верно.

— Однако эти три злодея, по-моему, еще и порядочные трусы, потому что, услышав вдалеке чьи-то шаги, пустились наутек. Почему бы Маловерному не попробовать оказать сопротивление? Где его мужество? По-моему, он не должен был так быстро сдаваться.

— Многие называют их трусами, но мало тех, кто готов был единоборствовать с ними. Маловерный не имел для этого нужной отваги, и мне кажется, брат, что если бы ты был на его месте, то ты бы отразил не более одного удара. И, право, ты боек сейчас лишь потому, что они от нас далеки. Но представь себе, что они стоят перед тобой, тогда бы ты иначе заговорил. Притом не забывай, что они наемные разбойники: они находятся на службе у царя бездны, который в случае необходимости тотчас спешит к ним на помощь. А голос у царя, как рев рыкающего льва. Я сам прошел через это и знаю, как это страшно. Они втроем напали на меня, и я сначала защищался, как подобает христианину. Но они только свистнули, и явился их хозяин. Так бы моя душа и погибла ни за что ни про что, если б Господь из одной только милости не одел меня в броню. И скажу тебе, что даже в броне и с оружием в руках бороться с ними было трудно. Никто заранее не может знать, что тебя ждет в такой схватке, разве только тот, кто сам испытал это.

— Хорошо. Но ведь они убежали, когда им только померещилось, что идет Великая Милость.

— Да, они не раз убегали и даже вместе с хозяином, когда показывался Великая Милость. И неудивительно: он один из бойцов Царя Небесного. Ты, надеюсь, согласишься, что между Маловерным и бойцом Царя есть разница? Не все подданные Царя могут быть Его бойцами, и не все способны смело ринуться в бой. Разумно ли предполагать, что каждый мальчик может одолеть Голиафа, как Давид? Можно ли от воробья ожидать силы быка? Одни сильны, другие слабы; одни обладают большей верой, другие — меньшей. Этот же человек, о котором идет речь, был слаб.

— Жаль, что эти молодцы не встретились с Великой Милостью, он бы им задал, — заметил Уповающий.

— Ему тоже не так-то просто их одолеть, — ответил Христианин. — Великая Милость искусно владеет оружием и может с ними справиться лишь тогда, когда они находятся от него на расстоянии меча. Стоит одному из злодеев напасть на него сзади, ему трудно будет устоять на ногах. А когда человек лежит, на что он способен? Кто близко знаком с Великой Милостью, тот хорошо знает, что все лицо его в шрамах. Я даже слышал, что он однажды рассказывал подробности одной из битв: "Мы уже не надеялись остаться в живых". Вспомни, как злодеи заставляли Давида стонать, скорбеть и сетовать. Даже Езекия и певец Еман, герои своего времени, подкрепляли себя молитвой, чтобы в борьбе с этими злодеями выйти победителями. И несмотря на все это, они сильно пострадали. Апостолу Петру также однажды пришлось схватиться с ними. Он по праву считается главою апостолов, однако эти злодеи довели его до того, что он испугался голоса служанки!

Хозяин этих злодеев всегда находится поблизости и в любую минуту готов прийти к ним на помощь. Это о нем сказано: "Когда он поднимается, силачи в страхе, совсем теряются от ужаса. Меч, коснувшийся его, не устоит, ни копьё, ни дротик, ни латы. Железо он считает за солому, медь — за гнилое дерево. Дочь лука не обратит его в бегство, пращные камни обращаются для него в плеву. Булава считается у него за соломину; свисту дротика он смеется".

Что делать человеку в этом случае? Конечно, если б иметь коня Иова, много подвигов можно было бы совершить: "Храпение ноздрей его — ужас; он роет ногою землю и восхищается силою; идет навстречу оружию; он смеется над опасностью и не робеет и не отворачивается от меча; колчан звучит над ним, сверкает копьё и дротик; в порыве ярости он глотает землю и не может стоять при звуке трубы; при трубном звуке он издает голос: гу! гу! и издали чует битву, громкие голоса вождей и крик". Но для таких безлошадных,

как мы с тобой, лучше не желать встречи с ними и не хвастать, что мы бы не отступили. Тот, кто очень много говорит о смелости, обычно в схватке сдается первым. Посмотри на Петра, о котором я уже упоминал. Насколько он был самонадеянным! Он уверял Учителя, что уж кто-кто, а он пойдет за ним даже на смерть, пусть все остальные ученики оставят Его.

Поэтому, когда мы слышим о подобных злодействах, мы всегда должны помнить, что:

— во-первых, нельзя пускаться в путь, не облачившись в броню. Нельзя забывать дома щит, ибо отсутствие его было причиной того, что тот, кто столь храбро боролся с левиафаном, не смог его победить. Понятно, что когда мы отправляемся в далекое путешествие без щита, враг нас вообще не боится. Хорошо сказал один мудрый пилигрим: "А паче всего возьмите щит веры, которым можете угасить все раскаленные стрелы лукавого";

— во-вторых, мы должны испросить у Всевышнего помощь, поддержку, силу и мужество, просить послать Ангела Хранителя. Давид, проходя по долине Смертной Тени, ликовал, потому что знал и чувствовал, что Он был с ним. Моисей готов был умереть, нежели ступить шаг без своего Бога.

Да, милый брат, если Он с нами, нам нечего бояться, даже если тысячи и тысячи таких злодеев встретятся нам в пути. Без Него же даже самые смелые, гордые и уверенные в себе падут побежденными.

Я тоже однажды был в подобной схватке, и лишь по великой милости Его жив. Похвастаться своим мужеством я не могу. И, право, сочту себя счастливым, если избегну впредь таких встреч. А ведь нас, пожалуй, ждет еще немало опасностей. Но Господь, спасший меня от льва и медведя, избавит меня и от филистимлянина.

И Христианин запел:

"Бедный Маловерный! Ты был избит и ограблен злодеями. Помни сие, верующий, и молитвой укрепляй свою веру! Лишь тогда ты сможешь победить тьму. Без Него не совладать тебе даже и с одним врагом".

Так и шли они вдвоем, а Невежда шел позади. Вскоре они подошли к развилке и в полной растерянности остановились. Дело в том, что в этом месте дорога раздваивалась таким образом, что совершенно невозможно было определить, которая из них ведет к Небесному Граду. Пока они обдумывали, который путь им избрать, к ним подошел чернокожий человек в сияющей одежде и спросил, почему они тут стоят. Они ответили, что направляются в Небесный Град, но не знают, по какой дороге им идти.

— Идите за мной, — сказал чернокожий, — я тоже иду туда. Пилигримы пошли за ним, не замечая того, что ступили на путь, который ведет в сторону от Небесного Града. Они поняли свою ошибку лишь тогда, когда попали в силки, которые обычно ставят на диких зверей. В этот момент чернокожий сбросил свое белое одеяние, и они увидели, кто этот человек. Горько стали они сетовать, считая, что спастись уже невозможно.

Тогда Христианин обратился к своему товарищу:

— Теперь я понял, что меня опять ввели в заблуждение. Не предупреждали ли нас пастухи остерегаться Соблазнителя. Правду говорил древний мудрец: "Человек, льстящий другу своему, расстилает сеть ногам его".

— А ведь пастухи дали нам подробное описание нашего дальнейшего пути, но мы даже не заглянули в него и не остерегались лжесоветчиков. Давид был мудрее нас: "В делах человеческих, по слову уст Твоих, я охранял себя от путей притеснителя".

Лежа на земле, опутанные сетью, горько упрекали они себя за свою глупость. Вдруг они увидели человека, окруженного чудным сиянием, который подходил к ним, держа в руках бич.

— Кто вы, — спросил Он, — и что вы тут делаете?

— Мы бедные, несчастные пилигримы и идем к горе Сион. У развилки мы встретили чернокожего человека в белой одежде, который и завел нас сюда. Он обещал помочь нам, заверив, что тоже идет в Небесный Град.

— Это Соблазнитель или иначе Лжеапостол, который принял вид Ангела света. Он разорвал путы и освободил их. Затем продолжил:

— Идите за Мной, чтоб я мог указать вам истинный путь. И Он повел их назад к развилке.

— Где вы провели последнюю ночь? — спросил Он их.

— У пастухов на Отрадных горах, — ответили они.

— Разве они вам не дали описание вашего пути?

— Дали.

— И вы на развилке не заглянули в него?

— Мы совсем забыли про это описание.

— Не предостерегали ли вас пастухи от коварств Соблазнителя?

— Да, но, увы, мы не предполагали, что речь его столь красноречива и сладка!

После этого Он заставил их лечь на землю и несколько раз сильно ударил их бичом.

— Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будьте ревностны и покайтесь. Продолжайте свой путь и не забывайте указаний пастухов!

Они поблагодарили Его и вновь пошли по истинному пути, напевая при этом: "О, поглядите, что случилось с пилигримами, вставшими на ложный путь: они были пойманы в сети, потому что пренебрегли добрым советом пастухов. Теперь они освобождены, но какой ценой! Да будет это всем уроком!".

Спустя некоторое время они увидели на дороге человека, медленно идущего по большой дороге навстречу им.

— Смотри, вон идет человек, который идет от Сиона, — удивленно воскликнул Христианин.

— Я его тоже вижу, но будем теперь осторожнее, вдруг он тоже Соблазнитель.

Незнакомец, поравнявшись с ними, спросил, куда они идут. Звали его Атеист.

— Мы идем к горе Сион, — ответил Христианин.

Атеист громко расхохотался в ответ.

— В чем дело? Почему ты смеешься?

— Я смеюсь над вашим невежеством. Вы избрали путь, на котором вы ничего, кроме беды, не пожнете.

— Ты полагаешь, что нас в Небесный Град не примут?

— Примут?! Да этого города нет во всей вселенной!

— Есть!

— Когда я жил дома у себя на родине, — сказал Атеист, — я тоже эти сказочки слышал и решил найти его. И вот я уже двадцать лет ищу этот город и не могу его найти, потому что никакого Небесного Града и никакого Сиона не существует.

— Мы оба не только слышали, но и уверены в том, что гора Сион не вымысел, что она существует, — стояли на своем Христианин и Уповающий.

— Если б и я этому не поверил, то не ушел бы так далеко от дома, чтобы отыскать эту гору и этот город. Я его долго искал, ушел гораздо дальше вас и ничего не нашел. Я возвращаюсь назад, чтобы наслаждаться жизнью, а не жить надеждами на что-то нереальное, вовсе несуществующее.

Тогда Христианин обратился к Уповающему с вопросом:

— Неужели этот человек говорит правду?

— Остерегайся его! Он один из Соблазнителей, — ответил Уповающий. — Вспомни, как дорого мы поплатились за то, что однажды уже послушались одного. Чтоб не существовало Сиона? Да быть этого не может! Разве мы не видели с вершин Отрадных гор врата Небесного Града? Притом, разве мы не должны жить верой? Идем, брат, не то Тот, Кто наказал нас бичом, снова достигнет нас. Тебе следовало бы дать мне тот совет,

который я тебе сейчас дам: "Перестань, сын мой, слушать внушения об уклонении от изречений разума". Милый брат, не слушай Соблазнителя. Будем веровать ко спасению наших душ.

— Я спросил тебя об этом не потому, что сомневался в истинности нашей веры. Мне хотелось тебя испытать, и я уже заранее радовался твоему ответу. Что же касается этого человека, то он ослеплен богом мира сего. Продолжим свой путь, ибо мы веруем в истину, в которой нет ни крупицы лжи.

— Как же мы будем счастливы, когда узрим славу Божию, -радостно воскликнул Уповающий.

Они прибавили шагу, а Атеист расхохотался им вслед... Вскоре пилигримы вошли в страну, где воздух как-то сильно утомлял путешественников и клонил их ко сну. Уповающий почувствовал себя сразу таким усталым, что глаза слипались сами собой.

— Давай приляжем здесь и немного вздремнем, — обратился он к Христианину.

— Ни за что на свете: ежели мы здесь уснем, то никогда уже не проснемся.

— Почему же, брат? — удивился Уповающий. — Сон освежает утомленного человека, он даст нам новые силы.

— Разве ты забыл, что один из пастухов предостерегал нас не засыпать в Очарованной стране? Стало быть, спать здесь нам не следует, будем лучше бдительны и трезвы.

— Я сознаю, что был неправ, и если б я в эту минуту был один, то, конечно, уснул бы, рискуя жизнью. Верно, сказал мудрец: "Ум хорошо, а два лучше". До сих пор твое общество было для меня милостью Божьей, и ты будешь хорошо награжден за твою заботу обо мне...

— Чтоб отогнать от себя сон, давай-ка поговорим о чем-нибудь интересном.

— С радостью, брат!

— С чего же мы начнем?

— Расскажем друг другу, как мы пришли к вере, как Господь нашел нас, а мы Его.

— Хорошо. Но сначала я спою песню: "Когда христианина начинает клонить ко сну, пусть он придет сюда и послушает беседу двух пилигримов. Да научится он от них, как бороться со сном и бодрствовать со Христом. Святое товарищество хранит от сна погибели и побеждает адские силы". А теперь мой вопрос: Расскажи мне подробно, что заставило тебя отправиться в столь опасное и тяжелое путешествие?

— Ты хочешь знать, что именно побудило меня задуматься о спасении своей души? Скажу тебе, что я долго наслаждался земными радостями, которые можно было купить на ярмарке Суеты. Все это, как я теперь ясно вижу, привело бы меня к погибели.

— Что же это были за наслаждения?

— Выше всего я ценил богатства и радости мира сего. Кроме того, я с упоением предавался распутству, пиршествам, я лгал, не соблюдал день Господень. А потом я увидел и услышал тебя, когда ты с Верным был в нашем городе. Твой дорогой друг поплатился за свидетельство истины жизнью, а я понял, что расплата за все это — смерть и что за подобные дела гнев Божий поражает непокорных детей Его.

— Неужели ты тотчас проникся этой правдой?

— О, нет! Я сильно сопротивлялся, я ни за что не хотел признать, что грех — первопричина проклятия. При первом пробуждении души силою Слова Божия я старался спрятаться от света, высвечивающего всю гнусность моей жизни.

— Но почему ты так сильно сопротивлялся первым воздействиям на тебя Духа Господня?

— Причин было несколько.

Во-первых, я не сразу понял, что это новое во мне чувство было воздействием Божьим на мою душу и что Господь именно так начинает обращение грешника — пробуждением совести и убеждением его в греховности.

Во-вторых, грех был мне еще так люб, что мне трудно было расставаться с ним.

В-третьих, я не мог себе представить, как я покину друзей, общество и образ жизни которых мне были так приятны.

В-четвертых, пробуждение совести сопровождалось таким сильным беспокойством, было столь утомительно и тяжело, что я старался даже не задумываться над этим.

— И тебе временами удавалось избавиться от душевного беспокойства, от угрызений совести?

— Да, но только на время. Зато, когда совесть снова начинала меня мучить, мне было гораздо тяжелее прежнего.

— Но что же тебе постоянно напоминало о твоей греховности?

— Многое. Во-первых, когда встречался с верующим человеком.

Во-вторых, когда слышал Слово Божие.

В-третьих, когда чувствовал недомогание.

В-четвертых, когда слышал, что кто-то из моих соседей тяжело болен.

В-пятых, когда раздавался погребальный звон, напоминающий мне о том, что и я когда-то умру и должен буду предстать перед Божьим судом.

— Ты никогда не пытался отогнать от себя эти мучительные мысли?

— Пытался, и неоднократно! Но каждый раз голос совести говорил во мне все громче и яснее. Всякий раз, когда я впадал в грех, мучения мои удваивались.

— И что же ты тогда сделал?

— Я решил исправить свой образ жизни, иначе мне грозила явная погибель.

— И ты действительно пытался исправить свою жизнь?

— Я стал избегать не только греха, но и моих бывших друзей. Стал молиться, поститься, читать духовные книги, плакать над своими грехами, пытался говорить всегда только правду.

— И ты себя тогда чувствовал спокойнее?

— Увы, ненадолго! Скоро страх вновь овладевал мною...

— Как же ты исправился?

— Опять многое было тому причиной. Главное, меня смущали такие изречения: "Вся праведность наша — как запачканная одежда", "Делами закона не оправдается никакая плоть" — ведь все это написано в Библии! Поэтому я пришел к выводу: если все это правда, то бессмысленно и глупо пытаться достигнуть Царства Небесного лишь исполнением закона. Если, к примеру, человек должен лавочнику сто рублей, а в дальнейшем аккуратно расплачивается с ним за все новые товары, но прежнего долга не отдает, то человек все равно остается должником, и лавочник всегда может подать на него в суд.

— Да, но как ты это применил к себе?

— Я стал задумываться. В грехе я зашел очень далеко, сильно провинился перед Богом, и все мои грехи внесены в Книгу жизни. Даже если я исправлюсь, то кто простит и искупит все мои прошлые грехи? Каким образом я смогу избежать проклятия?

— Великолепное объяснение, продолжай, пожалуйста!

— Еще одно смущало меня. Анализируя самым тщательным образом всю свою жизнь, я находил все новые и новые грехи. С ужасом я начинал понимать, что мне грозит вечная погибель. Я впал в отчаяние. Один-единственный день моей жизни был настолько грешен, что этого вполне хватило бы, чтобы попасть в ад, даже если бы все остальные дни я вел жизнь ангела.

— И какой ты нашел выход?

— Я ничего не мог придумать, пока не открыл свою душу покойному Верному, с которым был хорошо знаком. Он мне объяснил, что пока мне не будет дарована праведность никогда не согрешившего человека, — ни моя личная, ни всего мира праведность спасти меня не смогут.

— И ты ему поверил?

— Если б он мне это сказал в то время, когда я был так доволен собой, я счел бы это безумием. Но, убедившись в своей бессилии, и в том, что, несмотря на все мои усилия, я оставался грешником, а также вспоминая прежнюю свою жизнь, я согласился с ним.

— Но не пришла ли тебе в голову мысль, когда ты услышал от него эти слова, что во всем мире можно найти только одного человека, о котором можно бы с полной уверенностью сказать: этот Человек безгрешен?

— Признаюсь, сначала его слова показались мне странными, но по ходу беседы я пришел к полному и искреннему убеждению в его правоте, и я поверил ему.

— И ты спросил его, кто этот Человек и как ты можешь быть Им оправдан?

— О да, и он мне сказал, что это Господь Иисус Христос, Который сидит одесную Бога. Я могу быть оправдан единственно Им, уповая на то, что Он совершил во время Своего пребывания на земле, и на все Его страдания на кресте. Тогда я спросил его, как может праведность этого Человека оправдать другого перед Богом? И он ответил, что этот Человек одновременно и всемогущий Бог, Который умер не за Себя, но за меня, тем самым заплатил за все мои грехи.

— Как же ты поступил после этого? — спросил Христианин.

— Я был согласен с тем, что Он умер за грехи всех людей, что Он милостив, но поверить, что Он хочет и может спасти меня, последнего грешника, я не мог.

— Что же на это ответил Верный?

— Стал уговаривать меня пойти к Нему. Я посчитал это за дерзость, но Он сумел убедить меня в том, что Бог приглашает и меня прийти к Нему, потому что я из званых. Он подарил мне книгу, написанную учениками, инспирированными Самим Иисусом Христом, где каждая буква, каждое слово весомы и более вечны, чем наша земля и вся вселенная. Я заинтересовался у него, что я должен сделать, если приду к Нему, и вообще, как прийти к Нему? Он дал мне совет — на коленях взывать к Отцу Небесному, чтобы Он открыл мне Сына Своего. "Иди, и ты узришь Его на престоле милосердия, где Он восседает вечно, дабы даровать прощение и оставление грехов всем приходящим к Нему". Затем я спросил: "Что я Ему скажу, когда приду?". И Он научил меня молиться так: "Господи, будь милостив ко мне, грешнику, и научи меня познать Иисуса Христа, Сына Твоего, и веровать в Него. Ибо я знаю, что без Его праведности и без веры в Него я потерян безвозвратно и отвергнут Тобой навсегда. Господи, я слышал, что Ты милосердный Бог и послал Сына Твоего Иисуса Христа в этот мир, чтобы спасти всякого грешника, если тот признает себя таковым. Господи, услышь молитву мою и покажи на мне милость Твою! Спаси душу мою ради Искупителя моего, Твоего возлюбленного Сына!".

— И ты все так и исполнил, как он тебе советовал?

— Конечно, и не однажды, но много-много раз.

— И Бог открыл тебе Сына Своего?

— Нет, ни в первый раз, ни во второй, ни в третий, ни в четвертый, ни даже в шестой раз!

— Что же ты тогда собирался делать?

— Что? Да я сам не знал, что делать.

— Не приходило ли тебе в голову перестать молиться?

— О, неоднократно!

— Что же тебя удерживало от этого?

— Я был уверен, что все мною слышанное — истинно, т.е. что без праведности Христа и весь мир не может меня спасти. Перестань я молиться, я тотчас умер бы, и самое ужасное, что меня могло постигнуть на суде, — это смертный приговор. А в ушах моих звучали слова: "И хотя бы и замедлило, жди его, ибо непременно сбудется, не отменится!" И я продолжал умолять Отца Небесного, пока Он наконец не открыл мне Сына Своего.

— Как же Он тебе открыл Сына Своего?

— Я увидел Его не телесными очами своими, а понял разумом. Вот как это было. Однажды я чувствовал себя каким-то особенно подавленным и грустным, каким никогда в жизни еще не бывал. Я долго молился, но Бог не слышал меня. Неужели у меня нет никакой надежды? Боже, неужели Ты оставил меня?

Вдруг мне показалось, что небо открылось и Иисус Христос, взирая на меня сверху, говорит: "Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой". Я ответил Ему: "Но, Господи, ведь я великий, даже величайший грешник!". Он на это сказал: "Достаточно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи". Тогда я возразил: "Но, Господи, что значит веровать?". И я услышал в ответ: "Приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда". Тогда я понял, что веровать в Него и идти к Нему — одно; и что тот, кто к Нему приходит, т.е. кто от чистого сердца и с любовью стремится ко спасению Христом, истинно верует в Него. Глаза мои наполнились слезами, и я продолжал спрашивать Его: "Господи, ужели такой грешник, как я, может, в самом деле, надеяться быть принятым и спасенным Тобой?". И я услышал Его ответ: "Приходящего ко Мне не изгоню вон". — "Но, Господи, кто Ты? Для чего Ты пришел на эту землю? Как я пойму, что моя вера истинна?". Он ответил: "Иисус Христос пришел в мир спасти грешников. Он есть конец закона, к праведности всякого верующего. Он умер за грехи людей и воскрес для их оправдания. Он возлюбил вас и омыл от греха кровью Своей. Он — Посредник между Богом и людьми. Он жив вечно для ходатайства за них". Тогда мне стало ясно, что праведность я должен искать только в Нем Одном. За грехи мои была пролита кровь Его. Все, что Он совершил, повинувшись воле Отца, было совершено не ради Него, но ради всякого, кто принимает Его в сердце свое как своего Спасителя, кто воздает Ему за то с благодарностью. И душа моя востроилась от радости, из глаз полились слезы, и вся сила любви в моей душе была направлена на Иисуса Христа, возлюбившего всех, и на Его народ, т.е. на верующих в Него.

— Слушая тебя, — сказал Христианин, — убеждаешься, что, в самом деле, твоей душе открылся Христос. Но скажи, изменилась ли жизнь твоя после этого?

— Я полностью убежден, что весь мир; несмотря на свое величие и мнимую праведность, находится под проклятием. Отец наш Небесный может милостиво простить приходящего к Нему грешника. Мне было стыдно за свою прожитую жизнь, за свое прежнее неведение, ибо я даже не подразумевал всего величия любви к нам Иисуса Христа. Я начал стремиться к жизни непорочной и к совершению добрых дел для прославления имени моего Господа. Право, я готов жизнь свою отдать за свидетельство имени о Нем.

Глава 18. НЕВЕЖДА

После долгого разговора Уповающий оглянулся и увидел Невежду, который все так же шел один позади обоих товарищей.

— Посмотри, — сказал он Христианину, — как этот юноша сильно отстал и как он нехотя, вразвалку идет.

— Да, вижу. Он избегает наше общество.

— Однако, по-моему, ему полезно было бы все это время идти с нами.

— Это правда. Но я уверен, что он на это смотрит иначе.

— Может быть, но все-таки давай подождем его... Когда Невежда их догнал, Христианин поинтересовался у него, почему он так отстал?

— Мне приятнее идти одному, чем с теми, кто мне не особенно по сердцу, — ответил Невежда.

Тогда Христианин тихо прошептал Уповающему:

— Не говорил ли я тебе, что он в нас не нуждается? Однако попробуем вступить с ним в разговор.

И, повернувшись к Невежде, дружески спросил:

— Как дела, добрый юноша? Живет ли в твоей душе Бог?

— Надеюсь, что да. Я постоянно чувствую в себе много прекрасных стремлений, заполняющих душу и утешающих меня во время путешествия.

— Какие же это прекрасные стремления?

— Какие... Вот, например, я думаю всегда о Боге и о Небесном Царстве.

— О Нем думают и дьявол и осужденные в аду.

— Но я не только думаю о Нем, но и желаю обрести небесное.

— Этого желают многие, которые, однако, никогда не получают жизни вечной. "Душа ленивого желает, но тщетно".

— Но я ради этого оставил все!

— Сомневаюсь: оставить все — дело нелегкое; труднее, чем многие думают. Но что дает тебе уверенность в том, что все действительно оставлено тобою ради Бога и неба?

— Мое сердце подсказывает это мне.

— Мудрец сказал: "Кто верит своему сердцу, тот безумен".

— Это сказано о дурном сердце... Мое же — доброе.

— Но чем ты это докажешь?

— Оно поддерживает мои надежды на небесное блаженство.

— Сердце человеческое обманчиво, оно может тешить пустыми надеждами.

— Сердце мое и мой образ жизни пребывают в совершенной гармонии, и потому мои надежды не беспочвенны.

— Откуда ты знаешь, что твое сердце и твой образ жизни гармонируют?

— Мне сердце говорит это.

— Опять твое сердце! Решить это может только Сам Бог, всякое иное свидетельство не имеет никакой ценности.

— Но если у меня добрые мысли и стремления, значит, и сердце мое хорошее, а жизнь по заповедям Божиим — не благочестивая ли жизнь?

— То, что ты говоришь, верно. Но воображать себя благочестивым или в действительности быть им — разные вещи.

— Позволь узнать, однако, что ты называешь добрыми мыслями и жизнью по заповедям Божиим?

— Добрые мысли бывают разные: иные по отношению к самому себе, другие — по отношению к Богу, ко Христу и так далее.

— Какие же мысли, по-твоему, можно назвать хорошими по отношению к себе?

— Если мы судим о себе так, как судит о нас Слово Божие. Для большей ясности скажу, что Слово Божие утверждает, что все люди по природе своей грешны: "Нет праведного ни одного, нет делающего добро, нет ни одного". Сказано: "Помышление сердца человеческого — зло от юности его", и еще: "Все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время". Итак, если мы судим о себе таким образом, то наши мысли добрые, потому что они соответствуют Слову Божию.

— Никогда не поверю, что в моем сердце столько зла; у меня доброе сердце.

— Вот потому-то у тебя, очевидно, и нет ни одной доброй мысли по отношению к себе. Но дай мне закончить. Точно так же, как Слово направляет наше сердце, так оно определяет и наш образ жизни. И если наши душевные порывы и наши действия соответствуют Слову Божьему, тогда все в порядке.

— Говори яснее, — попросил Невежда.

— Слово Божие говорит, что люди оставили стези прямые, не знают пути мира, блуждают на стезях своих. Если человек искренно и смиренно осуждает свои пути, весь свой образ жизни, то мысли его правильны, потому что согласуются со Словом Божиим.

— А что ты понимаешь под добрыми мыслями по отношению к Богу?

— Когда наши понятия о Боге согласуются с тем, что о Нем сказано в Слове. И мы тогда убеждаемся, что Он знает нас лучше, чем мы сами себя знаем, и видит в нас грехи даже тогда, когда мы за собой ничего дурного не замечаем. Он знает все наши сокровенные мысли, ибо наше сердце со всеми своими тайниками всегда открыто Ему. Наша мнимая праведность — мерзость в глазах Его. Он не может допустить, чтобы человек уповал на свои силы, а не на Него.

— Неужели Ты меня считаешь таким глупцом, который отрицает, что Бог знает все? Или что я могу быть оправдан своими добрыми делами?

— Так как же ты думаешь на самом деле?

— Короче говоря, я думаю, что мне надо просто верить в Иисуса Христа.

— Как ты можешь верить в Иисуса Христа, если считаешь себя непорочным? Ты не понял всю греховность своего существа, не понял, что только кровь Иисуса Христа может тебя спасти и оправдать. Иисуса Христа — Спасителя ищет и находит лишь разбитое сердце, запутавшаяся, отчаявшаяся душа. Он спасает грешников, а не праведников. Как же ты говоришь, что веруешь в Иисуса Христа?

— Говори, что хочешь, вера моя — верна.

— Каковы основные положения твоего вероисповедания?

— Я верую, что Христос умер за грешников и что Он спасет меня от проклятия, потому что я послушен был Его Слову. Или иными словами: соблюдение религиозных ритуалов и обрядов оправдает меня перед Отцом Небесным благодаря жертве, принесенной на Голгофе Иисусом Христом.

— Позволь мне сделать некоторые замечания по поводу твоего вероисповедания, — возразил Христианин. — Во-первых, твоя вера — вера мнимая, ты внушаешь себе, что ты веришь. На самом же деле твоя вера не имеет ничего общего со Словом Божиим. Во-вторых, твоя вера — вера ложная, потому что она оправдывает человека не праведностью Божией, а собственной праведностью. В-третьих, согласно твоей вере Христос оправдывает не твою личность, а твои дела, что в корне неверно. В-четвертых, твоя вера обманчива и заслужит гнев Божий в день суда Его. Ибо истинная вера заставляет человека понять, что, следуя букве закона, душа обречена на погибель. Лишь покорившись Божией праведности душа может быть спасена. Божия праведность служит не для того, чтобы оправдать перед Всевышним твои дела и поступки, а чтобы оправдать тебя самого. А достиг Христос этой праведности для нас, пострадав за нас и исполнив вместо нас букву закона. Только истинная вера может разумеет Божию праведность, и душа человека, защищенная ею, предстанет перед Богом непорочной.

— Как? Вы считаете, что страданий Христа вполне достаточно, чтобы оправдать нас, и нам уже ничего не надо делать? Тогда каждый мог бы грешить сколько ему вздумается, предаваться желаниям и страстям. В самом деле, что за нужда заботиться о правильном образе жизни, если мы уже спасены и оправданы Божьей праведностью, лишь только мы ей покорились?

— Твое имя Невежда, и таков ты и есть. Ответ твой тому доказательство. Не ведаешь ты, что есть оправдывающая праведность и как ею можно спасти душу свою от тяжкого гнева Божия. Если бы в твоём сердце была хоть искорка веры в Спасителя, ты бы знал, что Его огромная милость вызывает в душе спасенного горячую любовь к Иисусу Христу, к Его Слову, к Его народу. Человек уже более просто не может жить в грехе.

— Открылся ли тебе Христос как Сын Небесный? — вступил в разговор Уповающий.

— Что? Вы признаете откровения? Теперь мне ясно, что суждения ваши и есть ничто иное, как плод больного воображения.

— Помилуй! — воскликнул Уповающий. — Человек не может познать Христа иначе, чем через откровение Сына Отцом.

— Это вера ваша, а у меня своя. Я не сомневаюсь, что моя ничуть не хуже вашей, хотя в ней и нет стольких причуд, сколько в вашей.

— Позволь мне прибавить еще несколько слов, — вновь вступил в разговор Христианин. — Тебе не следует столь пренебрежительно говорить о таких серьезных вещах. Я, как и мой товарищ, могу засвидетельствовать, что никто не может познать Иисуса Христа, если ему Его не откроет Сам Бог Отец. И даже веру, через которую душа принимает Христа, человек не может взять сам, он получает ее в дар по великой милости и всемогуществу Его. О действии такой веры на душу, я вижу, бедный юноша, ты вовсе не ведаешь. Проснись, осознай свою нищету, оставь свое высокомерие и поспеши к Господу Иисусу Христу, прося о помиловании. Ты будешь избавлен от вечного осуждения лишь Его праведностью, которая есть праведность Божия, ибо Он сам Бог.

— Вы идете так быстро, что я за вами не поспеваю. Поэтому идите-ка вперед, а я пойду за вами, — сказал Невежда. Тогда Христианин обратился к Уповающему:

— Пойдем вперед, добрый товарищ, я вижу, что нам с тобой придется снова идти одним.

И я увидел, что они прибавили шагу, а Невежда отстал и один поплелся сзади.

— Мне жаль этого бедного юношу, он плохо кончит, — заметил Христианин.

— Увы, в нашем городе много людей, подобных ему, — целые семейства... да что там, целые улицы. И из них многие даже называют себя пилигримами! И если их столько у нас, то сколько же их должно быть на родине Неведы!

— Верно сказано: "Он ослепил глаза их, чтобы не видели". Как ты думаешь: неужели эти люди никогда не чувствуют своей греховности? И неужто они никогда не догадаются, что они в опасности?

— На эти вопросы ответь сам, ты ведь старше меня, — ответил Уповающий.

— Мне кажется, что иногда они задумываются над этим. Но в силу своего устрашающего невежества они не понимают, сколь целительны такие мысли. Они всеми силами стараются заглушить в себе сознание своей греховности, они испытывают страх, но все — так упорно продолжают идти путем, избранным по их собственному усмотрению.

— Я разделяю твое мнение, что этот страх полезен человеку, потому что заставляет его отправиться в далекое путешествие к горе Сион.

— Без сомнения, если только это истинный страх. Ибо написано:

"Страх Господень — начало мудрости".

— Что ты понимаешь под истинным страхом?

— Истинный страх характеризуют три признака: во-первых, причиной является сознание своей греховности; во-вторых, страх заставляет душу человеческую искать и принять Спасителя; в третьих, этот страх порождает и поддерживает в нас глубокое благоговение перед Богом, Его Словом; он смягчает наше сердце и предостерегает нас от опасности оступиться, оскорбить Господа, потерять дарованный нам мир, огорчить Духа или дать лукавому повод для богохульства.

— Ты прав, и я верю, что все именно так, как ты сказал. Но скоро ли мы пройдем эту Очарованную страну?

— В чем дело? Тебя утомила наша беседа?

— Ни в коем случае! Я просто хотел знать, где мы теперь находимся.

— Осталось немного — минут пятнадцать-двадцать. Но вернемся к нашему разговору. Итак, не знающие Писания не ведают, что просыпающаяся совесть и страх — начало действия Святого Духа, и потому стараются заглушить в себе это чувство.

— Но как они это делают? — спросил Уповающий.

— Одни полагают, что страх внушен им лукавым, и потому они сопротивляются ему, ибо верят, что это чувство ведет прямой дорогой в ад. Другие, считающие себя образованными, приписывают это чувство психическому расстройству. Они борются против чувства страха, стараясь заглушить его ежедневными занятиями или развлечениями. Третьи полагают, что малейшее чувство страха может поколебать их веру, но у этих несчастных вообще нет никакой веры, и потому они ожесточают свое сердце

при малейшем признаке страха. Находятся и такие, которые гордо уверяют, что страх унижителен для человека и потому с каждым днем делаются все самодовольнее и самоувереннее. Они сознают, что страх и угрызения совести превращают в ничто их собственную праведность и потому постоянно заглушают в себе страх, который от Бога.

— Я кое-что из этого и сам испытал. Перед тем, как я понял, кто я, я думал так же.

— Оставим на время Невежду. Знал ли ты примерно лет десять назад человека по имени Временный, который жил в нашей округе и прославился тем, что порвал с греховным миром? — спросил Христианин.

— Как же! Знал. Он жил в городе Непристойном, в двух милях от города Честности, по соседству с неким Перебежчиком.

— Верно. Они жили под одной крышей. Одно время этот Временный был крайне обеспокоен, по-моему, он понял свою греховность и то, что его за это ожидает в будущей жизни.

— Я думаю, что он в самом деле одно время задумывался над своей жизнью. Мой дом находился от него в пятнадцати верстах, однако он часто забегал ко мне весь в слезах. Мне его было искренне жаль, и я возлагал на него большие надежды. Но именно этот человек является ярким примером тому, что не всякий, говорящий:

"Господи, Господи!", спасется.

— Так вот, однажды он объявил мне, что решил стать пилигримом. Но затем он познакомился с неким Спасисебясам, и наши пути разошлись.

— Так как мы уж завели о нем речь, давай подумаем, почему он и ему подобные, однажды встав на истинный путь, так быстро отпадают?

— Это будет полезно обоим, но начни ты, — предложил Христианин Уповающему.

— По-моему, на это есть четыре причины.

Первая. Хотя совесть у таких людей и проснулась, сердце их не изменилось. И потому, когда чувство вины и страха в них исчезает, исчезает и причина, заставившая их задуматься и начать новую жизнь, и они возвращаются к своим старым привычкам и к прежнему образу жизни.

Вторая причина, на мой взгляд, — это их рабский страх перед людским мнением, который блокирует их свободу действий. "Боязнь пред людьми ставит сеть". Они ревностно стремятся к небу, пока находятся под страхом вечного осуждения, но вскоре приходят к выводу, что нужно быть мудрым в жизни и не рисковать сегодняшними благами земными, вступая в конфликт с людьми из-за чего-то неизвестного.

Следующая причина — позор, которым клеймят истинно верующих. Он для них камень преткновения! Они горды и надменны, а Слово Божие в их глазах несерьезно, глупо и достойно всякого презрения. Поэтому, когда проходит в них первый страх перед угрожающей им в будущем геенной, они спокойно возвращаются к старой беспечной жизни.

И последняя. Чувство своей вины и страх перед адом для них просто невыносимы. Сознание своей греховности и недостойности, быть может, подстегнуло бы их оставить путь греха и броситься с раскаянием к стопам милосердного Бога. Но, избегая тяжелого чувства страха и уже однажды подавив его в себе, они стараются ожесточить свое сердце к подобным проявлениям угрызения совести.

— Ты очень обстоятельно и подробно объяснил все. Главная причина отпадения от истинного пути состоит в том, что не изменились в них по-настоящему ни сердце, ни воля. И потому они чувствуют себя, как преступник перед судьей. Они дрожат от страха и, кажется, искренно раскаиваются в содеянном, в сущности же они боятся лишь казни. Отпусти такого человека на свободу, он тотчас займется своим старым ремеслом. Если бы душа в нем изменилась, он сделался бы другим человеком.

— Я тебе указал лишь на причины отступничества, а ты теперь поясни, каким образом оно совершается, — попросил Уповающий.

— Охотно. Во-первых, отступники стараются не думать о Боге, смерти и будущем суде.

Во-вторых, они постепенно перестают молиться, бороться с грехом, скорбеть о содеянном грехе, теряют бдительность и т. д.

В-третьих, они избегают общества ревностных христиан, находя их скучными, отсталыми и чуть ли не сумасшедшими.

В-четвертых, они становятся равнодушными к общей молитве, к слушанию и чтению Слова Божьего, ко всякому участию в христианских беседах, собраниях и т. п.

В-пятых, с наслаждением ищут и подмечают слабости истинных христиан и открыто и со злобой насмеваются над ними. Делают они это с единственной целью оправдать свое отпадение от веры.

В-шестых, начинают общаться с безбожниками, отступниками и развратниками и находят удовольствие в их обществе.

В-седьмых, ведут грязные пересуды и счастливы, если подметят в одном из верующих эту слабость, ибо тогда они считают себя вправе, осуждать других еще более открыто, ссылаясь на их пример.

В-восьмых, они начинают открыто грешить.

И, наконец, в-девятых, ожесточив мало-помалу свое сердце, они себя показывают такими, какие они есть на самом деле. Их снова подхватывает волна греха, ведущая в бездну, где они, если их вовремя не остановит чудо Божьей благодати, от своего самообольщения и самообмана погибают.

Глава 19. **ПОСЛЕДНЕЕ ИСПЫТАНИЕ.** **НЕБЕСНЫЙ ГРАД.**

...Вижу я, как пилигримы вышли из Очарованной страны и вступили в страну Сочетания, где воздух чистый, дорога ровная. Некоторое время они шли молча, наслаждаясь удивительной красотой природы. Щебет птиц, благоухание трав и цветов, воркование горлиц... Здесь солнце светит днем и ночью: долина Смертной Тени и замок Сомнение с великаном Отчаяние очень далеко... Зато ясно виден Небесный Град — цель всего путешествия. Уже начали встречаться им жители этого Града. Именно здесь был заключен союз Жениха и Невесты, и как жених радуется невесте своей, так Бог радуется при виде Своих искупленных... Наши странники не нуждались здесь ни в вине, ни в хлебе, ибо нашли в изобилии все то, что с трудом находили во все время своего странствования. Они даже слышали громкие голоса, доносящиеся из самого Града: "Скажите дочери Сиона: грядет Спаситель твой; награда Его с Ним", а жители страны обращались к ним: "Святой народ, искупленный Господом!".

В этой дивной стране сердца их переполняло доселе незнакомое им чувство радости. И чем ближе приближались они к Граду, тем яснее вырисовывались его контуры. Фасады домов были украшены дорогими камнями, каждые ворота были из одной жемчужины, а мостовые вымощены золотом. Весь этот блеск, все это великолепие, солнечные лучи, отражающиеся в них, вызвали в сердцах пилигримов страстное желание увидеть своего Спасителя. Христианин с Уповающим от всей этой красоты почувствовали даже легкое головокружение, поэтому они решили немного отдохнуть, восклицая:

"Если увидишь моего Возлюбленного, скажи ему, что я страдаю от любви!".

Собравшись с силами, они продолжили свой путь. Дорога проходила мимо благоухающих цветников и удивительной красоты виноградников и фруктовых садов. Подойдя ближе, они увидели садовника и спросили его:

— Чьи эти чудесные виноградники и сады?

— Царя, — ответил он, — и разбиты они здесь для Него и для пилигримов.

И садовник повел их в виноградник и предложил им отведать сладкого винограда. Показал он им также царские аллеи и беседки. В одной из них они остановились на ночлег и крепко уснули.

Во сне они наговорили больше, чем за все время путешествия. Я очень удивился этому, как вдруг услышал слова садовника: "Чему ты удивляешься? Это сделал виноград, которого они вкусили; от него засыпается так сладко, "что уста спящих начинают говорить".

Проснувшись, они решили идти дальше. Но отражение солнечных лучей придавало зданиям и мостовым такой ослепительный блеск, что глядеть на все это, не ослепнув, было просто невозможно, и пилигримы вынуждены были воспользоваться куском темного стекла.

Продолжая свой путь, они встретили двоих юношей в золотых одеждах, лица которых светились, как солнце. Юноши спросили пилигримов, откуда они, где ночевали, какие трудности им пришлось пережить, были ли радостные дни и где они черпали утешение. Внимательно выслушав ответы, один из юношей обратился к ним:

— Вам предстоит преодолеть еще одно препятствие, и вы войдете в Небесный Град!

Христианин и его товарищ попросили юношей остаться с ними.

— Мы пойдем с вами, — сказали они, — но выйти победителями вы сможете только через вашу собственную веру.

Теперь они продолжали путь уже вчетвером. Вдруг они от неожиданности остановились. Дорога, по которой они шли, уходила в реку — реку широкую, глубокую и бурную. Моста поблизости не было видно. Пилигримы смутились, но юноши объявили им, что реку нужно обязательно перейти, иначе до ворот никак не добраться.

— Нет ли какой-либо другой дороги, ведущей в Небесный Град?

— Для вас нет иного пути. Лишь двое — Енох и Илия — прошли в Небесный Град другим путем. Никому более до того часа, как вострубит последний Ангел, не будет дана возможность пройти в Небесный Град иначе, чем через эту бурную реку.

Пилигримы, а особенно Христианин, огорчились, услышав это, и стали озираться по сторонам. Не найдя ничего, что могло бы избавить их от переправы через реку, они вновь обратились к юношам:

— Река везде одинаково глубока?

— Нет, — ответили те. — Глубина воды зависит от силы вашей веры. Чем сильнее вера, тем мельче река, и наоборот, чем слабее вера, тем она глубже. Мы здесь бессильны помочь вам.

Пилигримам ничего другого не оставалось, как войти в воду. Но лишь только Христианин ступил в реку, как стал тонуть... В испуге он закричал своему другу:

— Я тону в водах глубоких, и волны накрывают меня с головой! Уповающий ответил ему:

— Мужайся, брат, я чувствую дно, и оно твердо! Но Христианин воскликнул:

— Увы, друг мой, ужас смерти овладел мною, и не увижу я страны, где текут молоко и мед.

При этих словах беспросветная мгла окружила Христианина, и он уже больше ничего не видел перед собой. Лишь изредка произносил он бессвязные слова, выдающие весь ужас и страх его души и сердца навеки остаться здесь и не вступить в Небесный Град. Прежде совершенные им грехи всплывали в его памяти, терзали его и мучили. Ему казалось, что злые духи стоят рядом и уже готовы унести к себе оскверненную грехом душу его. Уповающий с трудом удерживал своего товарища над водой. Иногда от слабости он выпускал его из рук, и тогда Христианин совсем исчезал под волнами. Уповающий всеми силами старался ободрить его:

— Брат, я уже вижу врата, и там стоят люди в сверкающих одеждах, готовые принять нас.

Но Христианин слабым голосом отвечал:

— Тебя, тебя одного они ожидают, друг мой, ты всегда уповал на Господа, с самого начала, сколько я тебя знаю.

— Ты также уповал на Него, брат, — утешал его товарищ.

— Нет, друг, если б я это делал, Он бы пришел теперь спасти меня; но за грехи мои я попал в эту западню и погибну. Уповающий возразил:

— Милый брат, разве ты забыл слова, сказанные о нечестивых:

"Они смертью не будут связаны, ибо тверда их сила: они не смущены подобно другим и не будут мучимы, как другие". Это смущение и этот ужас, которые объяли тебя, не означают, что Господь тебя оставил. Он хочет испытать тебя, действительно ли ты в своей нужде будешь надеяться лишь на Него Одного, помнишь ли ты Его милость?

Христианин задумался на некоторое время. Уповающий же не переставал его уговаривать.

— Мужайся, друг, и не страшись: Иисус Христос вернет тебе силы!

Вдруг Христианин громким ликующим голосом воскликнул:

— О, вот Он! Я снова вижу Его, и Он мне говорит: "Когда ты пройдешь через воды, Я буду с тобой и реки не накроют тебя".

Они оба ободрились, и враг при этих словах отступил. Христианин сразу же почувствовал под ногами дно, и остальная часть реки показалась им мелководной. Целыми и невредимыми они вышли на берег.

Здесь их уже ждали те два юноши в сверкающих одеждах, которые проводили их до входа в реку. Увидев обоих пилигримов, они приветствовали их словами: "Мы — служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение". И все четверо направились к воротам.

Нужно заметить, что Небесный Град стоял на крутой горе, но пилигримы поднялись вверх с необыкновенной легкостью, потому что юноши поддерживали их с двух сторон. Кроме того, странники оставили в реке свои земные одежды, и вышли из воды нагими. Они не чувствовали ни усталости, ни холода и коротали время оживленной беседой. Они были счастливы, что им удалось пройти реку, и что эти двое милых юношей сопровождают их.

Спутники пилигримов рассказывали им о неопишуемой красоте и величии Небесного Града.

— Вы приближаетесь к горе Сион, — сказали они, — к Небесному Иерусалиму, где бесчисленное множество ангелов и душ искупленных. Вы войдете в рай Божий, где увидите древо жизни и вкусите от плодов его. Там вы оденете белые одежды и постоянно будете в присутствии Царя — во все дни вечности. Там более не будет того, с чем вы встречались на земле: скорбь, болезнь, плач и смерть, ибо все прежнее миновало. Вы увидите здесь праотцев — Авраама, Исаака и Иакова, всех пророков и праведников, кого Господь избавил от будущих страданий. Здесь они все ныне пребывают, живя в праведности.

— А что в этом священном месте предстоит делать нам? — поинтересовались пилигримы.

— Вы там получите утешение и радость за вашу скорбь, ваши труды и за вашу печаль на земле. Вы будете пожинать то, что посеяли: пожнете плоды ваших молитв, слез и страданий, которые пришлось вынести вам за веру и любовь к Царю Небесному. Там наденут на ваши головы золотые венцы, и вы будете постоянно наслаждаться Его присутствием, ибо увидите Его во славе. День и ночь будете вы служить Ему, воздавая хвалу и благодарение. Ему, Которому вы так желали служить на земле, хоть это и связано с трудностями и непостоянством по немощи вашей. Очи ваши с восторгом узрят лик Царя царей, а уши ваши станут внимать гласу Всемогущего. Вы свидитесь с родными, близкими и друзьями, которые раньше вас покинули землю, а потом с радостью встретите тех, которые придут после вас. Вы будете облечены славой и величием в обществе Царя славы. Когда Он явится на землю после того, как прозвучит последняя, седьмая, труба, вы

будете рядом с Ним. Когда Он воссядет на престол Свой в день судный, вы будете при Нем. И когда Он произнесет приговор Свой против всех, творящих нечестие, будь они ангелы или человеки, вы будете иметь голос на суде, потому что они были врагами Его и вашими. И когда, наконец, Он вернется в Град Свой и вы вернетесь с Ним при звуке трубном, то пребудете с Ним вечно.

У ворот их встретило небесное воинство Ангелов. Один из Ангелов, сопровождавший пилигримов, а эти юноши и были Ангелами, сказал: "Се мужи, возлюбившие Господа нашего, когда еще были на земле. Они оставили все ради Его святого имени, и Он послал нас за ними, чтобы привести их сюда, дабы они получили радость узреть своего Искупителя".

Небесный хор грянул песнь: "Блаженны званные на брачную вечерю Агнца". Тут подошли к ним царские трубачи, одетые в белые светящиеся одежды, чтобы приветствовать пилигримов, проделавших тяжелый путь и заслуживших Небесное царство. Чудной музыке и громким возгласам радости вторило небесное эхо.

Часть сопровождающих шла впереди, часть — по обеим сторонам, а остальные сзади. Вся эта процессия была похожа на встречу очень важного гостя. Ангелов было так много, что пилигримам казалось, все небожители встречают их с пением, трубами и возгласами торжества. Пилигримы вкушали радость от общества Ангелов и служителей Господних. Они уже видели впереди Небесный Град, в воздухе плыл колокольный звон, дабы приветствовать их с большой торжественностью. Но особенно радостной для них была мысль, что здесь приготовлена им вечная обитель. Каким языком или пером можно описать эту небесную радость их сердец?!

Подойдя к воротам, они увидели надпись золотыми буквами:

"Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь 14 им право на древо жизни и войти в город воротами".

Здесь их спутники приказали им постучать. На стук на городской стене показалось несколько человек. Это были великие мужи Божий — Енох, Моисей, Илия и другие, которым Ангелы представили пилигримов так: "Эти пилигримы вышли из города Гибель, возлюбя Царя Небесного". Пилигримы отдали полученные ими в начале путешествия свидетельства, которые были тотчас отнесены к Царю. Царь, прочтя свидетельства, спросил:

— Где эти люди?

— Они у ворот, — был ответ.

И тогда Царь приказал отворить ворота: "Да войдет народ праведный, хранящий истину!".

...Тогда увидел я, что пилигримы вошли в ворота и там вдруг преобразились и были облечены в одеяния, сверкающие, словно золото. Каждому из них вручили арфу для прославления Всевышнего, голову украсили венцом славы. Вдруг разом зазвонили все колокола и под чудный перезвон послышался голос, обращенный к ним: "Войдите в радость Господа вашего". Радость, охватившая пилигримов, переполнила их сердца, и они присоединились к ангелам: "Сидящему на престоле и Агнцу благоволение, честь, слава во веки веков".

Пока ворота были отворены, я заглянул туда и увидел, что в городе светло, словно весь город одно большое солнце, улицы вымощены золотом, а по ним прохаживаются херувимы и серафимы с пальмовыми ветвями и арфами. Ангелы, которых было большое множество, воспевали: "Свят, свят, свят Господь Саваоф!".

Но тут затворились ворота, и мне стало жаль, что не могу их сопровождать далее и пребывать с ними в Небесном Граде.

Размышляя обо всем виденном и слышанном, я случайно обернулся назад и увидел Невежду, подходящего к реке. Перебраться через нее ему не стоило никакого труда, так как его любезно согласился перевезти некий паромщик по имени Напрасноуповающий. Невежда поднялся на гору совершенно один, никто его не сопровождал. Никто не вышел

ему навстречу, никто не приветствовал его. Когда он подошел к воротам и прочел надпись над ними, он стал стучать в дверь, в полной уверенности, что ему тотчас будет разрешен вход в город. Но голос из-за ворот спросил его:

— Кто ты и что тебе нужно?

— Я ел и пил в присутствии Царя, и Он учил на улицах нашего города.

— Есть ли у тебя свидетельство, которое мы можем показать Царю?

Он долго искал во всех карманах и за пазухой, но ничего не нашел.

— Разве нет у тебя свидетельства?

Пришелец молчал. Пошли доложить Царю, но Он не пожелал спуститься Сам, а повелел двум Ангелам, сопровождавшим Христианина и Уповающего, выйти к Невежде, связать ему руки и ноги и выбросить вон во тьму кремешную. Они его подняли и понесли по воздуху до той самой двери, которую я заметил на склоне горы. Тогда я понял, что в ад ведет дорога не только из города Гибели. В ад можно попасть, уже будучи у врат в Небесный Град...

Тут я проснулся и понял, что это был сон.